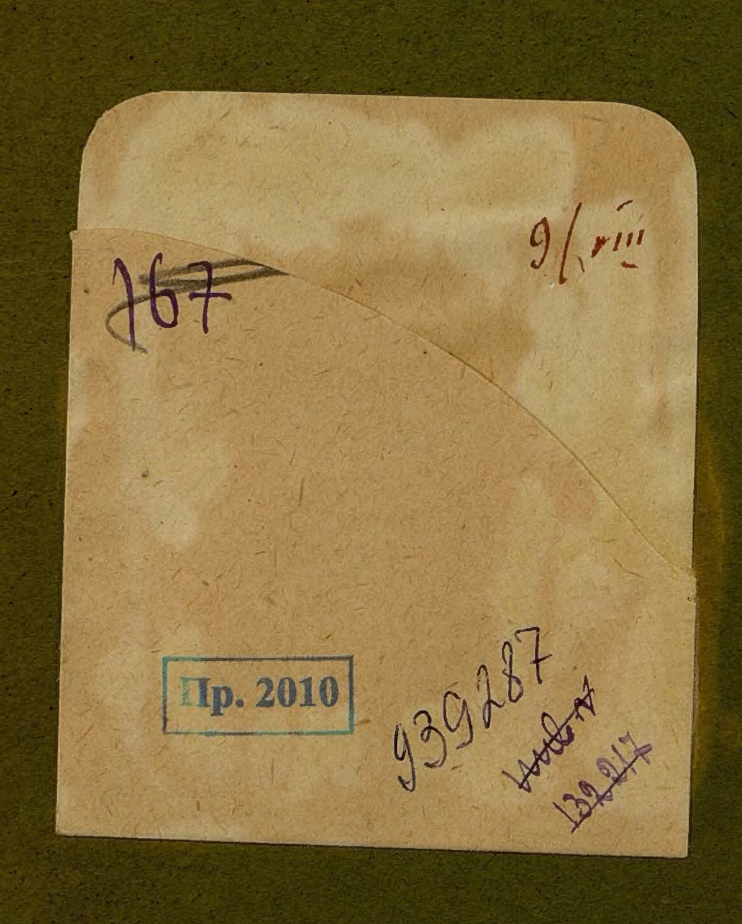

Пр. 2010
939287

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

изъ поэтическихъ произведеній

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Составилъ
Николай Казанцевъ.

Изданіе автора.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бул., Путинковскій пер., собствен. домъ.
1910.

ПОСВЯЩАЮ

ПАМЯТИ ТЕТКИ МОЕЙ

Александры Семеновны

Патакиной.

† 18 мая 1910 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ АВТОРА.

Наши историческія хрестоматіи явились плодомъ нашего желанія— облегчить учащимся усвоеніе историческаго матеріала, заставить ихъ полюбить исторію и способствовать эстетическому развитію учащихся.

Когда мы сдѣлали первые шаги на этомъ поприщѣ три года назадъ: стали читать нѣкоторыя поэтическія произведенія и показывать въ классѣ картины на историческія темы, то учащіеся, ученики Бердянскаго реальнаго училища, учрежд. А. П. Нейфельдомъ, и ученицы Бердянской женской гимназіи, учрежд. Э. Н. Сахановой, — всѣмъ имъ мы и приносимъ свою благодарность,—выразили большой интересъ къ этому дѣлу; они съ удовольствіемъ слушали поэтическія произведенія, просили объ ихъ чтеніи, переписывали себѣ понравившіеся имъ стихи, выписывали для меня нѣкоторыя стихотворенія, собирали историческія и географическія картинки.

Такой интересъ къ дѣлу заставилъ меня думать, что все наше начинаніе могло бы выйти за предѣлы учебнаго заведенія и сдѣлаться достояніемъ даже не всѣхъ учащихся, а всего образованнаго общества, всѣхъ лицъ, стремящихся къ историческому знанію.

Въ продолженіи двухъ лѣтъ мы собирали стихотворенія и картины на историческія темы.

Собрано почти 1000 стихотвореній; отобравши лучшія, мы и составили двѣ хрестоматіи: одну по русской исторіи изъ 170, другую по общей изъ 344 стихотв. Недостатокъ въ средствахъ не позволилъ намъ издать ихъ съ иллюстраціями.

Историческій конспектъ къ поэтическимъ произведеніямъ.

Варяги принесли съ собою культъ личнаго существа, замѣнивъ лишь Одина Перуномъ, сами же славяне въ религіи стояли на почвѣ чистаго натурализма, т. е. почитали природу, не отдѣляя сущности отъ существа.

№ 1. Данилевскій. Славянская весна. . . . . стр. 1

Политическая жизнь на русской равнинѣ началась съ VII в. Причиной ея было то, что арабскія народности заперли Византіи и Европѣ путь въ Индію черезъ Египетъ. Тогда торговый путь изъ Византіи пошелъ черезъ Черное и Азовское моря, черезъ Донъ и Волгу; или черезъ Кумо-Манычскую впадину на Каспійское море. Поэтому по Дону и Волгѣ, а также вокругъ Кумо-Манычской долины образовались различныя государства, состоявшія не изъ народностей, а больше изъ купцовъ разныхъ странъ. Торговый путь по Дону и Волгѣ заняла политическая организація, называемая Хозарскимъ царствомъ. Противъ этой организаціи, занявшей такое выгодное торговое положеніе, и боролись желавшіе отнять у хозаръ торговый путь, жившіе по средней Волгѣ и Камѣ, болгары.

№ 2. Коринфскій. Царевъ курганъ. . . . . стр. 1

Другимъ торговымъ путемъ, имѣвшимъ не транзитное (перевозное) значеніе, а ведшимъ самостоятельный торгъ, былъ путь черезъ Новгородъ и Кіевъ. Когда къ IX в. возстановился путь черезъ Египетъ, то транзитъ черезъ Донъ и Волгу кончился и Хозарское царство исчезло само собою. Но такъ какъ Новгородъ—Кіевъ велъ торговлю своими продуктами, то значеніе ихъ усилилось, они стали складываться въ государство. По легендарному преданію, это произошло такимъ образомъ. Одна партія пригласила для властительства варяговъ (это были норманскіе дружинники, вѣроятно охранявшіе торговые караваны), но другая партія подъ предводительствомъ Вадима возстала противъ приглашенныхъ. Дѣло кончилось гибелью Вадима и его партіи.

№ 3. Рылѣевъ. Вадимъ . . . . стр. 2

Послѣ первыхъ варяжскихъ князей—Рюрика съ братьями сталъ княжить Олегъ. Онъ ушелъ изъ Новгорода и взялъ другой торговый пунктъ—Кіевъ, уничтожилъ остатки Хозарскаго царства и совершилъ сильный демостративный походъ противъ Византіи,—онъ даже, по преданію, прикрѣпилъ свой щитъ къ воротамъ Цареграда,—къ завоеванію этого торговаго пункта не приведшій.

№ 4. Пушкинъ. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ . . . . стр. 3

Смерть Олега, по преданію, была случайна. Поэтъ Языковъ даетъ намъ описаніе славянскаго погребенія, пріурочивая его къ смерти Олега.

№ 5. Языковъ. Олегъ . . . . стр. 4

Послѣ Олега всѣмъ Новгородо-Кіевскимъ торговымъ путемъ правилъ Игорь, сборами даней онъ возмутилъ подвластныхъ ему древлянъ. Они убили его. Жена его Ольга на тризнѣ отомстила убившимъ. (Лѣтопись болѣе расчлененно разсказываетъ про эту месть).

№ 6. Соколовъ. Мщеніе Ольги древлянамъ . . . . стр. 5

Византію русскимъ князьямъ взять не удалось, но вотъ императоръ греческій, боявшійся болгаръ дунайскихъ, предложилъ кн. Святославу занять Болгарію. Святославъ успѣшно совершилъ это завоеваніе и совершенно забылъ о Кіевѣ и Новгородѣ, открыто заявивъ своей матери,

что центръ его земли Болгарія. Но Византія, приглашая Святослава, лишь думала объ ослабленіи своей сосѣдки, когда же сильный и воинственный князь сталъ ея сосѣдомъ, то она сочла нужнымъ изгнать надоѣвшаго гостя. Іоаннъ Цимисхій и исполнилъ это дѣло. При Доростолѣ произошла битва; русскій лѣтописецъ говоритъ о побѣдѣ русскихъ, греческій—о побѣдѣ грековъ; результатомъ было очищеніе Святославомъ Болгаріи. Канунъ битвы изображается нашимъ поэтомъ, держащимся, очевидно, русскихъ лѣтописей.

Преемникомъ Святослава не безъ борьбы съ братьями былъ Владиміръ. Этотъ князь былъ уже не воинственный торговецъ, какъ его предшественники, но заботился объ устройствѣ своей земли. При немъ Русь была крещена.

Заботясь о землѣ и для управленія ею, Владиміръ бралъ земскихъ совѣтниковъ изъ русскихъ, а не изъ варяговъ. Пѣсни и преданія къ его времени относятъ рядъ богатырей все съ чисто русскими именами и чисто русскими чертами характера, происходившихъ изъ различныхъ сословій.

Значеніе земскихъ силъ-богатырей не долго продержалось въ Кіевской Руси. Въ скоромъ времени князья въ Кіевской Руси являются безконтрольными властителями. По преданію, земскія силы погубили взаимныя ихъ распри.

Послѣ кн. Владиміра жизнь Кіева и Новгорода течетъ отдѣльно.

Послѣ Владиміра произошла борьба между его сыновьями. Ярославъ, кн. новгородскій, съ помощью варяговъ разбилъ своего брата Святополка кіевскаго, который передъ этимъ убилъ своихъ братьевъ Бориса и Глѣба. О помощи варяговъ.

Успѣшно борясь съ Святополкомъ, Ярославъ самъ былъ разбитъ своимъ другимъ братомъ Мстиславомъ. Но Мстиславъ одинъ изъ часто являвшихся на Руси князей витязей, не глядѣлъ въ даль. Онъ Ярославу отдалъ всю Кіево-Новгородскую Русь, себѣ же взялъ всѣ земли по лѣвому берегу Днѣпра, правда, прежде знаменитыя и славныя, но теперь уже потерявшія всякое значеніе. Онъ здѣсь совершилъ много молодецкихъ подвиговъ, но самъ былъ скоро отравленъ грузинами или греками, а царство Тьмутараканское, центръ его владѣній, сперва обратилось въ разбойничій притонъ, доконавшій всю торговлю юго-восточной Россіи, а потомъ было совершенно уничтожено половцами. Одинъ изъ подвиговъ этого Мстислава и воспѣтъ поэтомъ.

Побѣжденный Ярославъ получилъ лучшую часть. Онъ хорошо воспользовался своимъ положеніемъ и не только устроилъ Русь внутренно, но завелъ и внѣшнія связи, женилъ своихъ дочерей на иноземныхъ властителяхъ.

Скоро отъ враговъ, погубившихъ юго-восточную Россію, пришлось страдать и кіевской Руси. При Изяславѣ половцы напали на Кіевъ, и битва кончилась пораженіемъ русскихъ.

Только при Владимірѣ Мономахѣ Русь стала побѣждать половцевъ. Этотъ князь загналъ ихъ далеко въ глубь степей.

Послѣ Владиміра Мономаха торговля съ Греціей почти прекратилась, и половцы стали не страшны для русскихъ, они или ушли въ глубь степей, поставляя по мѣрѣ надобности легкую конницу для князей, ведшихъ междуусобицу, или же селились съ русскими, если не сли-

ваясь, то и не особенно враждуя съ ними. Конечно, они грабили окраины, но противъ этого можно было надѣлать засѣкъ и устроить „сторожу", какъ это дѣлали московскіе князья противъ татаръ. Поэтому послѣ Владиміра Мономаха можно было бы и не ждать крупной борьбы съ половцами. Но Кіевская Русь, Русь военно-торговая, имѣла очень безпокойныхъ князей, которые страшно желали „налѣзти славы" въ битвѣ. И вотъ черниговскій князь Игорь Святославичъ собралъ такихъ же какъ и онъ искателей приключеній и отправился съ ними искать половцевъ. За Дономъ они отыскали половцевъ и разбили ихъ, но тѣ потомъ собрались уже вмѣстѣ и уничтожили и плѣнили русскихъ. Дѣло однако кончилось благополучно, и для примиренія враждующихъ сынъ Игоря Владиміръ женился на дочери хана половецкаго. Этому походу дано самое поэтическое описаніе. Наши поэты вдохновлялись этимъ словомъ, варіировали его темы.

Имѣя какое-нибудь земельное богатство, можно свой участокъ, худшій, при стараніи сдѣлать лучшимъ, но этого нельзя сказать относительно торговыхъ пунктовъ. Не человѣкъ даетъ значеніе торговому пункту. Въ Кіевской Руси города опредѣлялись торговымъ значеніемъ, поэтому князья все время переходили тутъ съ мѣста на мѣсто, не имѣя насиженныхъ гнѣздъ, поэтому тутъ очень скоро возникла вражда и борьба между князьями изъ-за этихъ торговыхъ пунктовъ. Борьба велась иногда со страшной жестокостью. Наиболѣе яркимъ примѣромъ этой борьбы является ослѣпленіе кн. Василька Ростиславича, совершенное послѣ Любечскаго съѣзда, на которомъ князья „урядились (раздѣлили) по землѣ" и поклялись не враждовать между собою.

Новгородская Русь была родной Кіевской по духу, тутъ то-же было много удали и молодечества, тутъ удальство направлялось на расширеніе государства и на пріобрѣтеніе новыхъ рынковъ. Удалымъ тутъ былъ купецъ, идущій на легкихъ лодкахъ-ушкуяхъ по Волгѣ, а потомъ, перетащивши ихъ черезъ волокъ по Двинѣ и Печорѣ, отыскивающій новыхъ торговыхъ рынковъ, земель или добычи.

Христіанство въ Кіевской Руси появилось задолго до Владиміра, такъ что, призывая креститься, Владиміръ дѣлалъ эту религію лишь господствующей. Не то было въ Новгородской: тамъ христіанство приходилось вводить силою, новообращенные были нетверды въ вѣрѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ готовы были отпасть поголовно. Поэтами переданъ случай, когда на сторонѣ христіанства остались лишь князь съ дружиной, — кіевскіе пришельцы, да духовенство.

Нѣсколько позже Кіево-Новгородской Руси на политическую сцену выступила Русь Владимірская, главнымъ образомъ земледѣльческая. Здѣсь князьямъ не было нужды переходить съ мѣста на мѣсто, поэтому они усаживались на извѣстномъ столѣ болѣе плотно, стараясь возвысить свой удѣлъ. Все это дало благопріятные результаты, и владимірскіе князья скоро подчинили себѣ Кіевскую Русь, потерявшую основу своего богатства. Но когда князь Андрей Боголюбскій, разгромившій Кіевъ, рѣшилъ овладѣть и Новгородомъ, то оказалось, что Новгородъ сильнѣе Владиміра, и новгородцы разбили Андрея Боголюбскаго.

Христіанство съ трудомъ прививалось въ Новгородѣ; естественно, что оттуда не было миссіонеровъ. И вотъ у сосѣдей новгородцевъ, ливовъ, христіанство сталъ насаждать орденъ меченосцевъ, явившійся изъ Западной Европы.

Кіевъ доживалъ свои дни, когда явились татары, и они добили его. Владимірская Русь не была объединена и потому была разбита, но этотъ погромъ не уничтожилъ ея, а далъ

урокъ, что безъ объединенія нельзя бороться съ татарами. Особенно тяжело досталось отъ татарскаго нашествія Рязанскому княжеству. Здѣсь были совершены многіе подвиги, свойственные Кіевской Руси. Особенно прославился богатырь Евпатій Коловратъ.

Въ своемъ пути татары совершенно истребили нѣкоторые города. Этотъ ужасъ не всегда былъ понятенъ уму современниковъ, и у нихъ сохранилось преданіе, что нѣкоторые города Богъ скрылъ подъ землю до времени. Таково преданіе о градѣ Китежѣ.

Татарское иго было очень тяжело для Руси. Сборщики податей грабили населеніе, уводили его въ плѣнъ, откуда почти не было надеждъ возвратиться.

Утѣшеніемъ въ бѣдствіи были церковь—монастыри, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были мѣсттомъ, куда могло селиться крестьянство, спасаясь отъ татарскихъ налоговъ.

Во время нашествія татаръ и подъ татарскимъ игомъ Русь дала высокіе примѣры мученичества за вѣру и отечество.

Почти одновременно съ татарскими погромами Новгородская земля испытала нашествіе ордена и шведовъ. Но съ этими врагами битвы были побѣдоносныя. Со шведами битва описана.

Этотъ князь былъ предокъ московскихъ князей. Какъ видно изъ битвы со шведами, онъ удаль имѣлъ, но, какъ московскіе князья, его потомки брали больше не удалью, а другими путями. Онъ заставилъ новгородцевъ, не подчиненныхъ Батыемъ, платить дань въ Золотую Орду.

Богаче и культурнѣе Владимірскаго княжества было юго-западное Галицкое княжество, но бояре, во Владимірской Руси значенія не имѣвшіе, въ Галицкомъ княжествѣ были сильны и составляли оппозицію князю. Они то и погубили Галицкую Русь.

Во Владимірской Руси скоро возвысилось Московское княжество. Возвышеніе Москвы сравнительно съ тѣмъ, что оно было раньше, казалось всѣмъ такимъ чудеснымъ, что легенда ставитъ это дѣло въ зависимость отъ силы Божіей, поддерживавшей Русь во время татарскаго ига.

Для своего возвышенія московскіе князья въ средствахъ не стѣснялись. Когда въ Тверскомъ княжествѣ произошло возмущеніе противъ баскаковъ, то московскій князь охотно принялъ отъ хана порученіе наказать тверяковъ. Это порученіе было исполнено неудачно. Тверь разбила Москву и татаръ. Когда послѣ этого тверской князь явился въ орду, то тамъ по навѣту московскаго князя былъ казненъ.

Побѣдивъ Тверь, Москва стала первымъ княжествомъ во Владимірской Руси. Въ то же время она стала и церковнымъ центромъ Руси.

Объединивъ вокругъ себя всѣхъ Владимірскихъ князей (Рязанское княжество входило въ составъ Кіевской Руси), Московскій князь Дмитрій Донской выступилъ противъ татаръ.

Сильно поддерживало его въ этомъ замыслѣ духовенство и особенно св. препод. Сергій. Произошла битва на Куликовскомъ полѣ. Это было первое большое пораженіе татаръ.

Черезъ сто лѣтъ послѣ Куликовской битвы, въ 1480 г., великій князь московскій Іоаннъ III разорвалъ и растопталъ басму съ изображеніемъ хана Ахмата, уничтоживъ, такимъ образомъ, всѣ знаки порабощенія Руси татарами. Въ это время,—во время торжества Московскаго государства,—другія православныя государства были подчинены туркамъ. Въ 1453 г. взятіемъ Константинополя закончился процессъ покоренія Балканскаго государства турками. Палъ Константинополь, второй Римъ. Къ кому же перейдетъ положеніе міроваго города? Гдѣ будетъ центръ православія? Московскіе книжники рѣшили, что все это перейдетъ къ Москвѣ, которая будетъ уже послѣднимъ вѣчнымъ Римомъ.

Занявъ высокое внѣшнее положеніе, Москва подчиняетъ себѣ всѣхъ удѣльныхъ князей. Рязанскій князь не избѣгъ общей участи.

Въ то же время подчиняетъ себѣ Москва и вольные города. Псковъ подчинился добровольно, а Новгородъ принудили силою.

Иванъ Васильевичъ III подчинилъ себѣ всѣхъ князей и вольные города. Иванъ Грозный посредствомъ мукъ и казней превратилъ князей властительныхъ и свободныхъ гражданъ вольныхъ городовъ въ подданныхъ холопей московскаго царя.

Единственнымъ голосомъ, поднявшимся противъ средствъ, которыми Іоаннъ IV нивеллировалъ (равнялъ) своихъ подданныхъ, былъ св. митрополитъ Филиппъ.

Царствованіе Іоанна IV было славно завоеваніями. Было завоевано царство Казанское.

Укрѣплено предкавказье, поселеніемъ по гребню Кавказскихъ горъ казаковъ.

Была завоевана Сибирь.

При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ произошла важная реформа—прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. До этого времени крестьяне имѣли право переходить отъ помѣщиковъ послѣ зимняго Георгія (26 ноября), послѣ окончанія полевыхъ работъ; теперь это право отъ крестьянъ отнималось, и они этимъ указомъ превращались въ земельныхъ рабовъ, а жизненною практикой—въ рабовъ господина.

Преемникъ Ѳеодора Іоанновича Борисъ Годуновъ былъ милостивъ къ народу, поддерживалъ дѣятельное сношеніе съ иноземцами, но надъ нимъ тяготѣло подозрѣніе въ убійствѣ

младенца Димитрія, сына Іоанна Грознаго, и потому онъ не устоялъ противъ самозванца, прикрывавшагося именемъ Димитрія.

Дмитрія Самозванца народная пѣснь называетъ Гришкой Отрепьевымъ и обвиняетъ его въ томъ, что свадьбу свою онъ совершилъ подъ Николинъ день, не парился въ банѣ, льстилъ полякамъ. Мать Дмитрія, Марію Нагую, называетъ Еленой Михаиловной.

Убіеніе Дмитрія Самозванца и возведеніе на престолъ Василія Шуйскаго не только не успокоило государство, но было причиною новыхъ смутъ. Прикрываясь именемъ Дмитрія, явился тушинскій воръ. Онъ ужъ былъ такъ силенъ, что для борьбы съ нимъ правительство царя Василія Шуйскаго пригласило шведовъ. Соединенныя силы русскихъ и шведовъ подъ предводительствомъ кн. Скопина Шуйскаго разбили тушинцевъ. Москва стала-было успокаиваться и возвела Скопина въ національные герои, но вдругъ Скопинъ скоропостижно скончался. Возникло подозрѣніе, что онъ былъ отравленъ.

Въ то время, какъ тушинскій воръ осаждалъ Москву, другая часть поляковъ осадила Троицкую Сергіеву Лавру, которая мужественно отсидѣлась отъ враговъ.

Послѣ смерти Скопина дворяне свели съ престола царя Василія Шуйскаго. Смута отъ этого разрослась, тогда поляки и предложили,—какъ средство выйти изъ смутъ и примириться народностямъ,—избрать королевича польскаго Владислава. Но многіе русскіе возстали противъ этого и рѣшили выбрать русскаго царя, сперва изгнавъ поляковъ. Эта мысль зародилась въ Новгородѣ, проводникомъ ея былъ мѣщанинъ Кузьма Мининъ.

Духовенство поддержало эту идею, патріархъ Гермогенъ послалъ благословеніе ополченцамъ. За это онъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ.

Національная партія намѣтила въ избранники Михаила Ѳеодоровича Романова. Узнавъ объ этомъ, поляки послали отрядъ убить Михаила. Крестьянинъ Иванъ Сусанинъ, узнавъ объ этомъ замыслѣ, завелъ поляковъ въ непроходимый лѣсъ. Этимъ далъ возможность Михаилу, предувѣдомленному его сыномъ, спастись.

Смутное время закончилось избраніемъ Михаила Ѳеодоровича на царство въ 1613 г. Народная пѣснь не знаетъ о сведеніи съ престола царя Василія Шуйскаго и думаетъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ выбранъ по смерти царя Василія.

Царствованіе Алексѣя Михайловича было чревато событіями. Въ Поволжьѣ поднялось возстаніе донского казака Стеньки (Степана) Разина. На народъ этотъ удалецъ произвелъ большое впечатлѣніе, и онъ въ пѣсни представляетъ себѣ, что Стенька скрылся куда-то въ Амурскую землю, когда всѣ его товарищи были взяты въ плѣнъ.

Въ дѣйствительности, Стенька былъ схваченъ и казненъ.

Однимъ изъ важныхъ событій въ царствованіе Алексѣя Михайловича была борьба свѣтской власти съ духовной. Патріархъ Никонъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ царя, относящагося къ нему очень почтительно, и, поставивъ прецедентомъ, что при патріархѣ Филаретѣ власть церковная была выше царской, сталъ смотрѣть на себя какъ на царя-папу. Изъ-за этого,—хотя прикрывали себя и царь, и патріархъ мелочами,—произошло столкновеніе, окончившееся низложеніемъ и ссылкою Никона въ монастырь.

Патріархъ Никонъ своимъ исправленіемъ церковныхъ книгъ породилъ расколъ въ русской церкви. За старые книги и обряды встали многіе. Однимъ изъ видныхъ поборниковъ раскола былъ протопопъ Аввакумъ. Онъ оставилъ автобіографію, написанную замѣчательно

чистымъ русскимъ языкомъ. (Изученіе этого произведенія было бы необходимо при изученіи литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ). По этой біографіи и составлено стихотвореніе.

Важнымъ политическимъ фактомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича было присоединеніе Малороссіи. Малороссія находилась въ подданствѣ у поляковъ. Поляки угнетали малороссіянъ и гнали православную религію. Малороссы поднимали нѣсколько возстаній. Были возстанія: Павлюка, Наливайки, Остраницы, Тараса Бульбы и др.,—всѣ они оканчивались неудачей. Поляки избивали возставшихъ и предавали страшнымъ казнямъ предводителей. Неудача этихъ возстаній ясно показала, что Малороссы не могутъ биться одинъ на одинъ съ Польшей. Поэтому Богданъ Хмѣльницкій, поднявши противъ Польши возстаніе, присоединилъ часть Малороссіи, лѣвый берегъ Днѣпра, къ Россіи.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича выдвинулся умный и просвѣщенный бояринъ сторонникъ Запада и воспитатель Натальи Кирилловны Нарышкиной, второй жены Петра, бояринъ Артамонъ Матвѣевъ. При вступленіи на престолъ Ѳеодора Алексѣевича партія Милославскихъ сослала Матвѣева въ Пустоозерскъ. Послѣ смерти этого царя на краткій мигъ восторжествовала партія Нарышкиныхъ, поспѣшившая возвратить своего главаря Матвѣева, но Милославскіе посредствомъ бунта стрѣлецкаго вернули себѣ господство, по ихъ наущенію стрѣльцы убили многихъ предводителей нарышкинской партіи, а въ числѣ ихъ и Матвѣева.

Послѣ смерти Ѳеодора Алексѣевича восторжествовала партія Нарышкиныхъ и возвела на престолъ, помимо Іоанна Алексѣевича, Петра. Но въ такой странѣ, какъ тогдашняя Россія, мысль, что помимо законнаго царя возведенъ другой,—возведенъ партіей западниковъ,—могла очень сильно дѣйствовать на народъ. Этой идеею оперируя (дѣйствуя) и даже развивая ее такъ, что Іоаннъ Алексѣевичъ уже убитъ, партія Милославскихъ подняла стрѣльцовъ. Стрѣльцы основательно исполнили порученное: были убиты Матвѣевъ, Нарышкины, Долгорукіе и др. Были возведены на престолъ оба царевича съ сестрою, управлявшей во время ихъ малолѣтства. Стрѣльцы отъ себя соединили свое дѣло съ расколомъ. Софья же коварно убила предводителя стрѣльцовъ Хованскаго, а другихъ убѣдила отказаться отъ раскола.

Въ царствованіе Петра изъ потѣшныхъ было образовано новое регулярное войско—солдаты. Въ примѣрномъ бою—Кожуховскій походъ потѣшные уже показали свое преимущество передъ стрѣльцами, разбивъ ихъ. Поэтому, когда во время путешествія Петра за границу стрѣльцы подняли бунтъ, то противъ нихъ были посланы солдаты, которые разбили ихъ. Послѣ этого Петръ безжалостно казнилъ стрѣльцовъ.

Казни совершены были не безъ разбора: тѣ, которые готовы были примкнуть къ новому строю, были не только прощены Петромъ, но онъ торжественно справлялъ примиреніе съ ними.

Одной изъ главныхъ заботъ Петра было стремленіе найти „окно" для Россіи. Исконнымъ выходомъ для нея было Черное море. Въ союзѣ съ Австріей и Польшей Петръ началъ войну съ Турціей—Азовскіе походы. Война шла удачно, но союзники покинули Петра, и онъ, не рѣшаясь вести войну одинъ, кинулъ свои пріобрѣтенія. Въ этой войнѣ участвовали Донскіе казаки.

Во время войнъ Петръ неоднократно ѣздилъ за границу. Тамъ въ качествѣ простого рабочаго онъ изучалъ различные ремесла.

Не взявъ Чернаго моря, Петръ обратился къ Балтійскому и въ союзѣ съ Польшей и Даніей поднялъ войну противъ Швеціи. Занявъ берега Финскаго залива, онъ основалъ тутъ городъ Петербургъ.

Рѣшающее значеніе въ этой войнѣ имѣла потлавская битва 1709 г.

Завоеваніе морей побудило Петра думать и о подъѣздныхъ путяхъ къ нимъ. Рѣки Европейской Россіи очень близко сходятся между собою. Петръ намѣтилъ цѣлый рядъ каналовъ. На постройку каналовъ народъ сгонялся отовсюду и гибъ на этихъ работахъ отъ ихъ тяжести и отъ отсутствія порядка. Народъ запомнилъ это.

Тяжесть работъ много зависѣла отъ того, что окружающіе Петра все дѣлали небезкорыстно.

Въ заботахъ объ образованіи государства Петръ основалъ школы. Школы эти были главнымъ образомъ практическія.

Семейная жизнь Петра была далеко не радостна. Въ собственной семьѣ Петръ встрѣтилъ противоборство реформамъ. Это привело къ драмѣ—казни сына отцомъ.

Послѣ Петра воцарилась Екатерина I. Народъ не зналъ о придворныхъ переворотахъ и думаетъ, что Петръ самъ передалъ престолъ имп. Екатеринѣ.

Личность Петра, его реформы произвели особенное впечатлѣніе на современниковъ и потомковъ Петра. Явилась цѣлая литература о Петрѣ.

Изъ сотрудниковъ Петра нужно отмѣтить краснорѣчиваго архіерея Ѳеофана Прокоповича, съ высоты церковной каѳедры дававшаго санкцію петровскимъ преобразованіямъ.

Царствованіе Анны Іоанновны характеризуется борьбою русскихъ элементовъ съ нѣмецкими. Предводителями этихъ партій были: Волынскій и Биронъ. Волынскій подалъ императрицѣ записку, въ которой проводилъ мысль, что нѣмцы губятъ Россію и что главною причиною золъ является Биронъ. Русская партія не поддержала своего главу, и онъ былъ сначала заключенъ въ темницу, а потомъ казненъ.

Царствованіе императрицы Елизаветы характеризуется сравнительно мирной политикой, замѣною нѣмецкихъ людей русскими и нѣмецкаго вліянія французскимъ.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны и развивалась дѣятельность перваго русскаго ученаго, сына простого рыбака Ломоносова.

Избранный академикомъ, онъ не поладилъ съ нѣмцами, которые составляли господствующую партію въ Академіи Наукъ.

Екатерина II не только царствовала, но и жила общею жизнью съ тогдашнимъ обществомъ. Эту черту императрицы и воспѣлъ Державинъ.

Царствованіе Екатерины II славно двумя походами на турокъ. Первый воспѣлъ Державинъ.

Во время первой турецкой войны начался бунтъ Пугачева.

Второй турецкій походъ былъ вызванъ Потемкинымъ. Потемкинъ былъ основателемъ греческаго вопроса, теперь выродившагося въ восточный вопросъ. Онъ предложилъ императрицѣ совершенно прогнать турокъ изъ Европы, а на Балканскомъ полуостровѣ основать Греческое государство съ русскимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ во главѣ. Эта война стоила многихъ затратъ, а вопросъ этотъ теперь въ Европѣ стоитъ такъ, что для Европейскаго равновѣсія нужно существованіе Оттоманской имперіи.

Поляки своими неистовствами въ Малороссіи привели къ отложенію отъ нея и переходу къ Россіи лѣваго берега Днѣпра, но урокъ не выучилъ ихъ. Звѣрства на правомъ продолжались. Тогда малороссы опять возстали. Это возстаніе называется „Гайдамачиной“; главными предводителями были Гонта и Желѣзнякъ. Когда лучшіе изъ поляковъ хотѣли облегчить положеніе народностей, населявшихъ Польшу, отмѣнить „не позволямъ“, уравнять національности и сословія, то другая часть поляковъ возстала противъ либераловъ. Смутой въ Польшѣ воспользовались сосѣди: Россія, Австрія и Польша и раздѣлили ее между собой.

Лучшимъ полководцемъ въ царствованіе Екатерины II и Павла I былъ Суворовъ.

О наполеоновской эпопеѣ мы помѣстили въ русской хрестоматіи лишь то, что относится къ русскому походу. О Наполеонѣ и объ его дѣятельности смотри нашу хрестоматію по общей исторіи.

Побѣда въ наполеоновскомъ походѣ была на сторонѣ русскаго царя.

Начало кампаніи поставляется въ переходѣ Наполеона черезъ Нѣманъ.

Какъ во всѣхъ наполеоновскихъ походахъ, такъ и въ этомъ, поляки были на сторонѣ Наполеона.

Важнѣйшимъ сраженіемъ этой кампаніи было Бородино.

Послѣ бородинской битвы Наполеонъ занялъ Москву, но это не привело къ концу войны. Тогда онъ началъ отступленіе.

Изъ дѣятелей этого похода прославились: Барклай-де-Толли, по плану котораго велась война, но который былъ несправедливо отставленъ по подозрѣнію въ измѣнѣ.

— Кутузовъ, давшій бородинскій бой и изгнавшій Наполеона.

Въ концѣ царствованія Николая I началась севастопольская кампанія. Причиною ея было то, что европейскія державы не хотѣли сносить первенствующаго положенія Россіи, которое она заняла послѣ низложенія Наполеона. Противъ Россіи были соединенныя силы французовъ, англичанъ, турокъ, пьемонтцевъ; остальныя европейскія державы явно сочувствовали союзникамъ.

Начали войну турки и русскіе подъ предводительствомъ Нахимова разбили турецкій флотъ при Синопѣ. Но турецкій флотъ не былъ въ состояніи загородить дорогу флоту союзниковъ, а потому былъ потопленъ въ севастопольскомъ рейдѣ, чтобы этимъ воспрепятствовать вхожденію въ портъ врагамъ.

Войско союзниковъ напало на Россію со всѣхъ концовъ. Были нападенія на Кронштадтъ, на Соловецкіе острова и даже на Камчатку.

Война окончилась неудачею для Россіи, но она ясно показала, что не недостатокъ геройства со стороны отдѣльныхъ лицъ, а недостатки правительственной системы были причиной нашего пораженія.

Неудача заставила общество и правительство оглянуться на себя и заняться реформами.

Когда во время севастопольской войны умеръ императоръ Николай I, то австрійское правительство прислало эрцгерцога для выраженія соболѣзнованія. Это сдѣлало правительство, которое въ 1848 г. получило отъ Николая I помощь для подавленія возстанія, а во время севастопольской кампаніи, заявивъ устами своего министра, что удивитъ міръ неблагодарностью, заняло угрожающее положеніе на Дунаѣ, объявивъ, что присоединится къ союзникамъ, если русскіе перейдутъ Дунай.

Одной изъ важнѣйшихъ реформъ, совершенныхъ послѣ севастопольской кампаніи, было освобожденіе крестьянъ.

Много сдѣлано было для народнаго образованія, стали учить народъ и женщинъ.

Вообще въ это время общество дѣятельно стремилось къ обновленію.

Французско-прусская война позволила русскому дипломату Горчакову добиться уничтоженія статей Парижскаго конгресса, запрещавшихъ русскимъ на Черномъ морѣ имѣть гавани и флотъ (Парижскій конгрессъ выработалъ условія мира послѣ севастопольской войны).

XIX вѣкъ характеризуется національнымъ пробужденіемъ. Это было почтенное явленіе. На этой почвѣ даже возросли два государства: Пруссія и Италія, явились многіе ученые, изслѣдовавшіе старину народности. Но въ концѣ-концовъ національзмъ сталъ преслѣдовать не свободу самоопредѣленія народности, а ея исключительное господство надъ другими народами. Наше славянофильство, стремившееся объединить всѣ славянскія народности, почтенно, но потомъ оно стало говорить о гниломъ Западѣ и особой священной миссіи славянъ для оздоровленія Европы и спасенія человѣчества.

Однимъ изъ главныхъ дѣятелей и ученымъ проводникомъ славянофильства былъ Ганка.

Славянофильство на почву вражды противъ другихъ народностей наталкивали сами эти народности. Нѣмцы заявляли, что славяне нужны лишь для оплодотворенія нѣмецкой расы, австрійскій министръ грозилъ прижать къ стѣнѣ славянъ.

Славянофильской идеѣ о спасеніи народовъ черезъ славянство вѣрилъ лучшій русскій философъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ. Онъ желалъ только, чтобы это спасеніе проводилось не силою, а словомъ и духомъ.

Славянофилы дали у насъ большую остроту восточному вопросу, требуя занятія Константинополя и освобожденія славянъ.

Они были всегдашними сторонниками войны за этотъ вопросъ.

Война за независимость народностей Балканскаго полуострова началась въ 1877 г.

Стихотворенія въ честь императора Александра II.

Императоръ Александръ III во внѣшней политикѣ заботился о всеобщемъ мирѣ.

Во внутренней политикѣ Александръ III старался дать господство всему русскому провести въ госуд. жизнь исконно-русскія начала.

Крупнымъ событіемъ царствованія Императора Николая II является русско-японская война, сопровождавшаяся и народными смутами. Окончилась она неудачно для насъ.

Однимъ изъ первыхъ нашихъ историковъ является Карамзинъ. Его характеристикой и помѣщенной тутъ поэтической программой его исторіи мы заканчиваемъ нашу хрестоматію.

№ 1. *Г. П. Данилевскій.* СЛАВЯНСКАЯ ВЕСНА.

Святовидъ—богъ солнца, богъ высшаго ранга, Усладъ и Лель—низшіе боги, боги весны.

Скоро по небу снова направитъ
Бѣгъ Святовидъ,
За моремъ зимнюю шубу оставитъ,
Все оживитъ.
Между фіалокъ, въ рощѣ тѣнистой,
Сядетъ Усладъ;
Въ кубки нацѣдитъ влаги душистой
Всѣмъ виноградъ.
Въ дебряхъ русалки свѣсятъ купала—
Вновь колыбель,
И передъ всѣми, безъ покрывала
Явится Лель.

№ 2. *А. Коринфскій.* ЦАРЕВЪ КУРГАНЪ.

(Изъ сказаній о Камскихъ болгарахъ).

Стихотвореніе говоритъ о Болгарахъ и Хозарахъ, первобытныхъ поселенцахъ русскаго Поволжья, и о борьбѣ между ними.

По нраву пришлось это мѣсто царю,—
А шелъ онъ съ низовъ изъ походу:
Отсюда изъ стана онъ видѣлъ зарю,
Съ горы нисходящую въ воду.

Отсюда—съ приволья поемныхъ луговъ—
На синюю матушку Волгу
Съ зеленою цѣпью лѣсистыхъ бугровъ
Онъ могъ любоваться подолгу.

Не могъ наглядѣться и до сыта онъ
На крѣпь Жегулей вѣковую,
На волжскаго плеса широкій затонъ,
На завѣсь небесъ голубую.

Готовъ бы сидѣть онъ съ утра до утра,
На мигъ не смыкаючи взоровъ,
Сидѣть—любоваться изъ двери шатра
Красою лѣсныхъ косогоровъ.

О, что здѣсь за дали! О, что за мѣста!
Подобна великому чуду
Разлитая волей небесъ красота
Во всемъ здѣсь—кругомъ и повсюду!

О, если бъ мой царскій престолъ не стоялъ
На Камѣ, въ Великихъ Болгарахъ,—
Сюда бы вельможъ и купцовъ я созвалъ,
Народъ весь—отъ малыхъ до старыхъ!

Построилъ бы здѣсь стольный городъ себѣ,
Вознесъ бы надъ Волгой палаты
И царствовалъ въ нихъ бы на диво судьбѣ—
Величіемъ правды богатый!

Отсюда смирялъ бы я злобу Хозаръ,
Законы давалъ бы косогамъ;
И громомъ гремѣло бы имя Болгаръ
По волжскимъ нагорнымъ отрогамъ!

Но время ль раздумью?! Ужъ ропщутъ войска,
Тоскуя надъ Волгой по Камѣ...
Пора въ путь дорогу. Лихая тоска
Не кинется жъ слѣдомъ за нами.

Простите, привольныя дали луговъ!
Прощайте, зеленыя горы...
И царь былъ печали предаться готовъ;
Но вдругъ—оживилися взоры.

Сверкнулъ онъ очами, взялъ турій свой рогъ,
Кличъ кликнулъ несмѣтнымъ дружинамъ
И всталъ передъ ними привѣтливъ и строгъ,—
Окинулъ всѣхъ взглядомъ орлинымъ;—

„Съ зарею сѣдлать звонконогихъ коней,
Шатрами сниматься пора намъ!
Но пусть знаютъ всѣ, что владыка царей
Стоялъ здѣсь съ дружиною станомъ!

Дружинники други, по горсти одной,—
Дружинники-други, внемлите,—
По горсти земли надъ могучей рѣкой,
Гдѣ былъ мой шатеръ, положите“.

Весь берегъ покрытъ былъ шатрами окрестъ.
И вотъ на призывъ властелина,
Во славу красы покидаемыхъ мѣстъ
Взялась за работу дружина.

Съ зарею—высокій бугоръ земляной
Горою вздымался предъ станомъ...
Вѣка пролетѣли надъ Волгой родной,
Но онъ не исчезъ: онъ стоитъ надъ рѣкой,

Слыветъ онъ царевымъ курганомъ.
. . . .

№ 3. *Рылѣевъ.* ВАДИМЪ.

Вадимъ—націоналистъ, противникъ Гостомысла, призвавшаго Варяговъ. Онъ поднимаетъ Новгородцевъ противъ пришельцевъ, но гибнетъ въ этой борьбѣ. Событіе это относится къ легендарной исторіи Руси.

Надъ кипящей пучиной,
Подпершись, сидитъ Вадимъ
И на Новгородъ съ кручиной
Смотритъ нѣмъ и недвижимъ.

(Страсти пылкія рисуются
На челѣ его младомъ;
Перси юныя волнуются
И глаза блестятъ огнемъ).

Громъ гремитъ; змѣей огнистою
Сумракъ молнія сѣчетъ;
Волховъ пѣной серебристою
Въ берегъ хлещетъ и реветъ.

Вотъ ужъ небо въ звѣзды рядится,
Какъ въ узорчатый вѣнецъ,
И луна сквозь тучи крадется,
Будто въ саванѣ мертвецъ.

Какъ утесъ средь моря каменный,
Какъ полночи вѣчный ледъ,
Хладенъ крѣпокъ витязь пламенный
Въ грозныхъ битвахъ за народъ!

Несмотря на хладъ убійственный
Согражданъ къ правамъ своимъ,
Ихъ отъ бѣдъ спасти наслѣдственно
Хочетъ пламенный Вадимъ.

„До какого насъ безславія
Довели вражды гражданъ!
Насылаетъ Скандинавія
Властелиновъ для Славянъ!

Грозенъ князь самовластительный!
Но наступитъ мракъ ночной;
И настанетъ часъ рѣшительный,
Часъ для гражданъ роковой!

№ 4. *Пушкинъ.* ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ.
Ихъ села и нивы за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечу и пожарамъ.
Съ дружиной своей въ цареградской бронѣ
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса навстрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ:
„Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною.
И скоро ль на радость сосѣдей враговъ,
Могильной засыплюсь землею.
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня.“
„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ ненуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.
Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава отрада;
Побѣдой прославлено имя твое,
Твой щитъ на вратахъ Цареграда,
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
И синяго моря обманчивый валъ,
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы.
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,
Незримый хранитель могучему данъ,
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ и сѣча ему ничего,
Но примешь ты смерть отъ коня своего“.
Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый.
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.
—„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время;
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки, други, возьмите коня.
Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ;
Водой ключевою поите“.
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,

А князю другого коня подвели.
Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана.
Они вспоминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
„А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ:
Скажите, гдѣ конь мой ретивый.
Здоровъ ли, все также легокъ его бѣгъ,
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый".
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ
сномъ".
Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ,—что же гаданье.
Кудесникъ, ты лживый, безумный ста-
рикъ.
Презрѣть бы твое предсказанье.
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня.
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости;
И видятъ на холмѣ у брега Днѣпра
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „Спи, другъ одинокій,
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ.
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь.
Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя.
Мнѣ смертію кость угрожала".
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ выползала,
Какъ черная лента вкругъ ногъ обви-
лась,—
И вскрикнулъ внезапно ужаленный
князь.
Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега.
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы вспоминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

№ 5. *Языковъ.* ОЛЕГЪ.

Кромѣ краткаго описанія дѣятельности Олега, болѣе полнаго въ предшествующемъ стихотвореніи Пушкина, тутъ есть описаніе славянской тризны.

Не лѣсъ завываетъ, не волны кипятъ
Подъ сильнымъ крыломъ непогоды;
То люди выходятъ изъ Кіевскихъ вратъ:
Князь Игорь, его воеводы,
Дружина, свои и чужіе народы
На берегъ Днѣпровскій, въ долину, спѣшатъ,
Могильнымъ общественнымъ пиромъ
Отправить Олегу почетный обрядъ,
Великому бранью и миромъ.

Пришли,—и широко бойцовъ и гражданъ
Толпы обступили густыя
То мѣсто, гдѣ черный возстанетъ курганъ,
Да вѣщаго помнитъ Россія;
Гдѣ князь бездыханный въ доспѣхахъ златыхъ
Лежалъ средь зеленаго луга,
И бурный товарищъ трудовъ боевыхъ—
Конь бѣлый стоялъ изукрашенъ и тихъ
У ногъ своего господина и друга.

Всѣ, малый и старый, отрадой своей,
Отцомъ опочившаго звали;
Горючія слезы текли изъ очей,
Носилися вопли печали;
И долго, и долго вопилъ и стоналъ
Народъ, покрывавшій долину.
И вотъ на срединѣ булатъ засверкалъ,
И бранному въ честь властелину
Конь бѣлый, булатомъ сраженный, упалъ
Безъ жизни къ ногамъ своему господину.

Все стихло... руками бойцовъ и гражданъ
  Подвигнулись глыбы земныя...
И вонъ на долинѣ огромный курганъ,
  Да вѣщаго помнитъ Россія.
Волнуясь, могилу народъ окружалъ,
  Какъ волны морскія, несмѣтный;
Тамъ праздникъ надгробный самъ князь начиналъ:
  Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливалъ искрометный,
  Онъ въ память Олегу его выпивалъ;
И вновь наполняемый медомъ
  Изъ рукъ молодаго владыки славянъ,
Съ конца до конца, межъ народомъ,
  Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Тогда торопливо, по данному знаку,
  Откинувъ доспѣхъ боевой,
Свершить на могилѣ потѣшную драку
  Воители строятся въ строй;
Могучи, отваги исполнены жаромъ,
  Отъ разныхъ выходятъ сторонъ,
Сошлися и бьются... ударъ за ударомъ,
  Ударомъ ударъ отраженъ!
Сверкаютъ ихъ очи; десницы высокой
  И ловокъ и мѣтокъ размахъ;
Увертливы станомъ и грудью широкой,
  И тверды бойцы на ногахъ!
Расходятся, сходятся... сшибка другая...
  И пала одна сторона!
И громко народъ зашумѣлъ, повторяя
  Счастливыхъ бойцовъ имена.

Тутъ съ поприща боя ихъ рѣчью привѣтной
  Князь Игорь къ себѣ подзывалъ;
Въ стаканъ золотой и завѣтной
  Онъ медъ наливалъ искрометной,
Онъ самъ его бодрымъ бойцамъ подавалъ;
  И вновь наполняемый медомъ
Изъ рукъ молодого владыки славянъ,
  Съ конца до конца, межъ народомъ,
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Вдругъ — словно мятежъ усмиряется шумный
  И чинно дорогу даетъ,
Когда посѣдѣлый въ добрѣ и разумный
  Бояринъ на вѣче идетъ,—
Толпы разступились... и сталъ среди схода
  Съ гуслями въ рукахъ славянинъ?
Кто онъ, онъ не князь и не княжескій сынъ,
  Не старецъ, совѣтникъ народа,
Не славный дружинъ воевода,
  Не славный соратникъ дружинъ;
Но всѣ его знаютъ, онъ людямъ знакомъ
  Красой вдохновеннаго гласа...
Онъ сталъ среди схода—молчанье кругомъ,
  И звучная пѣснь раздалася!

Онъ пѣлъ, какъ премудръ и какъ мужественъ былъ
  Правитель полночной державы;
Какъ первый онъ громомъ войны огласилъ
  Древлянъ вѣковыя дубравы;
Какъ дружно сбирались въ далекій походъ
  Народы по слову Олега;
Какъ шли чрезъ пороги подъ грохотомъ водъ
  По высямъ Днѣпровскаго брега;
Какъ по морю бурному вѣтеръ носилъ
  Проворные русскіе челны;
Летѣла, шумѣла станица вѣтрилъ
  И прыгали челны чрезъ волны;
Какъ послѣ водима любимымъ вождемъ
  Сражалась, гуляла дружина
По градамъ и селамъ, съ мечемъ и огнемъ
  До града царя Константина;
Какъ тамъ побѣдитель къ воротамъ прибилъ
  Свой щитъ знаменитый во брани,
И какъ онъ дружину свою одѣлилъ
  Богатствами греческой дани.

Умолкъ онъ и радостнымъ крикомъ похвалъ
  Народъ отозвался несмѣтный,
И братски баяна самъ князь обнималъ;

Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливалъ искрометный,
И съ ласковымъ словомъ ему подавалъ.
И вновь наполняемый медомъ,
Изъ рукъ молодого владыки славянъ,
Съ конца до конца, межъ народомъ,
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.
. . . .

№ 6. *Соколовъ.* МЩЕНІЕ ОЛЬГИ ДРЕВЛЯНАМЪ.

Описывается тризна Ольги по Святославу. Съ лѣтописнымъ разсказомъ о мщеніи Ольги это стихотвореніе имѣетъ мало общаго.

У рѣки сходились двѣ дороги.
Надъ рѣкой, на самомъ раздорожьи
Быть кургану Ольга указала.
Для кургана выровняли мѣсто,
Повалили молодой березникъ
На клину къ рѣкѣ по косогору,
На верху кусты, валежникъ выжгли,
Стали насыпь на верху готовить,—
На гужахъ подкатывали бревна,
На носилкахъ землю подносили,
По краямъ кургана клали камни,
Убивали и равняли насыпь
И опять горой валили землю.
А когда курганъ до половины
Довели, могилу стали ставить.
Изъ досокъ дубовыхъ крѣпкій помостъ
На дубовыхъ бревнахъ положили,
Полъ тесовый обнесли столбами,
Надъ столбами снова клали бревна,
Чтобъ земля на князя не давила,
Княжій срубъ пескомъ не засыпала.
Срубъ опять землею обложили,
Но досками не закрыли сверху.
Поднялась тогда къ могилѣ Ольга,
Надъ могилой стали тризну править.
Вотъ запѣли дѣвы надъ могилой
Заунывно жалобныя пѣсни,
Съ тихой пѣсней обошли могилу.
А Свѣнельдъ, дружинники и гридни
У рѣки на лодкѣ обряжали,
Какъ для сѣчи передъ боемъ, князя.
Смутны были сумрачныя лица,
У ладьи никто не молвилъ слова,
Лишь доспѣхъ порой звенѣлъ на князѣ,
Да съ кургана доносились пѣсни.
У кормы въ княжомъ доспѣхѣ князя
На дубовой лавкѣ посадили,
Лодку съ княземъ подняли на плечи
И неспѣшно понесли къ кургану.
А на князѣ былъ шеломъ пернатый,
Красный плащъ надъ темною бронею,—
Онъ рукою въ наручнѣ узорномъ
На плечѣ держалъ копье, какъ воинъ,—
Щитъ и мечъ у ногъ его лежали,
Лукъ походный въ налучнѣ богатомъ,
А въ колчанѣ стрѣлы на запасѣ.
А на лодкѣ былъ уложенъ парусъ,
Въ лодкѣ снасти были наготовѣ,
У уключинъ струганыя весла,
Подъ рукою княжій стягъ багряный.
Пѣли дѣвы жалобныя пѣсни,
Обходили съ пѣснями могилу.
И ладью носили вкругъ могилы
На плечахъ дружинники и гридни,
А потомъ подъ жалобныя пѣсни
На гужахъ въ могилу опустили.
Пѣли дѣвы жалобныя пѣсни,
Обходили съ пѣснями могилу.
А въ могилу къ Игорю по сходнѣ
Къ черной лодкѣ опускалась Ольга,
По завѣтамъ дѣдовъ стародавнихъ,
Подъ фатой вѣнчальной, какъ невѣста,
Съ милымъ мужемъ, съ Игоремъ проститься,
Обряжать въ походъ далекій мужа.
А когда изъ сруба вышла Ольга
И въ печали стала надъ могилой,—
За Свѣнельдомъ отошла дружина
Править князю боевую тризну.
Подвели лихихъ коней къ кургану,—
На ремняхъ изъ золоченой кожи,
На подпругахъ подтянули сѣдла,

На коней наѣздники вскочили,
Въ перегонъ помчались у кургана.
Девять разъ курганъ они объѣдутъ,
Притомятъ лихихъ коней до поту
И потомъ зарѣжутъ на могилѣ
И опустятъ къ Игорю въ могилу.
Дѣвы пѣсни пѣли на курганѣ,
Обходили съ пѣснями могилу.
А внизу дружина снаряжалась
Къ лютой сѣчѣ, къ боевой потѣхѣ.
Съ грознымъ кличемъ воины сойдутся,
По щитамъ мечи ихъ загрохочутъ,
Засвистятъ надъ головами стрѣлы,
Будутъ биться воины до крови,
Будутъ биться, поминая князя,
Чтобы гулъ послѣдней грозной сѣчи
Долетѣлъ до Игоря въ могилу.
А надъ срубомъ пѣсни затихали.
За княгиней становились дѣвы,—
Наклонилась Ольга надъ могилой,
Скорбный плачъ надъ Игоремъ запѣла
Въ причитаньяхъ съ нимъ заговорила.
Долго пламя надъ костромъ стояло,
Дымный столбъ тянулся къ темнымъ тучамъ,
По кургану разлетались искры,
Надъ рѣкою полосой багряной
Разливалось зарево пожара.
А когда погасъ костеръ и пепелъ
Отъ костра по вѣтру разметали,
На курганѣ стали пиръ готовить.
Сѣла Ольга подъ цвѣтнымъ наметомъ,
За княгиней сѣлъ Свѣнельдъ съ дружиной,
Съ княземъ Маломъ подошли Древляне,
На курганѣ сѣли за столами,
У кургана на скамьяхъ и бревнахъ,
За курганомъ на травѣ зеленой,
По рѣкѣ на берегу песчаномъ.
По рядамъ дружинники и гридни
Въ бочкахъ пиво и меды катили,
По ковшамъ, по чашамъ разливали,
Поминать добромъ просили князя.
По рукамъ пошли ковши и чаши,
Гулъ стоялъ надъ полемъ и рѣкою.
На курганѣ загудѣли гусли,
Стали славить Игоря баяны,
Пѣсни пѣть про сѣчи и походы,
Про ночлеги въ половецкихъ вежахъ,
Про царей въ далекомъ Цареградѣ,
А за ними запѣвали дѣвы,
Въ старыхъ пѣсняхъ славили княгиню,
Величали Кіевъ и дружину,
Князя Мала въ пѣсняхъ величали.
На курганѣ подъ наметомъ Ольга
Подняла съ виномъ царьградскимъ кубокъ
И сказала отрокамъ и гриднямъ:
„По ковшамъ разлейте медъ и пиво.
До краевъ, полнѣе наливайте,—
Пить хочу теперь за князя Мала,
За Древлянъ, моихъ гостей на тризнѣ.
Пить бы имъ до дна меды и пиво;—
Намъ въ любовь, а имъ, Древлянамъ, въ почесть“.
Снова бочки по рядамъ катились,
По рукамъ опять ковши ходили,—
Захмелѣли, напились Древляне,
По землѣ валяются, какъ звѣри.
Вечерѣло. Надъ горою солнце
Наклонилось, зажигая тучи
По краямъ багряными огнями.
Надъ рѣкою потянулись тѣни.
За рѣкою боръ стоялъ въ туманѣ.
Встала Ольга, темными очами
На Древлянъ съ кургана поглядѣла,
Засвѣтились, разгорѣлись очи
Злобной местью, гнѣвною обидой,
Потемнѣла, надъ столомъ пригнулась,
Вся дрожитъ—и вдругъ могучій голосъ
Прозвенѣлъ, ликующій и гнѣвный:
„Въ топоры ихъ! За мечи, дружина!
Бейте смердовъ! На смерть пьяныхъ бейте!
Пусть земля отъ крови задымится
На кровавой Игоревой тризнѣ!“
Словно волки изъ лѣсу на стадо,
На Древлянъ накинулась дружина.
Топорами Мала изрубили,
За столами прикололи старцевъ,
Перебили лучшихъ на курганѣ,—
Кровь изъ ранъ струей горячей била,
По столамъ, по лавкамъ разливалась,
На пескѣ дымилась передъ Ольгой.

И съ кургана видѣла княгиня,
Какъ мечи и топоры сверкали
За кургапомъ на лугу зеленомъ,
У рѣки на берегу песчаномъ,
Подъ кустами въ рощѣ, у дороги...
Кровью выкупъ отдали Древляне,—
Кто пришелъ, домой не воротился,
Всѣ остались на кровавой тризнѣ.
Догорало за горою солнце,
На низинахъ у рѣки стемнѣло,
Поползли туманы надъ землею,
А заря послѣдними лучами
Озаряла Ольгу на курганѣ.
Словно къ небу въ пламени багряномъ
Надъ землею Ольга поднималась.
Съ головы свалился княжій обручъ,
Расплелись, по вѣтру бьются косы,
Красный плащъ съ плеча назадъ отброшенъ,
Руки къ небу подняты высоко,
Въ небо смотрятъ вспыхнувшія очи,
И далеко звонкій, ясный голосъ
По ночнымъ туманамъ отдается:
„Васъ зову, васъ заклинаю, боги.
Я клялась—и я сдержала клятву.
Вотъ курганъ. Подъ нимъ въ могилѣ Игорь.
Кровью я за кровь его отмстила.
Слава — мнѣ. Вамъ въ небѣ — радость, боги“.
По щитамъ дружинники и гридни
Съ грознымъ гуломъ копьями стучали,
Снизу старцы подходили къ Ольгѣ,
До земли предъ нею преклонялись,
На колѣни становились дѣвы,
Цѣловали край ея одежды,
И далеко радостные клики
Отдавались по ночнымъ туманамъ:
„Слава Ольгѣ, кіевской княгинѣ!..
Слава, слава—мстительницѣ Ольгѣ.
Вѣщей Ольгѣ—слава, слава, слава!..“

№ 7. *Языковъ*. ПѢСНЬ БАЯНА.

Русскій князь былъ приглашенъ греч. императ. къ нападенію на болгаръ, но, когда Святославъ слишкомъ загостился въ завоеванной землѣ, то Цимисхій пошелъ выгонять его.

О ночь, о ночь, лети стрѣлой.
Несносенъ отдыхъ Святославу:
Онъ жаждетъ битвы роковой...
О ночь, о ночь, лети стрѣлой.
Несносенъ отдыхъ Святославу.
Цимисхій, крѣпокъ ли твой щитъ.
Не тонки-ль кованныя латы.
Нашъ князь убійственно разитъ...
Цимисхій, крѣпокъ ли твой щитъ.
Не тонки ль кованныя латы.
Дружинѣ борзыхъ дай коней,
Не то мечи ее нагонятъ,
И не ускачетъ отъ мечей...
Дружинѣ борзыхъ дай коней,
Не то мечи ее нагонятъ.
Ты рать обширную привелъ;
Немного насъ, но мы славяне:
Ударъ нашъ мѣтокъ и тяжелъ...
Ты рать обширную привелъ:
Немного насъ, но мы славяне.
О ночь, о ночь, лети стрѣлой.
Поля, откройтесь для побѣды,
Проснися, ужасъ боевой...
О ночь, о ночь, лети стрѣлой.
Поля, откройтесь для побѣды.

№ 8. *А. Толстой.* О ПОХОДѢ ВЛАДИМІРА НА КОРСУНЬ.

Часть первая.

1.

—Добро!—сказалъ князь, когда выслушалъ онъ
Улики царьградскаго мниха,
Тобою, отецъ, я теперь убѣжденъ;
Виновенъ, что мужемъ былъ столькихъ я женъ,
Что жилъ я безпутно и лихо.

2.

Что богомъ мнѣ былъ то Перунъ, то Велесъ,
Что силою взялъ я Рогнѣду;
Досель надо мною, знать, тѣшился бѣсъ,
Но мракъ ты разсѣялъ,—и я въ Херсонесъ
Креститься, въ раскаяньи, ѣду.

3.

Царьградскій философъ и мнихъ тому радъ,
Что хочетъ Владиміръ креститься:
—Смотри-жъ, говоритъ, для небесныхъ наградъ,
Чтобъ въ райскій по смерти войти вертоградъ,
Ты долженъ душою смириться.

4.

—Смирюсь,—говоритъ ему князь,—я готовъ,
Но только смирюсь безъ урону!
Спустить въ Черторой десять сотенъ струговъ;
Коль выкупъ добуду съ корсуньскихъ купцовъ,
Я города пальцемъ не трону!

5.

Готовы струги, паруса подняты,
Плывутъ къ Херсонесу Варяги;
Поморье, гдѣ южные рдѣютъ цвѣты,
Червленые вскорѣ покрыли щиты
И съ русскими вранами стяги.

6.

И князь повѣщаетъ корсунцамъ: —Я здѣсь.
Сдавайтесь прошу, васъ, смиренно,
Не то, не взыщите, собью вашу спесь
И городъ по камнямъ размыкаю весь—
Креститься хочу непремѣнно!

7.

Увидѣли греки въ заливѣ суда,
У стѣнъ ужъ дружина толпится,
Пошли толковать и туда, и сюда:
—Настала, какъ есть, христіанамъ бѣда:
Пріѣхалъ Владиміръ креститься!

8.

И преній-то съ нами не станетъ держать.
Въ риторикѣ онъ ни бельмеса;
А просто обложитъ насъ русская рать
И будетъ, пожалуй, три года стоять
Да грабить края Херсонеса!

9.

И въ мудрости тотчасъ рѣшаетъ сенатъ,
Чтобъ русскимъ отверзлись ворота;
Владиміръ пріему радушному радъ,
Вступаетъ съ дружиной въ испуганный градъ
И молвитъ сенату: Ну, то-то!

10.

И шлетъ въ Византію пословъ ко двору:
—Цари Константинъ да Василій!
—Смиренно я сватаю вашу сестру,
Не то васъ обоихъ дружиной припру,
Такъ вступимъ въ родство безъ насилій.

11.

И вотъ императоры держатъ совѣтъ,
Толкуютъ въ палатѣ престольной;
Имъ плохо пришлося, имъ выбора нѣтъ,
Владиміру шлютъ поскорѣе отвѣтъ:
—Мы очень тобою довольны;

12.

Креститься ты къ намъ пріѣзжай въ добрый часъ.
Тебя повѣнчаемъ мы съ Анной!
Но онъ къ императорамъ:—Вотъ тебѣ разъ!
Вы шутите, что ли? Такая отъ вась
Мнѣ отповѣдь кажется странна;

13.

Къ вамъ ѣхать отсюда какая мнѣ стать?
Чего не видалъ я въ Царьградѣ?
Царевну намѣренъ я здѣсь ожидать,
Не то приведу я вамъ цѣлую рать,
Коль видѣть меня вы такъ рады!

14.

Что дѣлать съ Владиміромъ? Вынь да положь!
Креститься хочу да жениться!
Не лѣзть же царямъ, въ самомъ дѣлѣ, на ножъ!
Пожали плечами и молвятъ:—Ну, чтожъ!
Приходится ѣхать, сестрица!

15.

Корабль для нея снаряжаютъ скорѣй,
Узорныя ладятъ вѣтрила,
Со причтомъ на палубѣ ждетъ архирей,
Сверкаетъ на солнцѣ парча стихарей,
Звенятъ и дымятся кадила.

16.

Въ печали великой по сходнѣ крутой
Царевна взошла молодая,
Прислужницы дѣву накрыли фатой,
И волны запѣнилъ корабль золотой,
Босфора лазурь разсѣкая.

17.

Увидѣлъ Владиміръ вдали паруса
И хмурыя брови раздвинулъ;
Почуялась сердцу невѣсты краса,
Онъ гребнемъ свои расчесалъ волоса,
И корзно княжое накинулъ.

18.

На пристань онъ всходитъ царевну встрѣчать,
И ликъ его свѣтелъ и веселъ.
За нимъ вся корсуньская слѣдуетъ знать,
И руку спѣшитъ онъ царевнѣ подать,
И въ поясъ поклонъ ей отвѣсилъ.

19.

И шествуютъ рядомъ другъ съ другомъ они,
Въ одеждахъ блестящихъ и длинныхъ;
Каменья оплечій горятъ какъ огни,
Идутъ подъ навѣсомъ шелковымъ, въ тѣни,
Къ собору вдоль улицъ старинныхъ.

20.

И молвитъ тамъ, голову князь преклоня:
— Клянуся я въ вашемъ синклитѣ
Дружить Византіи отъ этого дня,
Крестите-жъ, отцы-іереи, меня,
Да, чуръ, по уставу крестите!

21.

Свершился въ соборѣ крещенья обрядъ,
Свершился обрядъ обвѣнчанья,
Идетъ со княгиней Владиміръ назадъ,
Вдоль улицъ старинныхъ до свѣтлыхъ палатъ,
Кругомъ ихъ толпы ликованье.

22.

Сидятъ за честнымъ они рядомъ столомъ,
И вотъ, когда звонъ отзвонили,
Владиміръ взялъ чашу съ хіосскимъ виномъ:
— Хочу, чтобъ меня поминали добромъ
Шурья Константинъ да Василій.

23.

— То правда-ль, я слышалъ, замкнули Босфоръ
Дружины какого-то Ѳоки?
— Воистину правда!--отвѣтствуетъ дворъ.
— Но кто-жъ этотъ Ѳока?—Мятежникъ и воръ!
— Отдѣлать его на всѣ боки!

24.

Отдѣлали русскіе Ѳоку какъ разъ;
Цари Константинъ и Василій

По цѣлой имперіи пишутъ приказъ!
Владиміръ-де насъ отъ погибели спасъ,
Его чтобъ всѣ люди честили!

25.

И князь говоритъ:—Я построю вамъ храмъ
На память, что здѣсь я крестился,
А городъ Корсунь возвращаю я вамъ
И выкупъ обратно всецѣло отдамъ,
Зане я душою смирился!

26.

Застольный гремитъ, заливаяся, хоръ,
Шипучія пѣнятся вина,
Веселіемъ блещетъ Владиміра взоръ,
И строить готовится новый соборъ
Крещеная съ княземъ дружина.

27.

Привозится яшма водой и гужомъ
И мраморъ привозится бѣлый,
И быстро возносится Господень домъ,
И ярко на полѣ горятъ золотомъ
Иконы муссійскаго дѣла.

28.

И взапуски князя синклитъ и сенатъ,
И сколько тамъ грековъ ни сталось
Всю зиму честятъ да честятъ,
Но молвитъ Владиміръ:—Пора мнѣ назадъ,
По Кіевѣ мнѣ встосковалось!

29.

Вы, отроки—други, спускайте ладьи,
Трубите дружинѣ къ отбою,
Кленовыя весла берите свои;
Ужъ въ Кіевѣ, чаю, поютъ соловьи,
И въ рощахъ запахло весною!

30.

Весна, мнѣ невѣдомыхъ полная силъ,
И въ сердцѣ моемъ зеленѣетъ;
Что нудою я и насильемъ добылъ,
Чѣмъ самъ овладѣть я оружіемъ мнилъ,
То мною всесильно владѣетъ!

31.

Спускайте-жъ ладьи, бо и ночью и днемъ
Я гласу немолчному внемлю:
Велитъ онъ въ краю намъ не мѣшкать чужомъ,
Да свѣтъ, озаряющій насъ, мы внесемъ
Торжественно въ русскую землю!

Часть вторая.

1.

По лону Днѣпровскихъ сіящихъ водъ,
Гдѣ, празднуя жизни отраду,
Весной все гремитъ, и цвѣтетъ, и поетъ,
Владиміръ съ дружиной обратно плыветъ
Ко стольному Кіеву граду.

2.

Все звонкое птаство летаетъ кругомъ,
Ликуючи въ тысячу глотокъ,
А князь многодумнымъ поникнулъ челомъ,
Свершился въ могучей душѣ переломъ,
И взоръ его миренъ и кротокъ.

3.

Забыла княгиня и слезы и страхъ;
Одеждой алмазной блистая,
Глядитъ она, съ юнымъ весельемъ въ очахъ,
Какъ много пестрѣетъ цвѣтовъ въ камышахъ,
Какъ плещется лебедей стая,

4.

Какъ рощи навстрѣчу несутся ладьямъ,
Какъ берегъ проносится мимо,
И, ликъ наклоняя къ зеркальнымъ водамъ,

Глядитъ, какъ ея отражается тамъ
Изъ камней цвѣтныхъ діадима.

5.

Великое слово корсунцамъ храня,
Князь не взялъ съ нихъ денегъ повинныхъ,
Но городъ поднесъ ему, въ честь того дня,
Изъ бронзы коринфской четыре коня
И статуй не мало старинныхъ.

6.

И кони, и бѣлыя статуи тутъ,
Надъ поѣздомъ выся громаду,
Стоймя на ладьяхъ, неподвижны, плывутъ,
И волны Днѣпра ихъ, дивяся, несутъ
Ко стольному Кіеву граду.

7.

Плыветъ и священства и дьяконства хоръ
Съ ладьею Владиміра рядомъ;
Для Кіева синій покинувъ Босфоръ,
Они оглашаютъ Днѣпровскій просторъ
Уставнымъ демественнымъ ладомъ.

8.

Когда жъ умолкаетъ священный канонъ,
Запѣвъ зачинаютъ дружины,
И съ разныхъ кругомъ раздаются сторонъ
Завѣтныя пѣсни минувшихъ временъ
И дней богатырскихъ былины.

9.

Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
Плывутъ ихъ ладей вереницы,
И вотъ передъ ними, по лѣвой рукѣ,
Все выше и выше растетъ вдалекѣ
Градъ Кіевъ съ горой Щековицей.

10.

Владиміръ съ княжого сѣдалища всталъ,
Прервалось весельщиковъ пѣнье,
И мигъ тишины и молчанья насталъ,
И князю, въ сознаніи новыхъ началъ,
Открылося новое зрѣнье;

11.

Какъ сонъ вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня;
И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
И мнится Владиміру: въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня.

12.

Народъ, издалека ихъ поѣздъ узнавъ,
Столпился на берегъ, и много,
Скитавшихся робко безъ крова и правъ,
Пришло христіанъ изъ пещеръ и дубравъ,
И славятъ Спасителя Бога.

13.

И палъ на дружину Владиміра взоръ:
— Вамъ, други, доселѣ со мною
Стяжали побѣды лишь мечъ да топоръ,
Но время настало,—и мы съ этихъ поръ
Сильны еще силой иною!

14.

Что смутно въ душѣ мнѣ сказалось моей,
То ясно вы нынѣ познайте:
Дни правды дороже воинственныхъ дней!
Гребите же, други, гребите сильнѣй,
На весла дружнѣй налегайте!

15.

Вшипѣла подъ полозомъ, пѣнясь, вода,
Отхлынувъ, о берегъ забила,
Стянулася быстро ладей череда,
Переднія въ пристань вбѣжали суда,
И съ шумомъ упали вѣтрила.

16.

И на берегъ вышелъ, душой возрожденъ,
Владиміръ для новой державы,
И въ Русь милосердія внесъ онъ законъ
Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Преданья невянущей славы!

№ 9. *Коринфскій.* МИКУЛА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1.

Стародавнія былины,
Пѣсни родины моей.
Породили васъ равнины,
Горы, долы, даль полей.

2.

Ширь, размахъ, захватъ глубокій,
Все звучитъ въ васъ, все поетъ,
Какъ въ забытый край далекій—
Въ глубь былыхъ вѣковъ зоветъ...

3.

Пѣснотворцевъ древнихъ ладомъ
Убаюкиваетъ слухъ,
Дышетъ зноемъ, вѣетъ хладомъ
Струнъ гусельныхъ русскій духъ.

4.

Вижу я: сѣдое время
Возстаетъ въ лучахъ зари;
Вижу—ѣдутъ, стремя въ стремя,
О—конь—конь, богатыри.

5.

Шишаки, щиты, кольчуги,
Шестоперы, кистени,
Самострѣлы, шелепуги,
Копій лѣсъ... Въ его тѣни

6.

Волхъ Всеславьевичъ съ Добрыней,
Ставръ, Потокъ, Алеша-младъ.
Старъ-Илья—сѣдой, что иней,
Всѣмъ хоробрымъ—старшій братъ;

7.

А за нимъ—еще, еще тамъ
Богатырь съ богатыремъ;
Всѣ стоятъ стѣной—оплотомъ
Передъ вражьимъ рубежомъ.

8.

Словно сталь—несокрушимый,
Окрыленный духомъ строй...
Кто же въ немъ изъ всѣхъ любимый
Богатырь завѣтный мой...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1.

Съ непокрытой головою
И съ распахнутой душой
Онъ встаетъ передо мною
Изъ-за дали вѣковой.

2.

Вотъ онъ—мощный и счастливый
Сынъ деревни и полей.
Вѣтерокъ, летя надъ нивой,
Треплетъ шелкъ его кудрей...

3.

Нѣтъ копья, меча-булата,
Каленыхъ-пернатыхъ стрѣлъ;
И безъ нихъ бы супостата
На земь грянуть онъ сумѣлъ,—

4.

Да о томъ не помышляя,
Знай—свершаетъ подвигъ свой,
Самъ другъ съ лошадью шагая
За кленовою сохой.

5.

Пашетъ онъ, каменья, корни
Выворачивая прочь;
Что ни шагъ—идетъ проворнѣй,
Могутнѣетъ сила—мочь.

6.

Посвистъ пахаря въ далекомъ
Слышенъ во-полѣ кругомъ;
Не окинуть сразу окомъ
Новь, имъ вспаханную днемъ.

7.

А сохи его кленовой
Не взяла и Вольги рать;
Сумки ратая холщевой
Святогоръ не смогъ поднять.

8.

Не живалъ онъ въ нѣгѣ-холѣ
Княженецкаго кремля,—
Нѣтъ, Микулу въ чистомъ полѣ
Любитъ Мать-Сыра-Земля...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1.

Мать-Земля Микулу любитъ,
До сихъ поръ Микула живъ;
И ничто его не сгубитъ
Посреди родимыхъ нивъ.

2.

День за днемъ и годъ за годомъ
Онъ крестьянствуетъ вѣка,
Ухмыляется невзгодамъ,
Счастливъ счастьемъ бѣдняка.

3.

И зимой теплы полати,
Коль не пусто въ закромахъ;
Свѣтитъ свѣтъ и въ дымной хатѣ,
Просвѣтъ есть и въ черныхъ дняхъ.

4.

День красенъ: пирушки правитъ,
Мужиковъ зоветъ на пиръ;
И „Микулу-свѣта“ славитъ
По Руси крещеный міръ.

5.

Чуть весна на дворъ,—за дѣло:
Селянина пашня ждетъ.
Только поле зачернѣло,—
Тамъ Микула... Вотъ онъ, вотъ—

6.

Съ непокрытой головой
И съ распахнутой душой
Держитъ путь свой полосою
За кленовою сохой.

7.

Шелестъ вѣтра, птичій гомонъ
И весенній духъ цвѣтовъ;
Все, съ чѣмъ веснами знакомъ онъ
Съ незапамятныхъ вѣковъ,—

8.

Все зоветъ его въ одну даль—
Въ даль полей, въ степную ширь;
И, сохѣ ввѣряя удаль,
Знаетъ пахарь богатырь,

9.

Что за нимъ-то вдоль загоновъ
Идутъ родиной своей
Девяносто милліоновъ
Богатырскихъ сыновей.

№ 10. *Толстой.* ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
Хлѣба кусъ жуя,
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья;
Ѣдетъ боромъ, только слышно,
Какъ брящаетъ бронь,
Топчетъ папоротникъ пышный
Богатырскій конь.
И ворчитъ Илья сердито:
„Ну, Владимиръ, что-жъ?
Посмотрю я, безъ Ильи-то
Какъ ты проживешь!
Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
Не пировъ держусь;

Я мужикъ неприхотливый,
Былъ бы хлѣба кусъ!
Но обнесъ меня ты чарой
Въ очередь мою,
Такъ шагай же, мой чубарый
Уноси Илью!
Безъ меня другихъ довольно,
Сядутъ,—полонъ столъ;
Только лакомы ужъ больно,
Любятъ женскій полъ
Всѣ твои богатыри-то,
Значитъ, молодежь.
Вотъ безъ стараго Ильи-то
Какъ ты проживешь!
Чѣмъ-то я ихъ болѣ стою,
Что забылъ ужъ бабъ;
А какъ тресну булавою,
Такъ еще не слабъ!
Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свѣту снова
Безъ того пора.
Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ;
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ;
Душно въ Кіевѣ, что въ скринѣ,
Только киснетъ кровь;
Государынѣ—пустынѣ
Поклонюся вновь!
Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою...
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!"
И старикъ лицомъ суровымъ
Просвѣтлѣлъ опять.
По нутру ему здоровымъ
Воздухомъ дышать;
Снова вѣетъ воли дикой
На него просторъ,
И смолой, и земляникой
Пахнетъ темный боръ.

№ 11. *Мей.* ПРЕДАНІЕ—ОТЧЕГО ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА СВЯТОЙ РУСИ.

(Сибирская сказка).

Выѣзжали на Сафатъ рѣку, на закатѣ краснаго солнышка,
Семь удалыхъ русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ названныхъ:
Выѣзжалъ Годенко Блудовичъ, да Василій Казимировичъ, да Василій Буслаевичъ,
Выѣзжалъ Иванъ, гостиный сынъ,
Выѣзжалъ Алеша-Поповичъ младъ,
Выѣзжалъ Добрыня молодецъ,
Выѣзжалъ и матерой казакъ,
Матерой казакъ Илья Муромецъ.
Передъ нимъ раскинулось поле чистое,
А на томъ полѣ старый дубъ стоитъ,
Старый дубъ стоитъ, кряковистый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужъ какъ первая дорога ко Нову городу,
А вторая-то дорога къ стольному Кіеву,
А что третія дорога—къ Синю морю далекому...
Та дорога прямоѣзжая, прямоѣзжая дорога, прямопутная:
Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Становились витязи на распутіи,—
Разбивали бѣлъ полотнянъ шатеръ,—
Отпускали коней погулять по чисту полю.
Ходятъ кони по шелковой травѣ муравѣ,
Зеленую траву пощипываютъ,
Золотой уздечкой побрякиваютъ,
А въ шатрѣ полотняномъ витязи опочивъ держатъ.
Было такъ,—на восходѣ краснаго солнышка
Вставалъ Добрыня молодецъ раньше всѣхъ,

Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу.
Видитъ Добрыня за Сафатъ рѣкой бѣлъ полотнянъ шатеръ:
Въ томъ ли шатрѣ залегъ татарченокъ,
Злой татаринъ-бусурманченокъ,—
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добра молодца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня:
Клалъ на него онъ потнички,
А на потнички коврички,
Клалъ сѣдельцо черкасское,
Бралъ копейце урзамецкое,
Бралъ чингалище булатное,
И садился на добра коня.
Подъ Добрыней конь осержается:
Отъ сырой земли отдѣляется.
Выходы мечетъ по мѣрной верстѣ,
Выскоки мечетъ по сѣнной копнѣ.
Подъѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ голосомъ:
Выходи-ка, татарченокъ, злой татаринъ бусурманченокъ:
Станемъ мы съ тобой честный бой держать".
Втапоры выходитъ татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися,—
Слеталися, сходилися два удалые витязя...
Ломались копья ихъ острыя,
Разлетались мечи ихъ булатные:
Сходили витязи съ добрыхъ коней
И хватались въ рукопашный бой.
Правая ножка у Добрыни ускользнула,
Правая ручка у Добрыни удрогнула,—
И валился онъ на сыру землю;
Скакалъ ему татаринъ на бѣлы груди,
Поролъ ему бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенью.

Было такъ на восходѣ краснаго солнышка
Всталъ Алеша Поповичъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу.
Видитъ онъ коня Добрынина:
Стоитъ борзый конь осѣдланный и взнузданный,
Стоитъ борзый конь, только не веселъ,
Потупилъ очи во сыру землю:
Знать, тоскуетъ онъ по хозяинѣ,
Что по томъ ли Добрынѣ молодцѣ.
Садился Алеша на добра коня,—
Осержался подъ нимъ добрый конь,
Отдѣлялся отъ сырой земли,
Металъ выходы по мѣрной верстѣ,
Металъ выскоки по сѣнной копнѣ,—
Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася,
Что не синь во поляхъ засинѣлася,
Засинѣлись мечи булатные;
Что не красъ во поляхъ закраснѣлася,—
Закраснѣлася кровь съ печенью.
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру,—
У того ли шатра спитъ Добрыня молодецъ,
Очи ясныя закатилися,
Руки сильныя опустилися,
На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричитъ Алеша зычнымъ голосомъ:
„Вылѣзай-ка ты, татаринъ злой,
На честный бой, на побраночку".
„Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ,
Ваши роды не уклончивы,
Не уклончивы ваши роды, не устойчивы—
Что не стать тебѣ со мной бой держать".
Какъ взговоритъ на то Алеша Поповичъ младъ:
„Не хвались, на пиръ идучи,
А хвались, съ пира идучи".
Втапоры выходитъ татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися,—
Сходилися, слеталися два удалые витязя

Ломались копья ихъ острыя,
Разлетались мечи ихъ булатные,
И сходили они съ добрыхъ коней,
И хватались въ рукопашный бой.
Одолѣлъ Алеша татарина:
Валилъ его на сыру землю,
Скакалъ ему на бѣлы груди,
Хотѣлъ ему пороть бѣлы груди,
Вынимать сердце съ печенью.
Отколь тутъ не взялся чорный воронъ
И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
„Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ-младъ.
Ты послушай меня, чернаго ворона:
Не пори ты татарину бѣлыхъ грудей,
А слетаю я на сине море,
Принесу тебѣ мертвой и живой воды,
Вспрыснешь Добрыню мертвой водой,—
Сростается его тѣло бѣлое;
Вспрыснешь Добрыню живой водой,
Тутъ и очнется добрый молодецъ“...
Втапоры Алеша ворона послушался,—
И леталъ воронъ на сине море,
Приносилъ мертвой и живой воды.
Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой,—
Сросталось тѣло его бѣлое,
Затягивалися раны кровавыя;
Вспрыскивалъ его живой водой,—
Пробуждался молодецъ отъ смертнаго сна.

Отпускали они татарина.
Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу.
Видитъ онъ: черезъ Сафатъ рѣку
Переправляется сила бусурманская,
И той силы добру молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетати.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
„Ой, ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,
Удалые братья названные“.

Какъ сбѣгались на зовъ его витязи,
Какъ садилися на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую:
Стали силу колоть—рубитъ.
Не столько витязи рубятъ, сколько добрые кони ихъ топчутъ.
Бились три часа и три минуточки,—
Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
„Не намахались наши могутныя плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булатные“.
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
„Подавай намъ силу нездѣшнюю“—
Мы и съ той силою, витязи, справимся“.
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ слетѣли двое воителей,
И вѣщали они громкимъ голосомъ:
„А давайте съ нами, витязи, бой держать,
Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро“.
Не узнали витязи воителей...
Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова.
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
Стало четверо,—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро,—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть и рубить
А сила все ростетъ—да ростетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ...
А сила все ростетъ да ростетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки;
Примахались ихъ плечи могутныя,
Уходились кони ихъ добрые...
Притупились мечи ихъ булатные...
А сила все ростетъ да ростетъ,

Все на витязей съ боемъ идетъ...
Испугались могучіе витязи:
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры...
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ...
Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси.
. . . .

№ 12. *Хомяковъ.* КІЕВЪ.

Высоко предо мною—
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ...
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель.
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Громко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?
— Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей.
— Я—оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей.
— Я—отъ Ладоги холодной.
— Я—отъ синихъ волнъ Невы.
— Я—отъ Камы многоводной.
— Я—отъ матушки Москвы.
Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственнихъ палатъ!..
Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго востокъ!..
. . . .

№ 13. *Чюмина.* НОВГОРОДЪ.

Великій Новгородъ! Тебя ли предъ собою
Я вижу съ навсегда поникшею главою?
Ты ль это исполинъ, когда-то величавый,
Гремѣвшій далеко богатствами и славой,—
Стоишь развѣнчанный. И храмы лишь одни
Напоминаютъ намъ твои былые дни.
Святая Софія... Отъ этихъ гордыхъ словъ
Какъ бились радостно сердца твоихъ сыновъ!
А мы, внимая имъ, съ улыбкой сожалѣнья,
Читаемъ лишь одни страницы разрушенья
Когда-то гордыхъ стѣнъ и башенъ боевыхъ,—
Величья прежняго свидѣтелей нѣмыхъ...
Замолкнулъ громкій звонъ на башнѣ вѣчевой,
Народа гордый кличъ не слышенъ боевой,—
И молча ты стоишь, какъ памятникъ унылый,
Надъ этой славною безвременной могилой,
И только Волховъ, твой старѣйшій, лучшій сынъ,
Къ тебѣ по прежнему ласкается одинъ...

№ 14. *Рылѣевъ.* МСТИСЛАВЪ УДАЛОЙ.

Какъ тучи съ горъ текли косоги;
Навстрѣчу имъ Мстиславъ летѣлъ.
Стеналъ поморья брегъ пологій,
И въ полѣ гулъ глухой гремѣлъ.
Ужъ звукъ трубы на полѣ брани
Сзывалъ храбрѣйшихъ изъ полковъ;
Ужъ храбрый князь Тмутаракани
Кипѣлъ ударить на враговъ.

Вдругъ, кожею покрытъ медвѣдя,
Отъ вражьихъ отдѣлясь дружинъ,
Явился съ палицей Редедя,
Племенъ косожскихъ властелинъ.
Онъ къ войску шелъ, какъ въ океанѣ
Валится въ бурю черный валъ,
И сталъ, какъ сосна, на курганѣ
И громогласно провѣщалъ:

„Почто кровавыхъ битвъ упорствомъ
Губить и войско, и народъ?
Рѣшимъ войну единоборствомъ:
Пускай за всѣхъ одинъ падетъ!
Иди, Мстиславъ, сразись со мною:
И кто въ сей битвѣ побѣдитъ,
Тому владѣть врага страною,
Или отдать ее на щитъ!“

— „Готовъ!“ — князь русскій восклицаетъ,—
И грозный сталъ передъ бойцомъ;
Съ коня — и на курганъ взлетаетъ
Удалый яснымъ соколомъ.
Сошлись, схватились, въ бой вступили...
Могучъ и князь, и великанъ.
Другъ друга стиснули, сдавили;
Трещатъ... Колеблется курганъ...

Стоитъ — и мигъ счастливый ловитъ;
Какъ вихрь крутятся... Прахъ летитъ...
Погибель, падая, готовятъ,
И каждый яростью кипитъ...
Хранятъ молчаніе два строя,
Но души воиновъ въ очахъ;
Смотря по перемѣнамъ боя,
Въ нихъ блещетъ радость, или страхъ.

То русскій хочетъ славить Бога,
Простерши длани къ небесамъ;
То вдругъ слышна мольба косога:
„О, помоги, Всевышній, намъ!“
И вотъ князья, напрягши силы,
Другъ друга ломятъ, льется потъ...
На нихъ, какъ верви, вздулись жилы;
Колеблется и сей, и тотъ...

Глаза, налившись, кровью блещутъ,
Колѣна крѣпкія дрожатъ,
И мышцы сильныя трепещутъ,
И искры сыплются отъ латъ...
Но вотъ Мстиславъ изнемогаетъ...
Онъ падаетъ... Конецъ борьбѣ...
„Святая Дѣва!—восклицаетъ,—
Я храмъ сооружу Тебѣ!“

И сила дивная мгновенно
Влилася въ князя... Онъ возсталъ,
Рванулся бурей разъяренной,—
И новый Голіафъ упалъ.
Упалъ, — и сталъ курганъ горою...
Мстиславъ широкій мечъ извлекъ,
И, придавивъ врага пятою,
Главу огромную отсѣкъ.

№ 15. *А. Толстой.* ГАКОНЪ СЛѢПОЙ.

Ярославъ, новгородскій князь, въ борьбѣ съ братьями и въ послѣдующихъ походахъ опирался на варяговъ.

1.

– Въ десницѣ жива еще прежняя мощь
И крѣпки попрежнему плечи,
Но очи одѣла мнѣ вѣчная ночь —
Кто хочетъ мнѣ, други, рубиться помочь?
Вы слышите крики далече?
Схватите жъ скорѣй за поводья коня,
Помчите меня
Въ кипѣніе сѣчи!

2.

И отроки съ двухъ его взяли сторонъ,
И, полный безумнаго гнѣва,
Слѣпой между ними помчался Гаконъ
И врѣзался въ сѣчу, и ей опьяненъ,
И рубитъ средь гула и рева,
И валитъ ряды какъ въ лѣсу буреломъ,
Креститъ топоромъ
И вправо, и влѣво.

3.

Но гуще и гуще все свалка кипитъ,
Враги не жалѣютъ урона,
Отрѣзанъ Гаконъ и отъ русскихъ отбитъ,
И, видя то, князь Ярославъ говоритъ:
— Нужна свояку оборона,
Вишь, вражья его какъ осыпала рать!
Пора выручать
Слѣпого Гакона!

4.

И съ новой наперъ на враговъ онъ толпой,
Просѣкъ черезъ свалку дорогу,
Но вотъ на него налетаетъ слѣпой,
Топоръ свой подъявши. „Да стой же ты, стой,
Никакъ ошалѣлъ онъ, ей Богу!
Вѣдь былъ ты безъ насъ бы изсѣченъ и стертъ,
Что жъ рубишь ты, чортъ,
Свою же подмогу“!

5.

Но тотъ расходился, не внемлетъ словамъ,
Ударъ за ударомъ онъ садитъ,
Молотитъ по русскимъ щитамъ и бронямъ,
Дробитъ и сѣчетъ шишаки пополамъ,
Никто съ разъяреннымъ не сладитъ.
Насилу опомнился старый боецъ,
Утихъ, наконецъ,
И бороду гладитъ.

6.

Дружина вздохнула, враговъ разогнавъ:
Побито, посѣчено вволю,
Лежатъ перемѣшаны правъ и неправъ,
И смотритъ съ печалію князь Ярославъ
На злую товарищей долю,
И ѣдетъ онъ шагомъ, снявъ острый шеломъ,
Съ Гакономъ вдвоемъ
По бранному полю.

№ 16. *А. Толстой.* ТРИ ПОБОИЩА.

Изъ этого стихотворенія видно, какая дѣятельная связь была между князьями кіевскими и Западной Европой.

1.

Ярились подъ Кіевомъ волны Днѣпра,
За тучами тучи летѣли,
Гроза бушевала всю ночь до утра,
Княгиня вскочила съ постели.

2.

Вскочила княгиня въ испугѣ отъ сна,
Волосъ не заплетши, умылась,
Пришла къ Изяславу, отъ страха блѣдна:
— Мнѣ, княже, недоброе снилось!

3.

Мнѣ снилось: отъ берега норской земли,
Гдѣ плещутъ варяжскіе волны,
На саксовъ готовятся плыть корабли,
Варяжскими гриднями полны;

4.

То сватъ нашъ Гаральдъ собирается плыть,—
Храни его Богъ отъ напасти,—
Мнѣ видѣлось: вороновъ черная нить
Усѣлася съ крикомъ на снасти.

5.

И бабища будто на камнѣ сидитъ,
Считаетъ суда и смѣется:

— Плывите, плывите,—она говоритъ,—
Домой ни одно не вернется!

6.

Гаральда-варяга въ Британіи ждетъ
Саксонецъ-Гаральдъ его тезка;
Червоннаго меду онъ вамъ поднесетъ
И спать васъ уложитъ онъ жестко!

7.

И далѣ мнѣ снилось: у берега тамъ,
У норской у пристани главной,
Сидитъ, волоса раскидавъ по плечамъ,
Золовка сидитъ Ярославна;

8.

Глядитъ, какъ уходятъ въ туманъ паруса
Съ Гаральдовой силою ратной,
И плачетъ, и рветъ на себѣ волоса,
И кличетъ Гаральда обратно...

9.

Проснулася я, — и доселѣ вдали
Все карканье вороновъ внемлю;
Прошу тебя, княже, скорѣе пошли
Провѣдать въ ту норскую землю!

10.

И только княгиня домолвила рѣчь,
Невѣстка ихъ, Гида, вбѣжала;
Жемчужная бармица падаетъ съ плечъ,
Забыла надѣть покрывало.

11.

— Князь-батюшка, деверь, испугана я,
Когда бы бѣды не случилось!
Княгиня-невѣстушка, лебедь моя,
Мнѣ ночесь недоброе снилось!

12.

Мнѣ снилось: отъ берега франкской земли,
Гдѣ плещутъ норманскія волны,
На саксовъ готовятся плыть корабли,
Нормандіи рыцарей полны.

13.

То князь ихъ Вильгельмъ собирается плыть.
Я будто слова его внемлю,
Онъ хочетъ отца моего погубить,
Присвоить себѣ его землю!

14.

И бабища злая бодритъ его рать
И молвитъ: „Я вороновъ стаю
Прикликаю, саксовъ заутра клевать,
И вѣтру я вамъ намахаю!“

15.

И пологомъ стала махать на суда,
На каждомъ вѣтрило надулось,
И двинулась всѣхъ кораблей череда,—
И тутъ я въ испугѣ проснулась...

16.

И только лишь Гида домолвила рѣчь,
Бѣжитъ, запыхаяся, гридинъ:
— Бери, государь, поскорѣе свой мечъ,
Намъ ворогъ подъ Кіевомъ виденъ!

17.

На вышкѣ я тамъ, за рѣкою, стоялъ,
Стоялъ на слуху я, на стражѣ;
Я многія тысячи ихъ насчиталъ:
То половцы близятся, княже!

18.

На бой Изяславъ созываетъ сыновъ,
Онъ братьевъ скликаетъ на сѣчу,
Онъ трубитъ дружинѣ, ему не до сновъ,—
Онъ половцамъ ѣдетъ навстрѣчу...

19.

По синему морю клубится туманъ,
Всю даль облака застилаютъ,
Изъ разныхъ слетаются вороны странъ,
Другъ друга, кружась, вопрошаютъ:

20.

— Откуда летишь ты? Повѣдай-ка намъ!
— Лечу я отъ города Іорка,

На битву обоихъ Гаральдовъ я тамъ
Смотрѣлъ изъ поднебесья зорко.

21.

Былъ цѣлою выше варягъ головой,
Чернѣла какъ туча кольчуга,
Свистѣлъ его въ саксахъ топоръ боевой,
Какъ въ листьяхъ осенняя вьюга;

22.

Копнами валилъ онъ тѣла на тѣла,
Кровь до моря съ поля струилась,
Пока, провизжавъ, не примчалась стрѣла
И въ горло ему не вонзилась.

23.

Упалъ онъ, почуя предсмертную тьму,
Упалъ онъ какъ пьяный на брашно;
Хотѣлъ я спуститься на темя ему,
Но очи глядѣли такъ страшно!

24.

И долго надъ мѣстомъ кружился я тѣмъ,
И поздней дождался я ночи,
И сѣлъ я варягу Гаральду на шлемъ
И выклевалъ грозныя очи!

25.

По синему морю клубится туманъ
Слетается вороновъ болѣ:
— Откуда летишь ты.—Я кровію пьянъ,
Лечу отъ Хастингскаго поля;

26.

Не стало у саксовъ вчера короля,
Лежитъ межъ своихъ онъ убитый,
Пируетъ норманъ, его землю дѣля.
И мы пировали тамъ сыто.

27.

Побѣдно отъ Іорка шла сакская рать,
Теперь они смирны и тихи,
И трупъ ихъ Гаральда не могутъ сыскать
Межъ труповъ бродящіе мнихи;

28.

Но смѣтилъ я мѣсто, гдѣ на земь онъ палъ,
И битва, когда отшумѣла,
И мѣсяцъ какъ щитъ надъ побоищемъ всталъ,
Я сѣлъ на Гаральдово тѣло.

29.

Недвижныя были черты хороши,
Нахмурены гордыя брови,
Любуясь на нихъ, я до жадной души
Напился Гаральдовой крови!

30.

По синему морю клубится туманъ,
Всю даль облака застилаютъ,
Изъ разныхъ слетаются вороны странъ,
Другъ друга, кружась, вопрошаютъ:

31.

— Откуда летишь ты?—Изъ русской земли!
Я былъ на пиру въ Заднѣпровьѣ,
Тамъ всѣ Изяслава полки полегли,
Все поле упитано кровью,

32.

Съ разсвѣтомъ на половцевъ князь Изяславъ
Тамъ выѣхалъ грозенъ и злобенъ
Свой мечъ двоеручный высоко поднявъ,
Святому Георгью подобенъ.

33.

Но къ ночи, руками за гриву держась,
Конемъ увлекаемый съ бою,
Ужъ по полю мчался израненный князь,
Съ закинутой навзничь главою,

34.

И, каркая, долго летѣлъ я надъ нимъ,
И ждалъ, чтобъ онъ на земь свалился,
Но былъ онъ, должно быть, судьбою хранимъ,
Иль Богу скача помолился;

35.

Упалъ лишь надъ самымъ Днѣпромъ онъ съ коня,
Въ ладью рыбаки его взяли,

А я полетѣлъ, неудачу кляня,
Туда, гдѣ другіе лежали!

36.

Поютъ во Софійскомъ соборѣ попы,
По князѣ идетъ панихида;
Рыдаетъ княгиня средь плача толпы,
Рыдаетъ Гаральдовна Гида,

37.

И съ ними другого Гаральда вдова—
Рыдаетъ, стеня, Ярославна,
Рыдаетъ: О, горе! зачѣмъ я жива,
Коль сгинулъ Гаральдъ мой державный!

38.

И Гида рыдаетъ: О, горе, убитъ
Отецъ мой норманомъ сраженный!
Въ плѣну его веси, и взяты на щитъ
Саксонскія дѣвы и жены!

39.

Княгиня рыдаетъ: О, князь Изяславъ,
Въ неравномъ посѣченъ ты спорѣ!
Побѣды обычной въ бою не стяжавъ,
Погибъ ты, о, горе! о, горе!

40.

Печерскіе иноки, выстроясь въ рядъ,
Протяжно поютъ: аллилуя!
А братья княжіе другъ друга корятъ,
И жадные вороны съ кровель глядятъ,
Усобицу близкую чуя.

№ 17. *Майковъ.* ЕМШАНЪ.

Когда въ степяхъ за станомъ станъ
Бродили орды кочевыя,
Былъ ханъ Отрокъ и ханъ Сырчанъ,
Два брата, батыри лихіе.

И разъ у нихъ шелъ пиръ горой,—
Великъ полонъ былъ взятъ изъ Руси.
Пѣвецъ имъ славу пѣлъ, рѣкой
Лился кумысъ во всемъ улусѣ.

Вдругъ шумъ и крикъ, и стукъ мечей,
И кровь, и смерть, и нѣтъ пощады.
Все врозь бѣжитъ, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

То съ русской силой Мономахъ
Все сокрушающій явился,—
Сырчанъ въ донскихъ залегъ меляхъ,
Отрокъ въ горахъ Кавказскихъ скрылся.

И шли года... Гулялъ въ степяхъ
Лишь буйный вѣтеръ на просторѣ...
Но вотъ скончался Мономахъ,
И на Руси—туга и горе...

Зоветъ къ себѣ пѣвца Сырчанъ
И къ брату шлетъ его съ наказомъ,
Онъ тамъ богатъ, онъ царь тѣхъ странъ,
Владыка надо всѣмъ Кавказомъ.

Скажи ему, что бъ бросилъ все:
Что умеръ врагъ, что спали цѣпи,
Чтобъ шелъ въ наслѣдіе свое,
Въ благоухающія степи.

Ему ты пѣсенъ нашихъ спой,
Когда жъ на пѣснь не отзовется,
Свяжи въ пучокъ емшанъ сухой
И дай ему,—и онъ вернется.

Отрокъ сидитъ въ златомъ шатрѣ,
Вокругъ рой абхазянокъ прекрасныхъ,
На золотѣ и серебрѣ
Князей онъ чествуетъ подвластныхъ.

Введенъ пѣвецъ; онъ говоритъ,
Чтобъ въ степи шелъ Отрокъ безъ страха,
Что путь на Русь кругомъ открытъ,
Что нѣтъ ужъ больше Мономаха.

Отрокъ молчитъ, на братнинъ зовъ
Одной усмѣшкой отвѣчаетъ,—
И пиръ идетъ, и хоръ рабовъ
Его, что солнце, величаетъ...

Встаетъ пѣвецъ и пѣсни онъ
Поетъ о быляхъ половецкихъ,
Про славу дѣдовскихъ временъ
И ихъ набѣговъ молодецкихъ.

Отрокъ угрюмый принялъ видъ
И, на пѣвца не глядя, знакомъ,
Чтобъ увели его,—велитъ
Своимъ послушливымъ кунакамъ.

И взялъ пучокъ травы степной
Тогда пѣвецъ и подалъ хану...
И смотритъ ханъ—и, самъ не свой,
Какъ бы почуя въ сердцѣ рану,

За грудь схватился... Всѣ глядятъ,—
Онъ грозный ханъ,—что жъ это значитъ?
Онъ, предъ которымъ всѣ дрожатъ,
Пучокъ травы цѣлуя, плачетъ,

И вдругъ взмахнувши кулакомъ:
Не царь я больше вамъ отнынѣ,
Воскликнулъ: смерть въ краю родномъ
Милѣй, чѣмъ слава на чужбинѣ.

На утро чуть осѣлъ туманъ,
И озлатились горъ вершины,
Въ горахъ идетъ ужъ караванъ,—
Отрокъ съ немногою дружиной.

Минуя гору за горой,
Все ждетъ онъ,—скоро ль степь родная,
И вдаль глядитъ, травы степной
Пучокъ изъ рукъ не выпуская...

№ 18. *Суриковъ.* ВАСИЛЬКО.

1.

Василько видѣлъ страшный сонъ,
Остановившись на ночлегѣ.
Ему приснилось, будто онъ,
Въ глухомъ лѣсу, въ худой телѣгѣ
Лежитъ закованъ, недвижимъ,
И воронъ каркаетъ надъ нимъ,
И слышенъ стукъ мечей о брони,
И ржутъ испуганные кони.

Василька ищетъ Володарь,
И громко кличетъ: „Братъ за нами!“
И хочетъ князь, какъ было встарь,
Тряхнуть могучими руками,—
Но крѣпко скованы онѣ;
И хочетъ крикнуть онъ во снѣ,—
Но вмѣсто крика стонъ раздался,
Языкъ ему не покорялся.

Не могъ онъ стономъ заглушить
Шумъ боя, крикъ зловѣщей птицы...
Глаза онъ силился открыть,—
Не поднимаются рѣсницы...
Въ нѣмомъ отчаяньи дрожа,
Онъ слышитъ,—лезвіемъ ножа
Къ нему вдругъ кто-то прикоснулся,—
И князь испуганный проснулся.

Прохлада яснаго утра
Василька скоро освѣжила.
Ужъ разсвѣло. Кругомъ шатра
Бродили слуги. Слышно было,
Какъ отрокъ борзаго коня
Сѣдлалъ для князя; у огня
Проворный поваръ суетился;
Шумъ, говоръ въ станѣ разносился.

Князь поднялъ край шатра. Предъ нимъ
Открылся Днѣпръ, залитый блескомъ,
И нѣжилъ слухъ его своимъ
Невозмутимо ровнымъ плескомъ.
Василько влѣво бросилъ взглядъ,—
Тамъ возвышался Кіевъ градъ,—
И сна дурное впечатлѣнье
Разсѣялось въ одно мгновенье.

Верхушки Кіевскихъ церквей
На солнцѣ ярко золотились,
И отъ посада въ глубь полей
Далеко нивы расходились;
Вдали степей синѣла ширь,
И Ѳеодосьевъ монастырь,
Высокимъ тыномъ обнесенный,
Вѣнчалъ собою холмъ зеленый.

Отрадно стало и свѣтло
Въ душѣ Василька. Грудь дышала
Спокойно. Утро принесло
Ему съ собою думъ не мало.

Какъ львенокъ, вышедшій впервой
На ловъ, тряхнулъ онъ головой,
Глаза его сверкали смѣло:
Онъ замышлялъ большое дѣло.

На съѣздѣ въ Любечѣ князья
Рѣшили: княженецкой власти
Опоры нѣтъ, что воронья
Мы Русь родную рвемъ на части.
Пусть каждой отчиной своей
Владѣетъ въ мирѣ съ этихъ дней,
И да не будетъ ссоръ межъ нами..
Мы братья,—намъ ли быть врагами?

Василько думаетъ: „Пойду
Теперь я смѣло къ Требовалю,
И хитрымъ ляхамъ на бѣду
Зимой дружину приготовлю.
Давно душа моя горитъ
Взять землю ляшскую на щитъ
И Руси недруговъ лукавыхъ
Похоронить въ глухихъ дубравахъ;

Потомъ въ Дунай ладью спущу
И на болгаръ грозой ударю,
И ратной славы поищу
Себѣ и брату Володарю;
Сожгу ихъ села и въ полонъ
Возьму дѣтей, дѣвицъ и женъ,
И потоплю въ волнахъ Дуная
Всю силу славнаго ихъ края.

Потомъ за помощью приду
Я къ Святополку съ Мономахомъ
И Половецкую орду
Въ глухихъ степяхъ развѣю прахомъ.
Я дамъ родимой сторонѣ
Покой, хотя пришлось бы мнѣ
Лечь головой въ борьбѣ кровавой“...
Такъ думалъ правнукъ Ярослава.

Такъ онъ задумывалъ одно,—
Но у Давыда съ Святополкомъ
Другое было рѣшено
На ихъ совѣтѣ тихомолкомъ.
„Василько,—думалъ князь Давыдъ,—
Мое добро себѣ рачитъ.
Покуда родъ его не вымеръ,
За мной не крѣпокъ Володимеръ.
„Возьми его,—онъ ворогъ злой,
Не родичъ намъ—шепталъ онъ брату,—
Ужели хочешь Кіевъ свой
Отдать ему какъ супостату?
Въ крови потопитъ и въ слезахъ
Онъ нашу землю. Мономахъ
Его пособникъ произволу,
Съ нимъ за одно куетъ крамолу.

Какъ звѣри лютые, придутъ
Они съ наемной силой вражьей,
Владиміръ Галичскій возьмутъ,
Отнимутъ столъ великокнякій.
Нѣтъ правды, вѣрь мнѣ, въ ихъ сердцахъ!
И дикій Половецъ и Ляхъ
На Русь пойдутъ за ними слѣдомъ.
Иль замыслъ ихъ тебѣ не вѣдомъ?

О томъ, что мыслитъ князь—изгой,
Мои дознался бояре,
Онъ запалитъ костеръ большой,—
И намъ—братъ сгибнуть въ томъ пожарѣ.
Возьми жъ его пока онъ тутъ;
Напрасенъ будетъ послѣ трудъ:
Мѣшать намъ плохо волку въ ловлѣ,
Когда онъ будетъ въ Теребовлѣ.

Самъ Богъ намъ съ властью далъ уставъ—
Блюсти отъ зла свою державу“.
И внялъ великій князь, сказавъ:
„Да будетъ такъ! Когда жъ не право
Ты молвишь,—Богъ тебѣ судья.
Намъ не простятъ того князья,—
Противу насъ найдутъ улики,—
И будетъ то намъ въ стыдъ великій.

И князь на Рудицы послалъ
Василька звать на имянины.
Тамъ не далеко отъ забралъ
И Кіевскихъ бойницъ съ дружиной,
Передвигаясь въ городъ свой,
Сталъ станомъ княжичъ удалой,
Про то не вѣдая, что вскорѣ
Его постигнетъ злое горе.

2.

Звонятъ къ обѣднѣ. Стольный градъ
Проснулся. Ясенъ день холодный.
Въ стану Васильковомъ скрипятъ
Телѣги съ рухлядью походной.
Трясетъ серебряной уздой
И стременами конь княжой,
Передъ княжимъ шатромъ закрытымъ
Храпитъ и въ землю бьетъ копытомъ.

Кормиличъ княжичій, старикъ,
Торопитъ въ путь дружину съ княземъ.
„Намъ впереди походъ великъ,—
Какъ разъ обозъ въ грязи увязимъ.
Пойдемъ-ка, князь. Того и жди,
Польютъ осенніе дожди.
И стой тогда въ болотной тинѣ!
Вели-ка станъ снимать дружинѣ".

Василько вышелъ изъ шатра,
Чтобъ нарядить, уладить сборы,
Проститься съ берегомъ Днѣпра,
Взглянуть на Кіевскія горы.
Быть можетъ, долго не видать
Тѣхъ мѣстъ, гдѣ вѣры благодать
Надъ темной Русью просіяла.
Гдѣ Русь крещенье воспріяла.

И грустно сердце сжалось въ немъ,
Какъ будто чуя скорбь и горе,
И вспомнилъ княжичъ о быломъ
И о княжой недавней ссорѣ.
„Мнѣ, можетъ,—думалъ онъ,—сулитъ
Судьба въ грядущемъ рядъ обидъ,
Отъ близкихъ родичей истому,
И вмѣсто славы—паполому.

Въ худое время мы живемъ,
За распри другъ на друга ропщемъ;
Радѣетъ всякій о своемъ,
А о землѣ, наслѣдьѣ общемъ,
Никто не хочетъ пожалѣть,
Отдавъ ее врагамъ на снѣдь.
Мы, вмѣсто мира, устроенья,
Заводимъ ссоры да смятенья.

Великій прадѣдъ Ярославъ!
Берегъ ты землю отъ печали,
Храня отеческій уставъ,—
И наши вороги молчали:
Могучъ, какъ древле царь Давидъ,
Ты громкой славой былъ покрытъ;
Но время тихое минуло,—
И Русь въ крамолахъ потонула.

Такъ Ростиславичъ размышлялъ
О распрѣ—княжеской заразѣ,
А передъ нимъ уже стоялъ
Посолъ отъ Кіевскаго князя,—
И молвилъ, низко поклонясь:
„Зоветъ тебя на праздникъ князь
И проситъ въ Кіевъ, господине,
Для имянинъ пріѣхать нынѣ".—

„Мнѣ дома быть пора давно,
Князь отвѣчалъ,—гулять не время,
Рать будетъ дома неравно,
Да и другихъ заботъ беремя,
Коль призванъ править князь землей,
Ему гостить въ землѣ чужой
Не слѣдъ: въ семьѣ владыка нуженъ —
Скажи: теперь я недосуженъ".

Ушелъ гонецъ; но вслѣдъ за нимъ
Великій князь прислалъ другова:
„Хоть на денекъ приди къ роднымъ, —
Съ гонцемъ княжое было слово,—
Объ этомъ я прошу, любя".
Давыдъ прибавилъ отъ себя:
„Пожалуй въ Кіевъ нынче, брате!

Куда спѣшишь? Не слышно рати!
Отказъ твой сѣмя къ распрѣ дастъ,
Ужели хочешь новой ссоры?
На злое дѣло князь гораздъ,
И въ немъ вражда созрѣетъ скоро,—
Изъ друга сдѣлаться врагомъ
Ему не диво,—знай о томъ,
Коль не пріѣдешь къ Святополку,
Не будетъ въ съѣздѣ нашемъ толку".

Василько вымолвилъ: „Аминь!
О ссорѣ мнѣ и думать больно".
Онъ станъ отправилъ на Волынь
И самъ поѣхалъ въ Кіевъ стольный.

Торопитъ онъ и бьетъ коня;
Но конь, уздечкою звеня,
Идетъ неспѣшно и лѣниво,
Храпитъ, потряхивая гривой.

Безпечно ѣдетъ князь впередъ.
Навстрѣчу Отрокъ приближенный
Спѣшитъ отъ Кіевскихъ воротъ
Къ нему, печальный и смущенный,—
Онъ сталъ предъ нимъ и говоритъ:
„Не ѣзди, князь! Бѣда грозитъ!
Вернись,—иль быть грѣху да брани!
Тебя возьмутъ,—вернись заранѣе!

Не ѣзди: Кіевъ—западня,
Повѣрь моей правдивой рѣчи.
Верни ретиваго коня,—
Твоя дружина недалече.
И ты, какъ дома, будешь съ ней.
Уйди подальше отъ князей,—
Они лишатъ тебя удѣла,
Въ нихъ мысль ехидная созрѣла“.

„За что жъ князья меня возьмутъ?—
Спросилъ Василько удивленный,—
Не вѣрю я, нѣтъ правды тутъ,—
Схватить нельзя же беззаконно?
Я Святополка не боюсь:
Не для того со мной союзъ
Скрѣпилъ онъ крестнымъ цѣлованьемъ,
Чтобъ встрѣтить гостя злодѣяньемъ.

Ходилъ я всюду на прямикъ,—
Зачѣмъ назадъ мнѣ возвращаться?
Я въ битвахъ взросъ и не привыкъ
Отъ юныхъ лѣтъ враговъ бояться“.
Такъ Ростиславичъ отвѣчалъ
И путь свой въ Кіевъ продолжалъ:
Былъ княжичъ чистъ и прямъ душою,
Не знался съ хитростью людскою.

Спокоенъ въ Кіевъ въѣхалъ онъ,
И у хороминъ княжецкихъ
Остановился. Окруженъ
Толпой дружинниковъ и дѣтскихъ,
Выходитъ къ гостю на крыльцо
Великій князь; его лицо
Омрачено; съ улыбкой странной
Онъ молвилъ: „Здраствуй, гость желанный!“

И ввелъ его онъ въ тотъ покой,
Гдѣ князь Давыдъ, потупя очи,
Сидѣлъ, темнѣй осенней ночи,
Увидѣвъ гостя, вздрогнулъ онъ,
И на привѣтливый поклонъ
И рѣчи князя молодова
Не можетъ вымолвить ни слова.
Василько веселъ и не ждетъ

Грозы; а громъ надъ головою,
И скоро часъ бѣды придетъ.
Великій князь кривитъ душою,
Кривитъ предъ нимъ, а князь Давыдъ,
Нѣмой, какъ рыба, внизъ глядитъ.
Ждутъ слуги взгляда, и готовы
Для Ростиславича оковы.

3.

Прошло съ тѣхъ поръ четыре дня.
Въ мѣстечкѣ Вздвиженье тревога;
И шумъ, смердовъ бѣготня
Въ избѣ священника убогой.
Толпа Давыдовыхъ людей
Тѣснится около дверей,
И двое слугъ несутъ въ ворота
Въ ковры завернутое что-то.

То князь Василько. Но зачѣмъ
Въ такомъ печальномъ онъ нарядѣ
Лежитъ безъ чувствъ, безсиленъ, нѣмъ?
Въ глухую ночь вчера въ Бѣлградѣ
Онъ былъ злодѣйски ослѣпленъ.
Недавній сбылся князя сонъ!
Полуживой, онъ дышитъ еле...
Давыдъ достигъ желанной цѣли.

Народомъ полонъ ветхій срубъ,
Скрипятъ гнилыя половицы;
На лавкѣ князь лежитъ, какъ трупъ...
Лицо порѣзано; зеницы

Изъ впадинъ вырваны глазныхъ,
И страшно кровь чернѣетъ въ нихъ;
Разбита грудь его, и тѣло
Изнемогло и посинѣло.

Сняла съ Василька попадья
Рубаху. кровью залитую,
И говоритъ: „Какой судья
Тебѣ назначилъ казнь такую!
Али такъ много грѣшенъ ты,
Что ни очей, ни красоты
Не пощадили... вепрь не станетъ
Такъ мучить, туръ такъ не изранитъ.

Давно на свѣтѣ я живу,
Годамъ и счетъ-то потеряла;
Но ни во снѣ, ни на яву
Такой я казни не видала,
Худое времячко пришло:
Рвутъ людямъ очи, въ братьяхъ зло,—
Знать, нѣту въ мірѣ Божья страху!“
И стала мыть она рубаху.

И слезы горькія свои
На полотно она роняла.
Отъ плача старой попадьи
Очнулся князь... Не могъ сначала
Припомнить онъ, что было съ нимъ
И лютой жаждою томимъ,
Онъ простоналъ. Тотъ стонъ услыша,
Хозяйкѣ стража шепчетъ тише...

Надъ нимъ нагнулась попадья;
Ея почувствовавъ дыханье,
Василько вымолвилъ: Гдѣ я?
И заглушивъ въ себѣ рыданья,
Она, качая головой,
Сказала: Въ Вздвиженьѣ, родной!
И грудь его съ печалью тяжкой
Покрыла вымытой рубашкой.

Рукою грудь ощупалъ онъ
И черезъ силу приподнялся,
Блѣднѣетъ стража: страшный стонъ
И вопль княжой въ избѣ раздался.
Рыдая онъ къ скамьѣ приникъ,
И проходили въ этотъ мигъ
Передъ духовными очами
Слѣпца видѣнія рядами.

Припомнилъ онъ, какъ честной крестъ
На съѣздѣ братья цѣловали:
Надежды свѣтлыя на съѣздъ
Они великіи возлагали.
И вотъ нарушенъ земскій миръ,
На страшный, вновь кровавый пиръ,
Для казни, прежнихъ казней злѣйшей,
Призвалъ Василька князь старѣйшій.

Припомнилъ онъ, какъ безъ причинъ
Онъ схваченъ былъ по волѣ братской;
Какъ на глазахъ его торчинъ
Точилъ свой ножъ въ избѣ бѣлградской.
Заранѣ свѣтъ померкъ въ очахъ...
Какъ дикій барсъ лѣсной въ сѣтяхъ,
Боролся княжичъ съ сильной стражей,
Но не осилилъ злобы княжей.

Не могъ онъ выдержать борьбы...
Васильку на полъ повалили
Немилосердые рабы
И грудь доской ему сдавили;
Усѣлись конюхи на ней,—
Взмахнулъ ножемъ торчинъ злодѣй,—
Несчастный вскрикнулъ и рванулся—
И теплой кровью захлебнулся...

И Божій міръ для князя сталъ
Безмолвно глухъ, какъ склепъ огромный.
Безъ чувствъ, и памяти онъ спалъ
Какъ трупъ, подъ ризой смерти темной;
Но былъ недологъ этотъ сонъ!
О для чего проснулся онъ,
Зачѣмъ вернулося сознанье
Къ нему для новаго страданья!..

Весь ужасъ участи своей
Теперь лишь понялъ князь несчастный:
Сознанье это смерти злѣй,—
И князь зоветъ его напрасно,
И съ громкимъ воплемъ говоритъ:
Кто свѣтъ очей мнѣ возвратитъ:
О, пусть Господь воздастъ Давыду
За кровь, за муку, за обиду!

И участь горькую кляня,
Припалъ Василько къ изголовью.
Зачѣмъ снимали вы съ меня
Рубашку, залитую кровью,—

Передъ Всевышнимъ судіей
Предсталъ бы я въ рубашкѣ той—
И кровь Ему бъ заговорила
Звончѣе трубъ, слышнѣе била.

Лишь передъ утромъ князь затихъ.
Въ избушкѣ ветхой было жутко;
Едва мерцалъ, дымясь, ночникъ;
Въ сѣняхъ дремали слуги чутко;
Храпѣли кони у крыльца;
И попадья у ногъ слѣпца,
Очей усталыхъ не смыкая,
Сидѣла точно мать родная.

Въ его растроенномъ умѣ
Не разсвѣтало; сердце ныло
Какъ въ замуравленной тюрьмѣ,
Въ груди темно и пусто было,
Его надеждъ блестящихъ рядъ,
Все, чѣмъ досель онъ былъ богатъ,
Все было отнято съ очами,
И въ грязь затоптано врагами.

И не видалъ несчастный князь,
На жесткомъ ложѣ плача глухо,
Какъ вскорѣ стража поднялась,
Какъ ставень вынула старуха,
И солнца лучъ блеснулъ въ окно.
До гроба было суждено
Ему нести страданья цѣпи
И въ мірѣ жить, какъ въ темномъ склепѣ.

4.

Неудержимая летитъ
Повсюду вѣсть о дѣлѣ черномъ.
Для всѣхъ чудовищемъ Давыдъ
Сталъ ненавистнымъ и позорнымъ.
Въ стѣнахъ хоромъ и тѣсныхъ хатъ
Гремятъ проклятья, какъ набатъ,—
Клянутъ князья, бояре, смерды
Давыдовъ судъ немилосердый.

Какъ въ бурю грозная волна,
Вѣсть о злодѣйствѣ небываломъ
Всѣмъ одинакова страшна—
И старикамъ, и дѣтямъ малымъ.
Молва стоустая донесть
Спѣшитъ нерадостную вѣсть
До Перемышля на Волыни
И до Васильковой княгини.

Досель счастливая, она
Врасплохъ застигнута бѣдою,
И вѣстью той поражена,
Какъ лебедь мѣткою стрѣлою.
Ядъ горя въ грудь ея проникъ
И свѣтлой радости родникъ
Изсякъ въ душѣ. Заполонила
Ее тоска,—ей все постыло.

Ея Василько ослѣпленъ!
Какъ съ этимъ горемъ примириться?
Бѣжитъ отъ глазъ княгини сонъ;
Когда жъ заснетъ,—то мужъ ей снится:
Блеститъ на князѣ молодомъ
Съ высокимъ яловцемъ шеломъ,
И цареградская кольчуга
Съ крестомъ надѣта на супруга.

Въ рукѣ Васильковой копье;
Глаза, какъ уголья сверкаютъ;
Когда жъ онъ взглянетъ на нее—
Она, голубка, такъ и таетъ;
На сына взглянетъ—и вздохнетъ
И на губахъ его мелькнетъ
Улыбка ласки и привѣта,—
И любо ей примѣтить это.

И снятся ей былые дни,
Дни невозвратнаго веселья...
Прошли—промчалися они!
Княгиню скорбь крушитъ, какъ зелье.
Ея супругъ—слѣпецъ, въ плѣну!
Кто защититъ его жену?
Кто приголубитъ крошку сына?
Съ кѣмъ въ бой пойдетъ его дружина?

Едва ль его освободятъ
Его дружинники, бояре.
Но развѣ умеръ старшій братъ?
Иль воевъ нѣтъ у Володаря,

Давно испытанныхъ въ бояхъ?
Иль не встанетъ Мономахъ,
Всегдашній врагъ дѣяній темныхъ,
Противу братьевъ вѣроломныхъ?

И одолѣть не въ силахъ гнѣвъ,
Услыша вѣсть о новомъ горѣ,
Владиміръ вспрянулъ, точно левъ,
И шлетъ гонца къ Олегу вскорѣ.
„Доколѣ намъ коснѣть во злѣ?
Онъ пишетъ.—Всей родной землѣ
Грозитъ бѣда,—судите сами:
Давыдъ повергнулъ ножъ межъ нами.

Коль не исправимъ зла того
И не упрочимъ миръ желанный,
То братъ на брата своего
Возстанетъ въ злобѣ окаянной;
Въ крови потопится земля:
Селенья наши и поля
Возьмутъ враги, разрушатъ грады,
И сгибнутъ въ распряхъ наши чада.

Раздорамъ надо быть концу,—
Давно мы ими Русь безславимъ.
Придите братья къ городцу,—
Скорѣе вмѣстѣ зло исправимъ,
Стоять за правду вы клялись
И княжьи счеты улеглись
Передъ бѣдою этой новой,
Исчезъ въ нихъ духъ вражды суровой.

И Святославичи пришли,
Спѣша исправить злое дѣло,
Туда, гдѣ грозный стражъ земли
Уже стоялъ съ дружиной смѣлой.
Къ борьбѣ нешуточной готовъ,
Отправилъ въ Кіевъ онъ пословъ
Съ такою рѣчью къ Святополку:
Зачѣмъ затѣялъ онъ размолвку.

Зачѣмъ нарушилъ клятву онъ—
Не изнурять земли враждою,
За что Василько ослѣпленъ,
Давыду выданъ головою.
Когда вина была на немъ,
Зачѣмъ судилъ своимъ судомъ,
Объ этомъ братьямъ далъ бы вѣсти,
Мы разсудить съумѣли бъ вмѣстѣ.

Не я слѣпилъ его—Давыдъ,—
Князь Святополкъ на то отвѣтилъ,—
Великій грѣхъ на немъ лежитъ:
Онъ сѣсть на столъ Давыдовъ мѣтилъ,
И столъ, и жизнь мою отнять—
И съ Мономахомъ заедино
Взять Туровъ, Пинскъ и Погорину.

Не самъ о томъ дознался я,—
Мнѣ обо всемъ Давыдъ повѣдалъ.
За то ль винятъ меня князья,
Что я Василькѣ воли не далъ?
Вины своей не признаю
Предъ ними. Голову свою
Сложить мнѣ не было охоты.
Пускай съ Давыдомъ сводятъ счеты.

Увѣришь братьевъ ты наврядъ,—
Сказали посланные мужи,—
Что не тобой Василько взятъ:
Ты взялъ,—вина твоя наружѣ.
И разошлися до утра,
Чтобъ съ новымъ днемъ по льду Днѣпра
Подъ стольный Кіевъ перебраться
И съ княземъ въ полѣ посчитаться.

Не захотѣлъ пропасть въ бою,
Великій князь, объятый страхомъ,
Жалѣя голову свою,
Тогда бѣжать задумалъ къ Ляхамъ.
И матерь русскихъ городовъ,
Онъ, Кіевъ кинуть былъ готовъ;
Но не пустили Кіевляне
Его, боясь большей брани.

Нѣтъ не успѣетъ Мономахъ
Достигнуть утромъ переправы:
Чѣмъ свѣтъ весь Кіевъ на ногахъ;
Но не воздвигнутъ величавый
Стягъ Святополка у воротъ,
Дружина княжья не зоветъ
Священныхъ граждан къ оборонѣ,
И не стучатъ мечи и брони.

Великій князь, земли глава,
Боится пасть въ бою открытомъ,
И Всеволожская вдова
Идетъ съ отцомъ митрополитомъ
Въ станъ Мономаха; весь народъ,

Сопровождая крестный ходъ,
Усердно молится иконамъ,
И полонъ городъ краснымъ звономъ.

Передъ Владиміромъ склонясь,
Сказала старая княгиня:
„Будь милосердъ, родной мой князь!
Къ тебѣ пришли мы съ просьбой нынѣ.
Князь! покажи намъ милость въявь
И новой скорби не прибавь
Въ правдивомъ гнѣвѣ къ нашимъ болямъ,—
Тебя о томъ мы слезно молимъ.

Земли защитникъ, ты не врагъ,
Не Половчинъ, не Торчинъ ярый!

Заплакалъ горько Мономахъ,
Услыша вопль княгини старой.
И говоритъ онъ братьямъ рѣчь:
„Ужель намъ землю не беречь?
Ее отцы трудомъ стяжали,
А мы терзать въ раздорахъ стали:

Какъ сынъ, Василько мной любимъ,—
Но обреку ль бѣдамъ и мщенью
Людей невинныхъ передъ нимъ
И непричастныхъ преступленью?
Пусть Богъ воздастъ его врагамъ
По ихъ неправеднымъ дѣламъ;
Но мы невинныхъ не осудимъ.
И далъ онъ миръ землѣ и людямъ.

5.

Волынь въ тревогѣ: снова рать,
И духъ вражды опять повѣялъ,
Князь Володарь заставилъ жать
Давыда-то, что тотъ посѣялъ.
Василько имъ освобожденъ;
За ослѣпленье и полонъ,
За муки всѣ отмстить заклятымъ
Своимъ врагамъ идетъ онъ съ братомъ.

Уже не въ силахъ Мономахъ
Остановить кровопролитья,
И пробудилъ Давыда страхъ,
Какъ громъ, отъ сладкаго забытья.
Его совѣтники бѣгутъ;
Но братья требуютъ на судъ
Ихъ виноватыхъ въ грозной брани,
И ставятъ висѣлицы въ станѣ.

И долженъ выдать ихъ Давыдъ,
И долженъ самъ понесть безчестье.
Слѣпецъ разгнѣванный грозитъ
И Святополку страшной местью.
Ставъ съ Володаремъ на Рожнѣ,
Предать разгрому и войнѣ
Безъ сожалѣнья и пощады
Онъ хочетъ княжескіе грады.

Въ душѣ Василька ночи тѣнь,
И этотъ мракъ, какъ смерть, ужасенъ,

А Божій міръ такъ свѣтелъ, день
Весенній радостенъ и ясенъ;
Деревья въ зелень убраны;
Тепло... Но вѣянье весны
Грудь Ростиславича не грѣетъ:
Въ ней скорби ледъ, въ ней злоба зрѣетъ.

Лучъ солнца ласково скользитъ
По золоченному оплечью,—
Не видитъ солнца князь; громитъ
Онъ Святополка грозной рѣчью.
„Вотъ чѣмъ мнѣ клялся стольный князь
Воскликнулъ онъ, остановясь
Передъ дружиной боевой,
И поднялъ крестъ надъ головой.

Онъ отнялъ свѣтъ моихъ очей,—
Теперь отнять и душу хочетъ.
И такъ я нищаго бѣднѣй!
Я радъ бы плакать, но не точатъ
Мои слѣпыя очи слезъ,
И грудь больную злѣе осъ
Терзаютъ страшные недуги.
За жизнь мою, постойте, други

Палъ Святополковъ скоро стягъ.
Великокняжая дружина
Бѣжитъ разбитая во прахъ.

Покрыта павшими равнина,
Гдѣ совершенъ упорный бой;
Но не ликуетъ князь слѣпой,
Побѣды славной слыша звуки,
А говоритъ, поднявши руки:

Отъ вѣрныхъ ратниковъ моихъ
Бѣгутъ и пѣшіе, и кмети
Уже не первый разъ; для нихъ,
Какъ пиръ, утѣшны битвы эти.
А я, несчастный, слыша громъ,
Могу лишь въ воздухѣ мечемъ
Махать, грозя врагамъ безвредно.
Меня не тѣшитъ крикъ побѣдный.

На свѣтѣ горько жить слѣпцу.
Что мнѣ въ моей ненужной силѣ,
Коль не могу лицомъ къ лицу
Съ врагомъ сойтиться?—Лишь въ могилѣ,
Когда придетъ моя пора,
Увижу ясный свѣтъ утра
Я послѣ долгой, страшной ночи,
И только смерть вернетъ мнѣ очи.
. . . .

ИЗЪ ПОЭМЫ.

„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЯ".

I.

Вступленіе. пер. Гербель.

Князь Игорь взглянулъ на дневное свѣтило,
И видя, что вмѣсто лучей
Полки его мглою оно осѣнило,
Промолвилъ дружинѣ своей:

— Не лучше ль погибнуть средь битвы кровавой,
Чѣмъ даться живому въ полонъ!
И такъ — на коней и за новою славой,
Туда гдѣ синѣется Донъ!"

Въ могучее сердце запало желанье
Напиться изъ Дона-рѣки. —
И доблестный Игорь забылъ предвѣщанье
Подъ гнетомъ душевной тоски.

— Хочу я копье мое—молвилъ—далече,
Въ землѣ Половецкой сломить;
Хочу я сложить свою голову въ сѣчѣ,
Иль Дону шеломомъ испить!"

Тебѣ бы, Баянъ, разсказать про сраженья,
Соловушку прежнихъ вѣковъ,
Носясь соловьемъ по вѣтвямъ вдохновенья,
Касаясь умомъ облаковъ,

Сличая прошедшую русскую славу
Съ позднѣйшей и мчась по слѣдамъ
Героя Трояна, сквозь боръ и дубраву,
По дебрямъ, полямъ и горамъ!

Тебѣ бы приличнѣе пѣть о героѣ —
Про Ольгова внука дѣла!...
Не буря изъ родины въ поле чужое
Степныхъ соколовъ занесла!

Слетаются галки густыми стадами
На Донъ изъ невѣдомыхъ странъ....
. . . .

II.

Передъ битвой. пер. Майковъ.

За Сулой-рѣкою да ржутъ кони,
Звонъ звенитъ во Кіевѣ, во стольномъ,
Въ Новѣградѣ затрубили трубы;
Вѣютъ стяги красные въ Путивлѣ...
Поджидаетъ Игорь мила брата;
А пришелъ и Всеволодъ и молвитъ:

— Игорь, братъ, единъ ты свѣтъ мой
свѣтлый!
Святославли мы сыны, два брата!
Ты сѣдлай коней своихъ ретивыхъ,
А мои осѣдланы ужъ въ Курскѣ!
И мои куряне ль не смышлены!
Повиты подъ бранною трубою,
Повзросли подъ шлемомъ и кольчугой.
Со конца копья они вскормлены!
Всѣ пути имъ свѣдомы, овраги!
Луки туги, тулы отворёны,
Остры сабли крѣпко отточёны,
Сами скачутъ, словно волки въ полѣ,
Алчутъ чести, а для князя славы!

И вступилъ князь Игорь во златъ
стремень,
И дружины двинулись за князем.
Солнце путь имъ тьмою заступало:
Ночь пришла—та взвыла, застонала
И грозою птицъ поразбудила.
Свистъ звѣриный всталъ кругомъ по
степи;
Высоко поднявшися по древу,
Черный Дивъ закликалъ, подавая
Вѣсть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебѣ, болванъ Тмутараканскій!
И бѣгутъ неѣзжими путями
Къ Дону тьмы поганыхъ, и отвсюду
Отъ телѣгъ ихъ скрипъ пошелъ, — ты
скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Донъ великій держитъ,
А надъ нимъ бѣду ужъ чуютъ птицы
И несутся слѣдомъ за полками;
Воютъ волки по крутымъ оврагамъ,
Ощетинясь, словно бурю кличутъ;
На красны щиты лисицы брешутъ,
А орлы, своимъ зловѣщимъ клектомъ,
По степямъ звѣрье зовутъ на кости.

А ужъ въ степь зашла ты, Русь далеко!
Перевалъ давно переступила!

Ночь рѣдѣетъ. Бѣлъ разсвѣтъ про-
глянулъ,
По степи туманъ понесся сизый:
Позамолкнулъ щокотъ соловьиный,
Галчій говоръ по кустамъ проснулся...
Въ полѣ Русь, съ багряными щитами,
Длиннымъ строемъ изрядилась къ бою,
Алча чести, а для князя славы.

III.

Побѣда и Пораженіе. пер. Майковъ.

И въ пятокъ то было: съ позаранья,
Потоптали храбрые поганыхъ!
По полю разсыпавшись, что стрѣлы,
Красныхъ дѣвъ помчали половецкихъ,
Аксамиту, паволокъ и злата,
А мѣшковъ и всякихъ узорочій,
Кожуховъ и юртъ такую силу,
Что мосты въ грязяхъ мостили ими.
Все дружинѣ храброй отдалъ Игорь,
Красный стягъ одинъ себѣ оставилъ,
Красный стягъ, серебреное древко,
Съ алой чолкой съ бѣлою хоругвью.
Дремлетъ храброе гнѣздо Олега.
Далеко родное залетѣло!
„Не родились знай, мы на обиду
Ни тебѣ, быстръ соколъ, пестеръ кре-
четъ,
Ни тебѣ, золъ воронъ половчанинъ...“

А ужъ Гзакъ несется сѣрымъ волкомъ,
И Кончакъ за Гзакомъ имъ навстрѣчу...

И въ другой день полосой кровавой
Повѣщаютъ день кровавый зори...
Идутъ тучи черныя отъ моря,

Тьмой затьмить хотятъ четыре солнца...
Синіи въ нихъ молніи трепещутъ...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю калеными стрѣлами!
Поломаться копьямъ о кольчуги,
Потупиться саблямъ о шеломы,
О шеломы половчанъ поганыхъ!

А ужь въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевалъ давно переступила!...

Чу! Стрибожьи чада понеслися,
Вѣютъ вѣтры, ужъ заносятъ стрѣлы,
На полки ихъ Игоревы сыплютъ...
Помутилисъ, пожелтѣли рѣки,
Загудѣло поле, пыль поднялась,
И сквозь пыль уже знамена плещутъ...
Ото всѣхъ сторонъ враги подходятъ,
И отъ Дона, и отъ синя моря,
Обступаютъ нашихъ отовсюду!
Отовсюду бѣсовы исчадья
Понеслися съ гиканьемъ и крикомъ:
Молча, Русь, отпоръ кругомъ готовя,
Подняла щиты свои багряны.
. . . .

Отъ зари до вечера, день цѣлый,
Съ вечера до свѣта рѣютъ стрѣлы,
Гремлятъ остры сабли о шеломы,
Съ трескомъ копья ломятся булатны
Середи невѣдомаго поля,
Въ самомъ сердцѣ Половецкой степи!
Подъ копытомъ черное все поле
Было сплошь засѣяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошелъ посѣвъ по Руси — горемъ!..

Что шумитъ-звенитъ передъ зарею?

Скачетъ Игорь полкъ поворотити...
Жалко брата... Третій день ужь бьются!
Третій день къ полдню ужъ подходитъ:
Тутъ и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тутъ и оба брата
На Каялѣ быстрой разлучились...
Ужъ у храбрыхъ Русичей не стало
Тутъ вина кроваваго для пира,
Попоили сватовъ, да и сами
Полегли за отческую землю!
Въ полѣ травы съ жалости поникли,
Дерева съ печали приклонились...

V.

Бѣгство Игоря. пер. Гербель.

Въ полночь море взволновалося,
Небо тучами покрылося:
Кажетъ Богъ дорогу Игорю
Изъ неволи въ землю Русскую
Ко злату-столу отцовскому.
Догорѣла зорька ясная,
Зорька ясная—вечерняя.
Игорь дремлетъ—Игорь бодрствуетъ,
Игорь поле мѣритъ мыслію,
Что отъ Дону отъ великаго
До Донца-Рѣки до малаго.
Конь готовъ и ждетъ съ полуночи.
Овлуръ свистнулъ за рѣкой вдали, —
Подаетъ вѣсть князю Игорю;
Но князь Игорь не откликнулся.
Крикнулъ,—поле всколебалося,
Зашумѣлъ ковыль серебряный,
Съ ними вежи половецкія
Потряслися. Игорь доблестный
Горностаемъ проскочилъ тростникъ.
Канулъ въ воду бѣлымъ гоголемъ,
На коня стрѣлою кинулся,
Быстрымъ волкомъ соскочилъ съ него,
Побѣжалъ къ Донцу родимому,
Къ луговому его берегу
И взвился могучимъ соколомъ,
Убивая подъ туманами
Лебедей съ гусями къ завтраку,
На обѣдъ себѣ и къ ужину.
Игорь несся яснымъ соколомъ,
Влуръ бѣжалъ по полю чистому
Сѣрымъ волкомъ, отряхаючи
По пути росу холодную;
Надорвалъ коня дорогою.

Говоритъ ему Донецъ-рѣка:
„Много, князь, тебѣ величія,
Кончаку-врагу нелюбія,
А землѣ родной веселія!“
Игорь-князь ему отвѣтствуетъ:
„О, Донецъ! не мало доблести
И тебѣ, что̀ князя Игоря
На волнахъ своихъ серебряныхъ
Ты лелѣялъ, устилаючи
Берега травой зеленою,
Одѣвая мглами теплыми
Подъ нависшими деревьями!
Ты стерегъ его заботливо
На водѣ хохлатымъ гоголемъ,
На струяхъ рѣчною чайкою,
Уткой-чернядью въ поднебесьѣ.
Нѣтъ, не такъ, вздымаясь волнами,
Мчится Стугна мелководная!
Поглотивъ ручьи нагорные,
Она струги о кустарники
Раздробила, ненасытная,
И навѣки заградила путь
Къ берегамъ днѣпровскимъ юному
Ростиславу *). И заплакала
Мать сѣдая Ростиславова
По прекрасномъ князѣ-юношѣ...
На лугахъ цвѣты душистые
Осыпаются отъ жалости,
А деревья съ тихой грустію
Надъ землею наклоняются.

Не сорочье стрекотаніе
Раздается въ отдаленіи:
Это ѣдутъ, вслѣдъ за Игоремъ,
Гзакъ съ Кончакомъ половецкіе.
Стихло, вороны не каркали,
Галки смолкли и съ сороками
По деревьямъ только прыгали;
Дятелъ путь къ рѣкѣ указывалъ;
Соловей веселымъ пѣніемъ
Утро ясное привѣтствовалъ.

И съ Кончакомъ рѣчь заводитъ Гзакъ:
„Если соколъ улетитъ въ гнѣздо,
То стрѣла́ми золочеными
Соколенка разстрѣляемъ мы“.
А Кончакъ ему отвѣтствуетъ:
„Если соколъ улетитъ въ гнѣздо,
Такъ красавицею-дѣвицей
Соколенка мы опутаемъ,
Не видать тогда намъ болѣе
Ни соколика ни дѣвицы,
Нашей дѣвицы красавицы,
И начнутъ насъ птицы хищныя
Бить средь поля половецкаго“.

Возвращеніе. пер. Гербель.

Вѣдь сказалъ же Баянъ,
Какъ и вѣщій Коганъ,
Пѣснотворецъ временъ Ярослава.
Говорилъ въ старину,
Прославляя войну
И походъ старика Святослава:
„Тяжело на землѣ
Жить безъ плечъ головѣ,
Тяжело богатырскому тѣлу
Безъ головушки жить!“
Такъ безъ Игоря быть
Землѣ Русской, родному удѣлу.
Солнце-свѣтъ въ небеси,
Игорь-царь на Руси.
На Дунаѣ запѣли дѣвицы, —
И летятъ голоса
Чрезъ моря и лѣса
Къ высямъ Кіева, пышной столицы.
Игорь ѣдетъ домой —
Къ Пирогощѣ святой
По Боричеву путь направляетъ.
По дорогѣ народъ
Веселится, поетъ,
Своихъ старыхъ князей величаетъ,
А потомъ молодыхъ,
Такъ прославимъ же ихъ!
Слава Игорю, ихъ властелину!
Храбрецу, удальцу
Всеволоду бойцу
И Владиміру, Игоря сыну!

*) См. слѣдующее стихотвореніе.

Много здравствовать вамъ,
И князьямъ, и войскамъ,
Поборавшимъ всегда и донынѣ
За мірянъ-христіанъ
На полки басурманъ!
Слава храбрымъ князьямъ и дружинѣ!

№ 20. *А. Толстой.* КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ.

(Баллада).

Уношу князю Ростиславу
затвори Днѣпръ темнѣ березѣ.
„Слово о полку Игоревѣ“.

Князь Ростиславъ въ землѣ чужой
Лежитъ на днѣ рѣчномъ,
Лежитъ въ кольчугѣ боевой
Съ изломаннымъ мечомъ.

Днѣпра подводныя красы
Лобзаться любятъ съ нимъ
И гребнемъ витязя власы
Расчесывать златымъ.

Его напрасно день и ночь
Княгиня дома ждетъ:
Ладья его умчала прочь,—
Назадъ не принесетъ.

Въ глухомъ лѣсу, въ землѣ чужой,
Въ рѣкѣ его пріютъ.
Ему попы за упокой
Молитвы не поютъ;

Но съ нимъ подводныя красы,
Съ нимъ дѣвъ веселый рой,
И чешетъ витязя власы
Ихъ гребень золотой.

Когда же на берегъ Посвистъ
Сѣдыя волны мчитъ,
Въ лѣсу кружится желтый листъ,
Ярясь, Перунъ гремитъ,

Тогда, отъ сна на днѣ рѣчномъ
Внезапно пробудясь,
Очами мутными кругомъ
Взираетъ бѣдный князь.

Жену младую онъ зоветъ,—
Увы! Его жена,
Прождавъ напрасно цѣлый годъ,
Съ другимъ обручена.

Зоветъ къ себѣ и брата онъ,
Его обнять бы радъ,—
Но, сонмомъ гридней окруженъ,
Пируетъ дома братъ.

Зоветъ онъ кіевскихъ поповъ,
Велитъ себя отпѣть,
Но до отчизны слабый зовъ
Не можетъ долетѣть;

И онъ, склонясь на ржавый щитъ,
Опять тяжелымъ сномъ
Въ кругу русалокъ юныхъ спитъ,
Одинъ на днѣ рѣчномъ.

№ 21. *А. Толстой.* УШКУЙНИКЪ.

Одолѣла сила-удаль меня, молодца:
Не чужая, своя удаль богатырская!
А и въ сердцѣ тая удаль-то не вмѣстится,
А и сердце то отъ удали разорвется!
Пойду къ батюшкѣ на удаль горько плакаться,
Пойду къ матушкѣ на силу въ ноги кланяться:

Отпустите свое дѣтище дроченое,
Новгородскимъ-то порядкамъ неученое!
Отпустите поиграти игры дѣтскія:
Тѣ ль обозы бить низовые купецкіе,
Багрить на морѣ кораблики урманскіе,
Да на Волгѣ жечь остроги басурманскіе.

№ 22. *Немировичъ-Данченко.* УШКУЙНИКИ.

Что за дикія пустыни,
Что за темные лѣса!
Опрокинулись надъ ними
Голубыя небеса.
Глушь... Безлюдье... Бездорожье...
Оглашаютъ эту дичь
Только громы Божьей бури
И залетной птицы кличь.
Не услышишь человѣка;
Вольный въ чащѣ вѣковой
Странникъ сѣвера, сохатый
Пробирается порой,
Вѣтви ельника ломая,
Въ тотъ невѣдомый просторъ,
Гдѣ надъ гладью океана
Поднялись уступы горъ.
Да медвѣдь бродитъ по лѣсу,
И реветъ онъ, и ворчитъ,
Словно царь свои владѣнья
Отъ кого-то сторожитъ.
Дальше—тундры вѣковыя
Неподвижно залегли...
Глушь... Безлюдье... Бездорожье...
Царство смерти... Край земли...
Широка среди пустыни
Свѣтловодная Двина;
Катитъ пѣнистыя волны
Въ море Бѣлое она.
На привольѣ зеленѣютъ
Заливные острова...
Какъ нѣжна на этихъ гладяхъ
Луговая мурава!
Чайки бѣлыя мелькаютъ,
Будто искры, надъ рѣкой,
Журавли, чернѣя высью,
Словно плачутся порой.
Малой точкой въ синемъ небѣ
Кречетъ взвился и виситъ,
Вся Украйна, яркимъ солнцемъ
Озаренная, горитъ.
По заводьямъ стонутъ утки;
Гулъ рѣчной, и гулъ лѣсной
Низью стелятся повсюду
Надъ красавицей Двиной.
Глушь... Безлюдье... Бездорожье...
Говоръ волнъ и птичій кличь.
И далеко залетаетъ
Неизвѣданная дичь...
То не говоръ ли потока?
То не вѣтеръ ли шумитъ?
Нѣтъ! Какъ будто издалека
Пѣсня звонкая гремитъ.
Пѣсня звонкая, лихая,
Вся-то удаль, сила, гнѣвъ...
И далеко, не смолкая,
Чьи-то груди надрывая,
Вольный носится напѣвъ.
Ближе... Лодки надъ волнами
Остроносыя скользятъ,
Весла искрятся на солнцѣ,
Флаги бѣлые блестятъ.
Ближе... Громче... Кто отважный
Въ глушь пустынную проникъ?
Чей надъ этими лѣсами
Далеко несется крикъ?
Дѣти-ль Чуди *) бѣлоглазой,
Иль Варяговъ злая рать
Мчатся дикія кочевья
Грабить, бить и истреблять?
Нѣто,—то Руси вольной слово,
Нѣтъ,—то пѣснь ея сыновъ,
Точно вьется надъ пустыней
Стая дикая орловъ.
Это Новгорода дѣти,

*) Чудью наши предки называли Финновъ.

Дѣти славы вѣчевой,
Ищутъ дали и простора,
Ищутъ битвы роковой,
Въ пѣснѣ ихъ—орлиный клекотъ.
Вольный кличъ лихихъ бойцовъ
Точно слышится отзвучье
Вѣчевыхъ колоколовъ.
Оживляются пустыни.
Встрепенулся темный боръ;
Гдѣ бродилъ одинъ сохатый,
Тамъ съ утра звенитъ топоръ.
И бродитъ ушкуйникъ смѣлый
По трущобамъ вѣковымъ;
Какъ грибы, растутъ поселки,
Вѣче слышится за нимъ...
Ой! Сбирайтеся дружины!..
Воля кличетъ, бой зоветъ...
И съ конца въ конецъ, далеко
Громкій колоколъ гудетъ,
И отъ края и до края
Надъ пустынею глухой
Все звучитъ, не умолкая,
Выше, выше залетая,
Пѣсня Руси молодой.

№ 23. МЕЙ. ВОЛХВЪ.

(И Софійской лѣтописи).

Созвонили про вѣче, далече—далече
Загудѣлъ благовѣстникъ софійскій про вѣче
И созвалъ разудалыхъ лихихъ молодцовъ
Изо всѣхъ изъ пятинъ, изо всѣхъ изъ концовъ,

Приподнялъ онъ и въ свѣтлой во гридницѣ княжьей
Со гагачей постели, съ подушки лебяжьей,
Князя стольнаго Глѣба Мстиславича... Всталъ
И топоръ съ поворузой ременною снялъ

Подъ рукавъ и въ конюшнѣ сѣдлалъ воронова;
Но на вызовъ народный не выронилъ слова...
Да и что тутъ, какія же были слова...
Если ѣдешь навстрѣчу и рѣчи Волхва,

Наипаче, коль онъ, сатаной обученный
И вѣдуньями въ черномъ кострѣ опаленный.
Да, прошла про волхва издалека молва:
— „Не бывало во вѣки такого волхва“.
Ворожбой онъ узнаетъ,—гдѣ шито, да крыто...
Гдѣ у бабъ и у дѣвокъ пшеница и жито...
Все—про-все ужъ доточно провѣдаетъ онъ,
И наружу, что крадено, высыплетъ вонъ,
И не спрячешь за пазухой зернышка хлѣба...

Взглянетъ на небо,—нѣтъ тебѣ синяго неба:
Звѣзднымъ свиткомъ свернется и скатится прочь
И оставитъ одну непроглядную ночь...
Взглянетъ на море,—въ трепетномъ ужасѣ—страхѣ

Волны рѣзвыя лижутъ, въ пескѣ и во прахѣ,
Слѣдъ отъ стопъ его мощныхъ...
Да что говорить...
И убить, и въ тотъ мигъ же опять воскресить,

Можетъ онъ перекомой своей ворожбою,
Можетъ, словно калиткой, ворочать душой;
Значитъ: знаетъ отъ Бога такія слова...
Не бывало во вѣки такого волхва.

Вотъ и вышелъ онъ, волхвъ и язычникъ, на вѣче;
Вотъ гудитъ и гудитъ благовѣстникъ далече...
И съ пяти всѣхъ концовъ всѣ посадники тутъ;
И сошелся къ волхву добровольно весь людъ;
И собрались за нимъ горожане на вѣче;
И повелъ вѣщій волхвъ имъ безстыдныя рѣчи...
Говоритъ:
„Новугороду слава и честь...
Есть поклонъ вамъ отъ Бога и вѣсточка есть.—
Онъ глаголетъ:
Меня вы не знаете, люди.
Вы язычники болѣе Ями и Чуди.
И Литвы... Вы глядите прилѣжно сюда...
Все равно предо Мною земля иль вода:
Поглядите же всѣ вы очами, какъ мимо,
Вдоль по Волхову, сынъ мой пройдетъ невредимо
И на берегъ наступитъ нетлѣнной пятой,
Ибо сынъ онъ мой—вѣщій и праведникъ мой".
Сомутилися вѣчники люди не въ мѣру
И повѣрили всуе волхву изувѣру...
Не повѣрилъ владыка Ѳеодоръ о немъ:
Предъ соборомъ Софійскимъ онъ сталъ со крестомъ,
Возглашая:
„Кто Господа Бога боится,
Передъ страшнымъ Господнимъ крестомъ преклонится,
Кто же грѣшенъ предъ Божіимъ Страшнымъ Крестомъ,
Тотъ ошую и стань съ окаяннымъ волхвомъ"...
Отъ епископа Новгородъ весь отщетился;
Волхвованіемъ дьявольскимъ весь соблазнился,
И засѣлъ, словно маковникъ, окрестъ волхва;
Да, въ то время левша не бывала права...
Ко епископу князь подошелъ со дружиной;
И крестомъ оградилися всѣ,—какъ единый;
Приложились дружинники князя; потомъ
Оградился и князь всепобѣднымъ крестомъ,
И встряхнулъ молодечества буйнаго ради
Онъ кудрей темнорусыхъ шелковыя пряди
Подъ собольею шапкой и молвилъ волхву
Очи въ очи:
„Такъ ты не во снѣ, на яву
Бредишь... Ну! Скажи мнѣ,—о чемъ говорила
Нонче зорька съ тобою и что посулила?
— „Знаю все и всегда, повседневно, точь въ точь,
Что сулитъ мнѣ и зорька, и темная ночь".
— „Право",—молвилъ князь Глѣбъ.—„А скажи мнѣ: сегодня
Знаешь,—какъ тебя вызволитъ воля Господня"
— „Знаю, я сотворю чудеса"...
Но въ упоръ
Перешибъ всѣ мозги зарукавный топоръ,
И хвастливый языкъ, и гортань всю по груди...
И бѣжали со страхомъ всѣ вѣчники люди.

№ 24. *Языковъ.* КУДЕСНИКЪ.

На мѣстѣ священномъ, гдѣ съ дѣдовскихъ дней,
Счастливый дарами природы,
Народъ Ярославовъ на волѣ своей
Себѣ избираетъ и ставитъ князей,
Полкамъ назначаетъ походы

И жалуетъ миромъ сосѣдей врагов,
Толпятся: кудесникъ явился изъ Чуди.
Къ нему-то съ далекихъ и ближнихъ концовъ
Стеклись любопытные люди.

И старецъ кудесникъ, съ соблазномъ въ устахъ,
Въ толпу изъ толпы переходитъ;
Народу о черныхъ крылатыхъ духахъ.
О многихъ и страшныхъ своихъ чудесахъ
Твердитъ и руками разводитъ.
Святителей, церковь и святость мощей,
Христа и Пречистую Дѣву поноситъ,
Онъ сдѣлаетъ чудо,—и добрыхъ людей
На чудо пожаловать проситъ.

Онъ сладко, хитро празднословитъ и лжетъ,
Смущаетъ умы и морочитъ:
Ужъ онъ-то потѣшитъ великій народъ.
Ужъ онъ-то кудесникъ, чрезъ Волховъ пойдетъ
Водой и ноги не замочитъ.
Вотъ вышелъ епископъ Ѳеодоръ съ крестомъ
Къ народу,—народъ отъ него отступился;
Лишь князь со своимъ правовѣрнымъ полкомъ
Къ святому кресту приложился.

И вдругъ къ соблазнителю твердой стопой
Подходитъ онъ грозенъ и пылокъ:
„Кудесникъ! скажи мнѣ, что будетъ съ тобой?“
Замялся кудесникъ... и самъ онъ не свой,
И жмется, и чешетъ затылокъ.
„Я сдѣлаю чудо“.—„Безумный старикъ,
Солгалъ ты,“—и княжеской дланью своей
Онъ поднялъ топоръ свой тяжелый и въ мигъ
Чело раздвоилъ чародѣю.

№ 25. *Языковъ.* ВОЕННАЯ НОВГОРОДСКАЯ ПѢСНЬ.

(1170 г.).

Борьба между Андреемъ Боголюбскимъ и Новгородцами.

Свободно, высоко взлетаетъ орелъ,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ,
Сдержи своенравное море.

Не такъ ли, о други, къ отчизнѣ любовь,
Краса благороднаго сердца,
На битвѣ за славу и честь
Смѣла, и сильна, и побѣдна.

Смотрите, какъ пышенъ рождается день,
Какъ наши играютъ знамена;
Не даромъ красуется день,
Не даромъ играютъ знамена;

Виднѣе сражаться подъ яркой зарей;
Отважнѣй душа и десница,
Когда передъ бодрымъ полкомъ
Хоругви завѣтныя блещутъ.

Гремите же трубы. На битву, друзья,
Потомки бойцовъ Ярослава.
Не выдадимъ чести народной,—
Свободы наслѣднаго права.

Что вольнымъ сосѣдей завистныхъ вражда
И темныя рати Андрея?
Къ отчизнѣ святая любовь
Смѣла, и сильна, и побѣдна.

Свободно, высоко взлетаетъ орелъ,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ,
Сдержи своенравное море.

№ 26. *Языковъ.* МЕЧЕНОСЕЦЪ АРАНЪ.

Эпизодъ изъ исторіи завоеванія Ливоніи орденомъ меченосцевъ.

Не разъ, не два Ливонія видала,
Какъ, ратуя за вѣру христіанъ,
Могучая рука твоя, Аранъ,
Изъ вражьихъ рукъ побѣду вырывала;
Не разъ, не два тебя благословлялъ
Привѣтный крикъ воинственнаго схода,
Когда тобой хвалился воевода
И смѣлаго, какъ сына, обнималъ.
Но мнилося,—любовь и наслажденье,
А не войну и славу на войнѣ
Арановой плѣнительной веснѣ
Назначило удѣломъ провидѣнье.
Аранъ, твои ланиты и уста,
Румяныя, какъ пурпуры денницы,
Твоихъ очей лазурь и быстрота,
Ихъ милый взоръ, ихъ длинныя рѣсницы,
Твой гибкій станъ и черные власы,—
Какъ сладостно, и пламенно, и живо
Мечталися въ полночные часы
Красавицѣ надменной и стыдливой
Въ странѣ, гдѣ ты какъ радость разцвѣ-
талъ,
Гдѣ Везеръ льетъ серебряныя воды,—
Въ странѣ, гдѣ сынъ отчизны и свободы,
Возвышенный Арминій побѣждалъ?
Какъ яркій лучъ божественнаго свѣта,
Какъ мощнаго воителя стрѣла,
Какъ творческій и смѣлый духъ поэта
И горній летъ побѣднаго орла,—
Для юноши легки и быстротечны,
Когда плѣненъ высокимъ и благимъ,
Мечтательный, живой, простосердечный,
Онъ весь дался надеждамъ золотымъ,—
И новый міръ яснѣе передъ нимъ,
Для подвиговъ прекрасныхъ безконеч-
ный!
Такъ молодость Аранова текла;
Ужъ полонъ чувствъ и бодрыхъ упо-
ваній,
Онъ былъ готовъ десницею для брани,
Готовъ душой на славныя дѣла.
Его мечта туда переносила,
Гдѣ Божій свѣтъ крестомъ преображенъ;
Гдѣ Іорданъ, Голгофа и Кедронъ;
Гдѣ высоты Ермона и Кармила:
Тамъ юноша, при ратныхъ знаменахъ,
Намѣстникомъ Петра благословленныхъ,
Горѣлъ, алкалъ прославиться въ бояхъ
Красою дѣлъ отважныхъ и священныхъ.
Не то ему на подвигъ бытія
Назначило отцовское желанье:
Онъ полетѣлъ въ Ливонскіе края
Свершить одно и страшное дѣянье.
На синевѣ безоблачнаго свода
Свѣтило дня прекрасное горитъ;
Труба на сборъ воителей манитъ;
Надѣлъ броню ихъ старецъ-воевода...
Они стеклись,—наточенный булатъ
Звучитъ, блеститъ; геройскія воззванья,
Веселыя текутъ изъ ряда въ рядъ;
У всѣхъ однѣ надежды и желанья,
Всѣ бранными восторгами кипятъ!
Закрывъ лицо рѣшоткою забральной,
На рукоять поникнувъ головой,
Одинъ Аранъ, безмолвный и печальный,
Не веселъ, не ликовалъ душой...
Когда магистръ, готовяся на битву,
Сложивъ шеломъ пернатый и стальной,
Произносилъ сердечную молитву
Спасителю и Дѣвѣ Пресвятой;
Когда поднявъ трепещущія длани
И слезный взоръ къ безсмертнымъ не-
бесамъ,
Онъ призывалъ внимающимъ полкамъ
Великую защиту бога брани;
Когда клялся не холодѣть въ бояхъ,
Блюсти мечемъ Апостоловъ державу
И возвѣщать въ языческихъ странахъ
Всевышняго тресолнечную славу:—
Что чувствовалъ ты, воинъ молодой,
Вождя побѣдъ глазами озирая,
То яркими какъ пламень громовой,
То мрачными, какъ туча громовая.
Простертые на бархатѣ полянъ,
Въ безмолвіи окрестность наблюдая,
Ливонцы ждутъ прихода христіанъ.

Они безъ латъ: мечъ, стрѣлы и чеканъ,
Копье и щитъ—ихъ сбруя боевая...
Блеснула рать знакомая вдали;
Трескучій звукъ сзывающаго рога
Ихъ взволновалъ: столпились, потекли,—
И началась кровавая тревога
Не облака ль сверкаютъ и гремятъ?
Не озеро ль Чудское разшумѣлось!
Враги Христа съ Винандовымъ полкомъ
Сшибаются...
Тамъ общій бой: толпа толпу тѣснитъ;
Пируетъ смерть, кровь брызжетъ, сталь звенитъ:
Тотъ мечъ занесъ и, не свершивъ удара,
Оцѣпенѣлъ, разрубленный мечемъ;
Тотъ въ ярости губительнаго жара
Не слышитъ ранъ и рубится съ врагомъ;
Иной копье изъ тѣла вырываетъ,
И въ судоргахъ влачится по землѣ;
Тотъ навзничь палъ и язва на челѣ;
Тотъ, жалостно стеная, издыхаетъ,
Подавленный израненнымъ конемъ;
Кто смерть зоветъ, кто битву проклинаетъ:
Обширный адъ на полѣ боевомъ!—
Ужъ мѣсяцъ всталъ блестящій и багряный
Надъ зеркаломъ Балтійской глубины;
Ужъ потекли росистые туманы
По берегамъ лазоревымъ Двины...
Бой пересталъ; огни въ долинѣ стана;
Воители на рыцарскихъ щитахъ
Несутъ въ шатры полумертваго Арана:
Онъ весь въ крови; мерцаніе въ очахъ,
И широка запекшаяся рана.

№ 27. *Мей.* ИЗЪ ПѢСНИ ОБЪ ЕВПАТІИ КОЛОВРАТѢ.

2.

По рязанскимъ лѣсамъ и по пустошамъ
Завелося подъ осень недоброе:
Кто ихъ знаетъ тамъ—марево, али—зарево
Вотъ: встаетъ тебѣ къ небу съ полуночи,
Красный столпъ сполыньей бѣломорскою;
Вотъ: калякаетъ кто-то, калякаетъ...
По деревьямъ топоръ ровно звякаетъ...
А кому тамъ и быть, коль не лѣшему.
Нѣтъ дороги ни конному тамъ и ни пѣшему...
Раскидали разсыльныхъ—вернулися,
Говорятъ: „Насъ впередъ не посыловать,
А не то ужъ не ждать; со полуночи
Мы того навидались—наслышались,
Что,—храни насъ Святые угодники.
Вы послушайте,—что починается...
Отъ царя, отъ Батыя безбожнаго,
Есть на русскую землю нашествіе.
Слышь: стрѣлой громоносной—молнійною
Спалъ онъ къ намъ, а отколѣ—незнаемо...
Саранча Агарянъ съ нимъ безсчетная;
Такъ про это и знайте—и вѣдайте.

3.

Было сказано... Слѣдомъ и прибыли
Два ордынца съ женой чародѣйницей
Все жъ къ великому князю рязанскому
И къ другимъ князьямъ—Пронскимъ и Муромскимъ...
Такъ и такъ: десятиной намъ кланяйтесь
Съ животовъ, со скотовъ и со прочаго.
Снесся князь съ Володимиромъ городомъ
И съ другими, да знать ужъ, что въ тѣ поры
Гнѣвъ Господень казнилъ Русь безъ милости:
Отступились со страхомъ и трепетомъ...
Ну, тогда старый князь князя Ѳедора
Повѣщаетъ, что вотъ молъ безвременье...
Поѣзжай ты съ великимъ моленіемъ
И съ дарами къ нему, нечестивому.
Бей челомъ, чтобъ свернулъ онъ съ Воронежа.
Не въ рязанскую землю, а въ русскую...
О хозяйкѣ твоей озаботимся...
Ѳедоръ князь и поѣхалъ...

4.

И вотъ что случилося:
Ѣхалъ Нездила Прокшичъ съ князь Ѳедоромъ,
И за ними рязанскіе вершники, шестеро,
Въ станъ Батыевъ... Проѣхали островомъ
Подгороднымъ; проѣхали далѣе
Островами другими немѣренными.
И ужъ дѣло-то было къ полуночи...
Все—соснякъ, березнякъ, да осинникъ...
Промежъ листвы
Издалека имъ стало посвѣчивать...
Ѣдутъ по лѣсу на свѣтъ—прогалина:
Лугъ и рѣчка; за рѣчкой раскинуты,
Сплошь и рядомъ шатры полосатые—
Станъ,—и станъ неоглядный... кишма кишитъ...
Люди—не люди—нѣтъ на нихъ образа Божьяго,
А какое-то племя проклятое,
Какъ звѣрье окаянное якобы...
Кто въ гунѣ просмоленной, кто въ панцырѣ.
Кто въ верблюжью шкуру закутался...
Узкоглазые всѣ и скуластые,
А лицо словно въ вѣникахъ крашено,
Шумъ и гамъ. Всѣ лепечутъ по своему;
Гдѣ заржетъ жеребецъ остреноженный,
Гдѣ верблюдъ всею пастью прорявкаетъ...
Тутъ кобылу доятъ; тамъ маханину
Пожираютъ, что волки несытые;
А другіе ковшами да чашками
Тянутъ что то такое похмельное
И хохочутъ, другъ друга подталкивая...
Вдоль по рѣчкѣ топливо навалено,
И пылаютъ костры неугасные
Сторожа въ камышахъ притаилися.
Обокликнули князя и съ Нездилой:

Отозвалисъ они и поѣхали
Черезъ весь станъ къ намету Батыеву.
Всполошилась орда некрещенная:
Сотень съ пять побѣжало у стремени...
Князь съ бояриномъ ѣдутъ не морщатся
Межъ кибитокъ распряженныхъ войлочныхъ:
Стремянной Ополоница сердится,
А другіе дружинные вершники
Только крестятся, въ сторону сплевывая:
На Руси этой нечести съ роду невидано...

Закраснѣлась и ставка Батыева:
Багряцевыя ткани натянуты
Вкругъ столпа, весь какъ есть золоченнаго.
Одаль ставки, а кто и при пологѣ,
Стали цѣлой гурьбой улусники.—
Всѣ въ кольчугахъ и въ шлемахъ съ ковыль травой:
За плечами колчаны, за поясомъ
Заткнутъ ножъ, закаленный съ отравою,
На одинъ только взмахъ и подшептанный.

Князя въ ставку впустили и съ Нездилой.
Ханъ сидитъ на коврѣ; ноги скрещены;
На плечахъ у него пестрый роспашень,
А на темени самомъ скуфейка парчевая,
По бокамъ, знать, вельможи ордынскіе.
Всѣ въ такихъ же скуфейкахъ и роспашняхъ...
Сталъ челомъ бить ему, нечестивому,
Ѳедоръ князь, а покудова Нездила
Подмигнулъ одному изъ приспѣшниковъ
И отвелъ его въ сторону.
Молитъ князь:
„Не вою́й де, царь, нашей ты волости,
А вою́й что иное и прочее:
Съ насъ и взять-то придется по малости,
А что загодя вотъ мы поминками
Кой какими тебѣ поклонилися“.
Ханъ подумалъ подумалъ и вымолвилъ:
„Подожди: я теперь посовѣтуюсь...
Выйди вонъ ты на время на малое,—
Позову“...
Вышелъ Ѳедоръ князь,—позвали...
Говоритъ ему ханъ: „Согласуюся
И поминки пріиму, только знаешь ли—
Мало ихъ... (толмачами взаимными
Былъ Нездила съ тѣмъ же ордынцемъ подмигнутымъ):
Мало ихъ,—говоритъ князю Ѳедору
Царь Батый,—а коль хочешь уладиться,
Дай красы мнѣ княгинины видѣти“.

Помертвѣлъ Өедоръ князь, съ перва на перво,
А потомъ какъ зардѣется:
„Нѣтъ молъ, ханъ,
Христіанамъ къ тебѣ, нечестивому,
Женъ на блудъ не водить, а твоя возметъ,
Ну, владѣй всѣмъ, коль только достанется“.
Разъярился тутъ ханъ, крикнулъ батырямъ:
„Рознимите ножами противника на части“...
И розняли...
Потомъ и на вершниковъ,
Словно лютые звѣри накипулись:
Всѣхъ—въ куски, лишь одинъ стремянной Ополоница
Изъ поганаго омута выбрался...
А боярина Нездилы пальцемъ не тронули.

6.

Загорѣлося утро по лѣтнему,
Загорѣлося сначала на куполѣ,
А потомъ перешло на верхушки древесныя,
А потомъ поползло по землѣ, словно крадучись.
Гдѣ жемчужинки, гдѣ и алмазники
У росистой травы отбираючи.
Куманика перловымъ обсыпалась бисеромъ;
Подорѣшникъ всей бѣлою шапкой своей нахлобучился
И поднялъ повалежныя листья натужившись;
Съ Осетра валитъ паръ, словно съ каменки,—
Значитъ, будетъ днемъ баня опарена...
У Николая Корсунскаго къ ранней обѣднѣ ударили...
И княгиня проснулась подъ колоколъ...
Къ колыбели птенца своего припадаючи,
Цѣловала его, миловала и пестовала,
И на красное солнышко вынесла,
На подборъ теремный, на свѣтелочный.
Вотъ стоитъ она съ нимъ, смотритъ на поле,
На лѣсъ, на рѣку, смотритъ такъ пристально
На дорогу, бѣгучую подъ гору.
Смотритъ, пыль по дорогѣ поднялася...
Скачетъ кто то и конь весь обмыленный...
Ближе глянула, анъ Ополоница,—
Не примѣтилъ княгини-бъ, да крикнула...
Осадилъ жеребца, задыхается...
А княгиня Евпраксія спрашиваетъ:
„Гдѣ же князь мой, сожитель мой ласковый“.
Замоталъ головой Ополоница:
—„Не спросила бы, не было бъ сказано.
Благовѣрный твой князь Өедоръ Юрьевичъ,
Красоты твоей ради неслыханной,
Убіенъ отъ царя, отъ Батыя неистоваго“.
Обмерла, окоченѣла княгиня Евпраксія,
Къ персямъ чадо прижала любезное,
Да съ нимъ вмѣстѣ съ подбора и ринулась
На сырую мать землю, и тутъ заразилася до смерти...
И оттолѣ то мѣсто Заразомъ прозвалося,
Потому что на немъ заразилася
Съ милымъ чадомъ княгиня Евпраксія.
Въ это время Батый, царь неистовый,
На Рязань поднялъ всю свою силу безбожную
И пошелъ прямо къ стольному городу;
Да на полѣ его вся дружина рязанская встрѣтила,
А князья впереди: самъ великій князь,
Князь Давидъ, и князь Глѣбъ, и князь Всеволодъ,—
И кровавую чашу съ татарами роспили.
Одолѣли-бъ рязанскіе витязи,
Да не въ мочь было: по сту татариновъ
Приходилось на каждую руку могучую,
Изрубить—изрубили они тьму несмѣтную.
Наконецъ, утомились, умаялись,
И сложили удалыя головы,
Всѣ, какъ бились, всѣ до единаго:
А князь Юрій легъ вмѣстѣ съ послѣдними,
Бороня свою землю и отчину,

И семью, и свой столъ, и княженіе...
Какъ объѣхалъ потомъ царь Батый поле бранное,
Какъ взглянулъ онъ на падаль татарскую,—
Переполнился гнѣва и ярости
И велѣлъ всѣ предѣлы рязанскіе
Жечь и грабить, и рѣзать безъ милости
Всѣхъ,—отъ стараго даже до малаго,
Благо ихъ боронить было некому...
И нахлынули орды поганыя
На рязанскую землю изгономъ неслыханнымъ,
Взяли Пронскъ, Ижеславецъ и Бѣлгородъ
И людей изрубили безъ жалости,
И пошли на Рязань... Сутокъ съ четверо
Отбивались отъ нихъ горожане рязанскіе,
А на пятые сутки ордынцы проклятые
Ворвались таки въ городъ по лѣстницамъ,
Тамъ убили княгиню великую,
Со снохами ея и съ княгинями прочими,
Перебили священниковъ, иноковъ;
Всенародно дѣвицъ оскверняли и инокинь;
Храмы Божьи, дворы монастырскіе
Всѣ пожгли; городъ предали пламени;
Погубили мечемъ все живущее,—
И свершилось по слову Батыеву:
Ни младенца ни старца въ живыхъ не осталося...
Плакать некому было и не по комъ...
Все богатство рязанское было разграблено..
И свалило къ Коломнѣ ордынское полчище.

9.

Отъ Коломны ордынцы пошли прямо къ Суздалю;
Станъ разбили на Сити рѣкѣ, ради отдыха
И дѣлежки добычею русскою.
. . . .

10.

Ходнемъ пошло поле окрестное
И сыръ боръ зашатался вотъ словно подъ бурею...
Налетѣла-ль она, многокрылая,
Или сила иная на ставки татарскія,
Только ломятся ставки и валятся,
Только стонъ поднялся вдоль по стану ордынскому.
Загремѣли мечи о шеломы каленые;
Затрещали и копья, и бердыши;
Отъ броней и кольчугъ искры сыплются;
Полилася рѣкой кровь горячая...
Варомъ такъ и варитъ всю орду нечестивую:
Рубятъ, колятъ и бьютъ,—кто—невѣдомо.
Тутъ ордынцы совсѣмъ обезпамятѣли,
Точно пьяные, иль безумные.
Кто ничкомъ лежитъ, мертвымъ прикинулся,
Кто бѣжитъ вонъ изъ стана коней ловить;
А и кони по полю шарахнулись,—
Ржутъ и носятся тоже въ безпамятствѣ.
Тутъ все стадо реветъ—всполошилося;
Тамъ ордынки развылись волчихами;
Здѣсь костеръ развели, да не во время:
Два намета сосѣдніе вспыхнули.
А наѣзжая сила незримая
Бьетъ и рубитъ, и колетъ безъ устали,
Слышно только, что русскіе витязи,
А нельзя полонить ни единаго....
Вопятъ батыри въ страхѣ и ужасѣ:
„Мертвецы, мертвецы встали русскіе,
Встали съ поля рязанцы убитые.“
Самъ Батый убоялся... А Нездила
Въ шатрѣ ужъ опомнился
Говоритъ: „Только взять бы какого, развѣдаемъ,—
Мертвецы, или люди живые наѣхали“
Говоритъ онъ, дрожь-то немалая
Самого пронимаетъ, затѣмъ, что все близятся
Стонъ и вопли къ намету Батыеву,
Всѣ бѣгутъ въ перепугѣ улусники
Отъ невидимой силы, невѣдомой.
—„Повели, ханъ, костры запалить скоро на скоро
И трубить громче въ трубы звончатыя,
Чтобы всѣ твои батыри слышали.
Да пошли поскорѣе за шуриномъ

Ходзовруломъ",—Батыю совѣтуетъ Нездила.
Ханъ послушался: трубы призывныя грянули,
И зарей заиграло въ поднебесьѣ зарево.
Въ пору самую близко отъ ставки Батыевой
Пронеслася толпа русскихъ витязей,
Прогоняя татарву поганую
И топча подъ копытами конскими;
Да въ догонку ей стрѣлы, что ливень посыпались,—
И упали съ коней на земь пятеро.
Подбѣжали ордынцы къ нимъ подняли
И къ Батыю свели. Ханъ ихъ спрашиваетъ:
— „Вы какой земли, вѣры какой, что невѣдомо.—
Почему мнѣ великое зло причиняете".
И отвѣтъ ему держатъ рязанскіе витязи:
—„Христіанской мы вѣры, дружинники
Князя Юрія рязанскаго, полку Евпатія
Коловрата; почтить тебя посланы—
Проводить, какъ царю подобаетъ великому".
Удивился Батый ихъ отвѣту и мудрости,
И послалъ на Евпатія шурина
И полки съ нимъ татарскіе многіе.
Хоздоврулъ похвалялся: „Живьемъ возьму,
За сѣдломъ приведу къ тебѣ русскаго витязя".
А ему подговаривалъ Нездила:
—„За сѣдломъ приведешь его къ хану у стремени".
И поѣхали оба навстрѣчу Евпатію...
А заря занималася на небѣ
И сступились полки... У Евпатія
Всей дружины то было ль двѣ тысячи—
Вся послѣдняя сила рязанская,—
А ордынцы шли черною тучею:
Не окинуть и взглядомъ, не то чтобъ довѣдаться—
Сколько ихъ. Впереди Хоздоврулъ барсомъ носится.
Молодецъ былъ и батырь коня необгоннѣе,
И вѣрнѣе копья у ордынцевъ и не было.
И сступились полки... На Евпатія
Налетѣлъ Хоздоврулъ, только не въ пору:
Исполинъ былъ Евпатій отъ младости силою,—
И мечемъ раскроилъ Хоздоврула онъ на полы.
До сѣдла, такъ что всѣ, и свои и противники,
Отшатнулись со страхомъ и трепетомъ...
Рать ордынская дрогнула, тылъ дала,
А всѣхъ прежде свернулъ было Нездила,
Да коня подъ уздцы ухватилъ Ополоница.
Только глянулъ бояринъ Евпатій на Нездилу,
Распалился душой молодецкою
И съ сѣдла его сорвалъ. А Нездила
Сталъ молить его слезнымъ моленіемъ:
„Отпусти хоть мнѣ душу-то на покаяніе".
Отвѣчаетъ Евпатій: „Не виненъ ты,—
Мать сырая земля въ томъ виновница,
Что носила такое чудовище:
Пусть и пьетъ за то кровь твою гнусную...
Ты попомни княгиню Евпраксію,
И колѣй старый песъ, непокаянно".
Тутъ взмахнулъ надъ шеломомъ онъ Нездилу
И разбилъ его о землю въ дребезги;
Самъ же кинулся вслѣдъ за ордынцами
И погналъ ихъ до самой до ставки Батыевой.
Огорчился Батый и разгнѣвался,
Какъ узналъ, что Евпатій убилъ его шурина,
И велѣлъ навести на Евпатія
Онъ пороки, орудія тѣ стѣнобитныя...
И убили тогда крѣпкорукаго,
Дерзосердаго витязя; тѣло же
Принесли передъ очи Батыевы.
Изумился и ханъ, и улусники
Красотѣ его, силѣ и крѣпости.
И почтилъ князь усопшаго витязя;
Отдалъ тѣло рязанскимъ дружинникамъ
И самихъ отпустилъ промолвивши:

— „Погребите вы батыря вашего съ честію,
По законамъ своимъ и обычаямъ,
Чтобъ и внуки могилѣ его поклонялися".

II.

По зимѣ Игорь князь изъ Чернигова
Прибылъ въ отчину, въ землю рязанскую,
И заплакалъ слезами горючими,
Какъ взглянулъ на пожарище стольнаго города.
Подо льдомъ и подъ снѣгомъ померзлые,
На травѣ—ковылѣ обнажены, терзаемы
И звѣрями, и птицами хищными,
Безъ креста и могилы, лежали убитые
Воеводы рязанскіе, витязи,
И семейные князя и сродники,
И все множество люда рязанскаго:
Всѣ одну чашу смертную выпили.
Повелѣлъ погребать ихъ князь Игорь немедленно,
Повелѣлъ іереямъ святить храмы Божіи
И очистить весь городъ; а самъ онъ съ Воронежа
Тѣло князя Θеодора Юрьича
Перенесъ къ чудотворцу Корсунскому,
И княгиню Евпраксію, съ сыномъ ихъ княжичемъ,
Схоронилъ въ одно мѣсто, и три креста каменныхъ
Надъ могилой поставилъ. Съ тѣхъ поръ прозывается
Николай Чудотворецъ—Заразскимъ святителемъ:
Потому что на мѣстѣ томъ заразилася
Вмѣстѣ съ сыномъ княгиня Евпраксія.
Гдѣ честная могила Евпатія,—
Знаютъ ясныя зори съ курганами,
Знала старая пѣсня про витязя,
Да и ту унесло вѣтромъ вихоремъ.
Охъ ты, батюшка, городъ Зараііскъ новоставленный.
На крутой горѣ ты красуешься,
На Осетръ на рѣку ты любуешься
И глядишься въ нее веселехонекъ,
Словно правду не знаешь не вѣдаешь—
Гдѣ ты выросъ, надъ чьими могилами...
Знать, гора и крута, да забывчива,
Знать, рѣка и быстра, да измѣнчива,
А правдива запѣвка старинная:
„На святой Руси быль и была,
Только быльемъ давно поросла".

№ 28. *Розенгеймъ.* НЕВИДИМЫЙ ГОРОДЪ.

Это стихотвореніе, кромѣ разсказа про татарское нашествіе, даетъ матеріалъ и для исторіи раскола. Старообрядцы вѣрятъ, что въ градѣ Китежѣ царитъ древнее православіе.

(Народное повѣрье за Волгой).

Въ непамятный вѣкъ, стародавней порой,
Въ землѣ святорусской когда то,
Въ привольной сторонкѣ, за Волгой рѣкой,
Стоялъ среди озера городъ большой—
То Китежъ былъ городъ богатый.

И не было Китежа града славнѣй
Межъ всѣми тогда городами:
Что было палатъ въ немъ, бояръ и князей
И лавокъ гостинныхъ, а божьихъ церквей
Сіялъ онъ златыми главами.

Но Бога знать русскій народъ прогнѣвилъ
Въ ту пору. Великой бѣдою
Его Милосердый Господь посѣтилъ:
На русскую землю Батый наступилъ
Съ поганой своею ордою.

Съ степей понизовья разнесъ онъ погромъ,

Не зналъ, богомерзскій, пощады:
Онъ нивы и пажити топчетъ конемъ,
Людей избиваетъ, и палитъ огнемъ
Обители, селы и грады.

Пытались отбиться дружины князей,
Разсѣять ордынскіе станы,—
И пали костьми всѣ отъ вражьихъ мечей!
Господь отступился отъ русскихъ людей—
Осилили ихъ басурманы.

Ужъ палъ предъ Батыемъ Рязани оплотъ,
Погибли въ ней князь и бояре,
И Суздальскій край разоренъ ужъ, и вотъ
До града Китежа доходитъ народъ,
Подходятъ къ Китежу татары.

Ужъ вотъ и надъ озеромъ вражьи юрты,—
Покрылся весь берегъ ордою;
По стѣнамъ и башнямъ народъ съ высоты
Ужъ видитъ какъ ладятъ татары плоты,
На приступъ собираясь съ зарею.

И къ Господу слезно Китежскій народъ
Взмолился въ бѣдѣ неминучей:
Да станетъ Онъ граду покровъ и оплотъ,
Да сжалится онъ надъ людьми и спасетъ
Отъ вражьей ихъ силы могучей.

И слухъ милосердый Господь преклонилъ
Къ мольбамъ православнаго люда,
И гнѣвъ свой на милость къ нему преложилъ—
Отъ взоровъ невѣрныхъ онъ Китежъ сокрылъ
Свершилось великое чудо!

Средь озера Китежъ невидимъ, вдругъ сталъ.
Проснулись татары съ разсвѣтомъ,
Глядятъ, и дивятся, что Китежъ пропалъ,—
И волны гуляютъ, гдѣ городъ стоялъ,
На мѣстѣ на самомъ на этомъ.

И ужасъ напалъ на невѣрныхъ тогда,
Смутился Батый неключимый,
И въ страхѣ великомъ бѣжала орда.
А Китежъ остался незримъ навсегда,
Стоитъ и досель онъ незримый.

Но въ ясную пору на озерѣ томъ
Видаютъ въ водѣ отраженье
Церквей златоглавыхъ и княжьихъ хоромъ,
Да красныя избы посадскихъ кругомъ;
Не всѣмъ лишь дано то видѣнье.

И слышало тоже не мало людей
На озерѣ звонъ колокольный
Въ канунъ иль на утріе праздничныхъ дней:
То благовѣстъ значитъ Китежскихъ церквей
Сзываетъ народъ богомольный.

И жизнь стародавней своей колеей
Въ Китежѣ течетъ и донынѣ:
И держится крѣпко укладъ вѣчевой.
Князь судитъ и рядитъ со всею землей,
Владыко радѣетъ святынѣ;

И тотъ же житейскій во всемъ обиходъ
Остался какъ въ пору былую,
И древлее тамъ благочестье народъ
Хранитъ нерушимо и крѣпко блюдетъ
Отъ новшества вѣру святую.

И будетъ градъ Китежъ—такое ему
Отъ Господа сказано слово—
Невидимъ до суднаго дня никому;
Когда же приспѣетъ судъ міру сему, —
Градъ Китежъ объявится снова.

№ 29. *Навроцкій.* ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ДОМНИКІЯ.

Взятъ Черниговъ!.. Ужъ по стогнамъ града
Разлилась побѣдная орда;
Ждетъ ее за жаркій бой награда,—
Учинять расправу безъ суда.
Въ храмъ соборный собралися въ горѣ
Женщины и дѣти горожанъ;
Слышны стоны тяжкіе въ притворѣ
Изнемогшихъ отъ тяжелыхъ ранъ,
Кованныя двери поддаются
Отъ напора бревенъ и сѣкиръ;
Въ храмѣ гулъ и крики отдаются;
Въ алтарѣ поетъ церковный клиръ.
Ждутъ татары съ нетерпѣньемъ въ бойню
Обратить привычно Божій храмъ...
На порогѣ двери въ колокольню
Мать стоитъ, прижавъ дитя къ устамъ.
Мать-княгиня. Мужъ ея любимый
Честно палъ съ татарами въ бою,
Поручивъ святому заступленью
Первенца и мать—жену свою.
Нѣтъ спасенья! Скоро рухнутъ двери.
Ужъ трещитъ бревенчатый затворъ.
Какъ потокъ, ворвутся разомъ звѣри,
Съ ними—смерть, насилье и позоръ!
Страшно!.. Жутко!.. Блѣдныя ланиты,
Страхъ сковалъ безмолвіемъ уста;
Только взоры, слезами залиты,
Умоляютъ Господа-Христа...
Скоро! Скоро! Нѣтъ нигдѣ спасенья!
Недалекъ страдальческій вѣнецъ.
Гибель близко!.. Нѣсколько мгновеній...
Вотъ и онъ, мучительный конецъ!
Двери грузно съ петель сорвалися,
Въ храмъ враги ворвалися толпой,
Вопли, стоны, крики раздалися,
Безпощадный начался убой...
Смолкъ іереевъ голосъ умиленный;
Лишь несется стонъ со всѣхъ концовъ,
Плачъ младенцевъ, хохотъ изступленный
Опьянѣлыхъ отъ крови бойцовъ.
Испугалась бѣдная княгиня
И летитъ по лѣстницѣ витой,
Чтобъ укрыть хотя малютку-сына
Отъ грядущей участи лихой.
До площадки колокольной быстро
Добралася бѣдная она
И застыла въ ужасѣ безмолвномъ,
Страхомъ смерти роковой полна.
Тьма ночная быстро опускалась;
Загорался городъ въ трехъ мѣстахъ;
Звукомъ трубъ окрестность оглашалась,
Кличъ побѣды слышался въ устахъ.
Крики боя, грабежа, насилья,
Кое-гдѣ еще набата звонъ,
Лязгъ оружья, стоны, вопли, пѣсни
Къ небесамъ неслись со всѣхъ сторонъ...
А на небѣ звѣзды загорались,
Поднималась изъ-за горъ луна,
Вся кроваво-красною казалась
При потокахъ зарева она.
Въ храмѣ—ужасъ. Въ немъ ужъ нѣтъ спасенья.
Впереди—объятья смерти злой!
Стало жаль княгинѣ на мгновенье
Разставаться съ жизнью молодой.
Прижимая горестно младенца,
Вся застыла, бѣдная! Враги
Одолѣли всюду! Что же дѣлать?
Вдругъ за ней послышались шаги.
Оглянулась—видитъ,—уже близко
Показалась вражья голова:
Бритый черепъ, вздернутыя ноздри,
Какъ у волка, свѣтятся глаза,
Весь въ крови, въ безумно-дикомъ взорѣ
Плотоядность хищника видна...
„Изнывать въ безчестьи и позорѣ—
Или смерть!...—подумала она.
Княжичъ мой рабомъ татаръ не будетъ,
На позоръ я чести не отдамъ;
Русь меня въ молитвахъ не забудетъ,—
Нашу жизнь я Господу предамъ!..
О, прости мнѣ тяжкій грѣхъ, Создатель!
Мнѣ теперь спасенье только въ немъ,
Лучше смерть, чѣмъ страшное насилье
Да позоръ подъ тягостныхъ ярмомъ!“
Осѣнивъ себя крестомъ, княгиня
Спрыгнула на крышу... шагъ... другой...
Зацѣпилась... въ ужасѣ рванулась

И скатилась съ ношей дорогой.
Разступились злобные татары,
Среди нихъ горячій трупъ лежалъ;
Изъ разбитой головы кровавый
Тонкой струйкой ручеекъ бѣжалъ.
Разметались сломанныя руки,
Далеко откинулась коса,
Лишь очей открытыхъ, полный муки,
Стывшій взоръ стремился въ небеса.
Небольшимъ расплюснутымъ комочкомъ
Трупикъ сына пріютился къ ней,—
Подъ рукой княгини холодѣвшей,
Близко къ сердцу матери своей.
Отлетала жизнь въ нихъ, угасая,
И быстра кончина ихъ была:
Отъ позора рабства ихъ спасая,
Смерть подъ свой покровъ ихъ приняла.

№ 30. *Навроцкій.* КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

Ѣдетъ князь Михаилъ въ Золотую Орду,
Къ басурману на тяжкій поклонъ.
Чуетъ сердце его близкой смерти бѣду:
Униженья не вынесетъ онъ.
Ѣдетъ съ внукомъ. Далеко въ приволжскихъ степяхъ
Злыхъ монголовъ раскинулся станъ;
Тамъ отъ долгихъ, чудовищно-славныхъ трудовъ
Отдыхалъ ихъ излюбленный ханъ.
Долго ѣхалъ. Добрался. Былъ принятъ.
Хотѣлъ ужъ въ батыеву ставку войти,
Но жрецы, охранители вѣры татаръ,
Задержали его на пути.
Говорятъ, чтобъ прошелъ чрезъ огонь русскій князь,
Что предъ ставкой Батыя горѣлъ.
И кумирамъ его поклонился,—не то
Его ждетъ непокорныхъ удѣлъ.
„Нѣтъ!—спокойно отвѣтилъ имъ князь Михаилъ,—
Поклониться Батыю могу:
Онъ вашъ царь, и Господь ему нынѣ вручилъ
Русскихъ княжествъ удѣльныхъ судьбу:
Но я вѣру Христа въ своемъ сердцѣ ношу;
Крестъ святой у меня на груди.
Поклоненья огню и кумирамъ нѣмымъ
Отъ меня онъ напрасно не жди!“
Отъ Батыя выходитъ Эльдега баскакъ,
Говоритъ Михаилу: „Смирись!
Не дерзай быть ослушникомъ князя князей
И кумирамъ его поклонись.
Поклонись иль умрешь у подножья боговъ,
И скатится предъ ними во прахъ
Голова твоя гордая; разомъ палачъ
Отсѣчетъ—непокорнымъ на страхъ!“
Внукъ Борисъ, еще отрокъ, волненьемъ объятъ.
Горсть бояръ, съ нимъ въ орду прибылыхъ,
Замутилася вдругъ; малодушья слова
Услыхалъ благовѣрный отъ нихъ,
Что берутъ на себя они княжескій грѣхъ;
Что не разъ подчинялись князья
Тѣмъ обрядамъ для блага земли, и за то
Ихъ проститъ милосердный Судья.
Но отвѣтилъ имъ князь: „Искупленья завѣтъ
Позабыли вы въ страхѣ земномъ:
Кто отвергнется здѣсь отъ Меня, отъ того
Я отвергнуся въ Царствѣ Своемъ.
Не сгублю я души! Не отвергнусь Христа
Ни для васъ, ни для славы земной!
Ненужна мнѣ она! Не ее я ищу,
А стремлюся я къ славѣ иной“.
И могучей рукой бросилъ онъ далеко
Свою мантію съ княжескихъ плечъ;
Снялъ опушенный соболемъ княжій вѣнецъ;

Отстегнулъ, внуку передалъ мечъ,
И, съ молитвою вынувъ Святые Дары,
Что въ ковчежцѣ хранились златомъ,
Причастился и внуку ковчежецъ вру-
чилъ;
И запѣлъ славословья псаломъ.
Изумились жрецы, и притихла толпа.
Божій страхъ въ ихъ проникнулъ сердца;
И побѣдно предъ ставкой Батыя звучалъ
Голосъ князя во славу Творца.

Властный крикъ, и набросила стая
убійцъ.
Повалили, топтали: люта
Была страшная казнь, но не смолкъ
Михаилъ,
Славословили Бога уста.
Взмахъ меча, и скатилась его голова,
Удостоясь иного вѣнца.
Донеслися послѣднія князя слова:
„Христіанинъ я есмь до конца".

№ 31. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЬ.

(Народная пѣсня).

Спи, усни, мое дитятко,
Поколь гроза пройдетъ,
Поколь бѣда минетъ.
Спи, усни, мое дитятко,
Гроза пройдетъ страшная,
Бѣда минетъ наносная.
Спи, усни, мое дитятко.
Твоя матушка—полоняночка,
Твой батюшка—полоняночекъ.
Злы татарева набѣгали,
Домы, терема пожигали,
Старыхъ стариковъ убивали,
Молодыхъ въ полонъ полонили,
Животы по себѣ дѣлили.
Разлучили тебя, дитятко,
Во крѣпости и младости.
Ужъ у тебя ли на дворѣ
Стоитъ теремъ одинехонекъ,
Безъ батюшки и матушки,
Безъ твоей молодой жены.
Ты сѣдлай коня вороного,
Ты скачи въ орду золотую,
Вывози батюшку родного
На святую Русь;
Вывози матушку родиму
На широкій ли дворъ,
Вывози молоду жену
Во теремъ изукрашенный.
Баю, баюшки баю,
Баю, мое дитятко.

№ 32. *Майковъ.* ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ „УПРАЗДНЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ".

Кромѣ матеріала о нашихъ сѣверн. монастыряхъ, въ этомъ стихотвореніи мы находимъ характеристику Іоанна Грознаго.

Давно въ туманѣ предо мной,
Блестящей точкою горя,
То надъ лѣскомъ, то надъ горой
Свѣтился крестъ монастыря.

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спасаться мужъ святой,
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой.

И, вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ волшебствомъ
И чародѣйствами полна...

И келью самъ въ горѣ изсѣкъ
И жилъ пустыннымъ житіемъ
Въ той кельѣ Божій человѣкъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ.

И, что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщалъ...

И [illegible]—вокругъ валятся лѣса,
И монастырь здѣсь возстаетъ...
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться... И растетъ

За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостиницъ длинный рядъ,
И въ погреба течетъ казна,
И всюду—трудъ, и всюду—ладъ.

Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочутъ келарь, казначей...
Варятъ меды, творятъ пиры,
Всечасно братья ждетъ гостей...

А эти гости: то князья,
Въ орду идущіе съ казной...
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой...

И черный людъ, беззвѣстный людъ
Со всей Руси идетъ, бредетъ...
Въ грѣхахъ всѣ каяться идутъ,—
Да страшный гнѣвъ свой Богъ уйметъ...

Идутъ съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исхода хоть слезамъ
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ...

И въ темныхъ маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ, какъ жаръ,
Предъ образами въ жемчугахъ—
Сердецъ скорбящихъ чистый даръ...

* * *

Вотъ ѣдетъ новый караванъ...
Полумонашеская рать...
И раззолоченый рыдванъ,
Съ крестами, клиръ идетъ встрѣчать.

Съ потухшимъ окомъ, блѣденъ, худъ,
Выходитъ, думой обуянъ,
Здѣсь панихидой кончить судъ,—
Кровавый судъ свой,—царь Иванъ...

Ударилъ колоколъ большой,—
И двери царскія въ алтарь
Предъ нимъ раскрылись, и больной,
Повергшись ницъ, рыдаетъ царь...

И, глядя, плачутъ всѣ вокругъ...
Но многолѣтье кончилъ клиръ,
И ждетъ царя и царскихъ слугъ
Въ большой трапезной свѣтлый пиръ...

Но царь на свѣтлый пиръ нейдетъ
Одинъ. Онъ въ кельѣ заперся...
Онъ ѣстъ лишь хлѣбъ, онъ воду пьетъ,
И весь онъ Богу отдался...

Вотъ на обитель сходитъ сонъ;
Одинъ лишь царь не знаетъ сна...
Все ходитъ онъ, все пишетъ онъ
Имъ побіенныхъ имена...

Все кровь... А тутъ покой кругомъ.
Главу обитель вознесла,
Что тихій островъ на мірскомъ
Многомятежномъ морѣ зла...

Принять бы схиму здѣсь, лежать
Живымъ въ гробу,—а надъ тобой
Монахи будутъ возглашать:
„Раба Ивана упокой“.

Все суета... И какъ видна
Она изъ гроба-то... А тутъ—
Что въ царствѣ будетъ? Вся страна
Взликуетъ! Скажутъ: царь былъ лютъ.

Измѣна встанетъ. Зашумятъ
Опять бояре, города...
Найдется царскій братъ иль сва
Мой родъ зарѣжетъ, что тогда?

И духъ его, какъ воронъ злой,
По всей Руси витать пошелъ
И ищетъ: гдѣ онъ, недругъ мой?
Гдѣ смута, гдѣ гнѣздо крамолъ?

Зоветъ на судъ онъ города,
Живыхъ и мертвыхъ онъ зоветъ,
И, вновь для грознаго суда
Готовый, мысль въ душѣ куетъ,—

Куетъ онъ мысль: кабъ бы сплотить
Всю Русь въ одно, чтобъ ничего
Не смѣло въ ней дышать и жить
Безъ изволенія его...

А ночь межъ тѣмъ надъ Русью шла...
И не одна душа, томясь,

Теперь гадала и ждала:
Что царь замыслилъ въ этотъ часъ,

И, чуть звонятъ, народъ—во храмъ,
Вопитъ, какъ жаждущій въ степи:
Когда жъ, Господь, конецъ бѣдамъ,
И клиръ въ отвѣтъ ему: „терпи“.

Терпи... И вытерпѣла ты,
Святая Русь, что посылалъ
Тебѣ Господь—всѣ тяготы
Насильствъ, и казней, и опалъ...

Тяжелый млатъ ковалъ тебя
Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка—
Но вѣришь ты, что Богъ любя
Тебя каралъ,—и тѣмъ крѣпка.

№ 33. *Мей.* АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІИ.

Сгинь ты, туча-невзгодье ненастное!..
Выглянь, Божіе солнышко красное!

Вотъ сквозь тучу то солнце и глянуло,
Краснымъ золотомъ въ озеро кануло,
Что до самаго дна-недостаннаго,
Бѣлъ-горючими камнями стланнаго...
Только вѣдаютъ волны-разбойнички,
Да тонулые въ весну покойнички.
Каково его сердце сердитое,
О пороги и берегъ разбитое?
Вихремъ Ладога-озеро, бурей обвѣяно,
И волнами, что хмѣлемъ бродливымъ, засѣяно.
Колыхается Ладога, все колыхается,
Верстъ на двѣсти, на триста оно разливается,
Со своею со зимней шубой прощается:
Волховъ съ праваго сняло оно рукава,
А налѣво сама укатилась Нева,
Укатилась съ Ижорой она, на просторѣ,
Погулять на варяжскомъ, родимомъ ей морѣ.
И съ Ижорой въ обгонку несется Нева,
И глядятъ на побѣжку сестеръ острова,
И кудрями своими зелеными
Наклоняются по вѣтру вслѣдъ имъ съ поклонами.
И бѣгутъ они вмѣстѣ, побѣжкою скорою,—

И бѣгутъ въ перегонку—Нева со Ижорою.
Али нѣтъ въ Новгородѣ парней такихъ удалыхъ,
Кто-бъ до синяго моря не выслѣдилъ ихъ,
Не стоялъ бы всю ночь до зари на озерной на стражѣ,
Какъ простоялъ не одну, а три ноченьки даже
Ижоранинъ крещенный Пелгусій? Его отъ купели
Принялъ князь Александръ Ярославичъ, на Свѣтлой недѣлѣ,
А владыко Филиппомъ нарекъ...

Вотъ стоитъ онъ—стоитъ
И на устье Ижоры онъ зорко глядитъ.
Ну, и слышитъ онъ, раннею алой зарею:
Зашумѣла Ижора подъ дивной ладьею;
Подъ ладью опрокинулись всѣ небеса;
Надъ ладьею, что крылья, взвились паруса,
И стояли въ ладьѣ двое юношей, въ ризахъ червленыхъ,
Преподобныя руки скрестивъ на могучихъ раменахъ;
На челѣ ихъ, что солнце, сіяли вѣнцы,
И, окутаны мглою, сидѣли гребцы...
Словно два серафима спустилися съ яснаго неба...
И призналъ въ нихъ Пелгусій святаго Бориса и Глѣба.
Говорятъ межъ собою:
„На эту на ночь
Александру, любезному брату, намъ надо помочь!
Похваляются всуе кичливые шведы,
Что возьмутъ Новоградъ; да не вѣдать невѣрнымъ побѣды!
Ихъ ладьи и ихъ шнеки размечетъ Нева...“

И запомнилъ Пелгусій святыя слова.
И пришелъ съ поблѣднѣлымъ отъ ужаса ликомъ
Къ Александру онъ князю, въ смущеньи великомъ,
И повѣдалъ видѣнье свои онъ въ ночи.
И сказалъ ему князь Александръ:
„Помолчи!“

А была накануне за полночь у князь-Александра бесѣда,
Потому бы, что въ Новгородъ прибыли три сановитые шведа,
Три посланника прямо отъ Магнуса, ихъ короля,
И такой ихъ извѣтъ:
„Весь вашъ Новгородъ—отчая наша земля!..
И теперь ополчаемся мы, королевскою силою:
Али дайте намъ дань, али будетъ вашъ городъ—могилою...
А для стольнаго вашего князя съ дружиною мы припасли
То цѣпей и веревокъ, что вотъ только бы шнеки снесли“...

— Ну!..—Ратмиръ говоритъ—честь и слава заморской ихъ мочи,
Только мы до цѣпей и веревокъ небольно охочи!..
Не слыхать, чтобы Новгородъ цѣпь перенесъ!“...

— На цѣпи въ Новѣгородѣ—развѣ что песъ!
— Да и то, коли лютъ, подсказалъ ему Миша.

— Три корабля трупьемъ своимъ навалиша,
Яковъ ловчій промолвилъ:
— И Господу Силъ
Слава въ вышнихъ! отъ юныхъ по имени—Савва твердилъ.

А Гаврило Олексичъ:
— Да что тутъ! А спросту
Я по озеру къ нимъ доберуся безъ мосту!!!"

Всталъ князь съ лавки—и всѣ позабыли Олексичій мостъ,
Что за станъ, и плечи и ростъ!..
Знать не даромъ въ Орду его ханы къ себѣ зазывали,
Знать не даромъ же Кесарь и шведскій король его братомъ назвали!
. . . .
А ордынки—у нихъ весь улусъ ошалѣлъ...
Только князь Александръ Благовѣрный на нихъ и глядѣть не хотѣлъ.
Да и правду сказать: благолѣпнѣе не было въ мірѣ лица,
Да и не было также нигдѣ удальца
Супротивъ Александра... Родился онъ—самъ съ себя скинулъ сорочку,
А подросъ, такъ съ медвѣдемъ боролся потомъ въ одиночку.
И коня не сѣдлалъ: безъ сѣдла и узды,
Мчался вихремъ онъ съ нимъ, отъ звѣзды до звѣзды.
Да и вышелъ же конь: сквозь огонь, черезъ воду,
Князя вынесетъ онъ, не спросившися броду,
А на вѣчѣ-то княжескій голосъ—то сила, то страсть, то мольба,
То—архангела страшнаго смерти труба...

— Собирайтеся,—молвилъ, дружинникамъ князь, со святой благостынею—
И пошелъ попроститься съ своей благовѣрной княгинею,
И въ Софійскій соборъ поклониться пошелъ онъ потомъ,
Воздыхая и плача предъ ликомъ пресвѣтлымъ Софіи, а тоже
Возглашая псаломъ пѣснопѣвца:
„О, Господи Боже,
О, Великій и крѣпкій, и Праведный, насъ со врагомъ разсуди,
И да будетъ Твой судъ правовѣрный щитомъ впереди!"

Собралися дружинники князя—кто пѣше, кто конно...
Александръ Ярославичъ повелъ съ ними рѣчь неуклонно:
— Други-братья, помянемъ—не кровь и не плоть,
А слова, что: не въ силѣ, а въ правдѣ Господь!"
И дружинники всѣ оградились крестомъ передъ битвою,
И за князь Александръ-Ярославичемъ двинулись въ поле съ молитвою.

Воевода-то шведскій ихъ, Бюргеръ, куда былъ хитеръ:
На сто сажень кругомъ онъ раскинулъ шатеръ,
И подперъ его столпнякомъ, глаженнымъ, струженнымъ, точеннымъ,
Сквозь огонь главнымъ розмысломъ шведскимъ золоченнымъ.
И пируютъ въ шатрѣ горделиво и весело шведы,
Новгородскія деньги и гривны считая...
И было бесѣды
За полночь у нихъ... И рѣшили они межъ собой:
Доски бросить на берегъ со шнекъ, потому что весь берегъ крутой,

И пристать неудобно, и весь онъ обсѣлся глухими кустами...
Порѣшили—и доски со шнекъ протянули на берегъ мостами...
Кончепъ пиръ: провели Спиридона, епископа ихъ по мостамъ
Только Бюргеръ на шнеку безъ помочи выбрался самъ...
И пора бы: не было бы русской тяжелой погони,
Да и князь Александра...
Заржали ретивые кони—
И Гаврило Олексичъ, сквозь темныхъ кустовъ,
Сѣрой рысью прыгнулъ на спалѣлыхъ враговъ,
И сдержалъ свое слово: добрался онъ, съ просту
По доскамъ, до епископской шнеки безъ мосту.
И училъ онъ направо и лѣво рубить все и сѣчь,
Словно въ жгучія искры о вражьи шеломы разсыпался мечъ.
Образумились шведы въ ту пору, и вскорѣ
Сотней рукъ они витязя вмѣстѣ съ конемъ опрокинули въ море.
Да Гаврило Олексичъ куда былъ силенъ и строптивъ, Да и конь его
Воронъ куда былъ сердитъ и ретивъ...
Окупулися въ море—да мигомъ на шнеки опять они оба,
И въ обоихъ ключемъ закипѣла нещадная злоба:
И желѣзной подковой, и тяжкимъ каленымъ мечемъ сокрушенъ,
Утонулъ воевода-епископъ и рыцарь ихъ, самъ Спиридонъ.
А Збыславъ Якуновичъ, тотъ сѣкъ эту чудь, съ позѣвкомъ, и съ плеча,
И проѣхалъ сквозь полкъ ихъ, и даже подкладомъ не вытеръ меча;
Хоть вернулся къ дружинѣ, весь красный, и спереди онъ, да и сзади,
И его Александръ похвалилъ молодчества буйнаго ради...
А Ратмиръ не вернулся, и только ужъ други смогли
Вырвать трупъ для схорона на лонѣ родимой земли.
— Три корабля трупьемъ своимъ навалиша!
Крикнулъ ловчій у князь Александра, а Миша,
Стремянной, говоритъ: „Хоть пасли мы заморскихъ гусей ихъ, пасли,
Да гусынь ихъ любезныхъ трехъ шнекъ, почитай, не спасли!“
Балагуръ былъ. А Савва отрокъ досмысленный былъ
И у Бюргера въ ставкѣ онъ столбъ золотой подрубилъ.
Да и вороговъ всѣхъ, что попалися подъ руку, тоже
Топоромъ изрубилъ онъ въ капусту...
А князь-то!.. О Господи Боже!..
Какъ наѣхалъ на Бюргера, ихъ воеводу, любимымъ конемъ,
Размахнулся съ плеча, и печать кровяную булатнымъ копьемъ,
Положилъ межъ бровей хвастуну окаянному—шведу...

Затрубили рога благовѣрному князь-Александру побѣду,
И со страхомъ бѣжали всѣ шведы, гдѣ сушью, а гдѣ по водѣ;
Но настигла ихъ быстро Господняя кара вездѣ;
Ужъ не князь Александръ ихъ настигъ со своей удалою дружиной,
А другой Судія на крамольниковъ, вѣчно—Единый...

И валилися шведы валежникомъ хрупкимъ, со смертной тревогой
Убѣгая отъ Божіей страшной грозы, не путемъ, не дорогой:
По лѣсамъ и оврагамъ костями они полегли,
Тамъ, гдѣ даже дружинники князя за ними погоней не шли...
На зарѣ, крѣпкой тайной, съ дружиною близился князь
Къ Новугороду; только была имъ нежданная встрѣча:
Застоналъ благовѣстникъ, и громкіе крики раздалися съ вѣча,
И по Волхову къ князю молебная пѣснь донеслась,
И въ посадѣ встрѣчали съ цвѣтами его новгородки—
И княгиня, и красныя дѣвки, и всѣ молодыя—молодки,
Въ сарафанахъ цвѣтныхъ и въ жемчужныхъ повязкахъ, и съ лентой въ косѣ.
И бросались онѣ на колѣни передъ княземъ возлюбленнымъ всѣ,
А епископъ и клиръ ужъ стояли давно предъ Софійскимъ соборомъ,
И ужъ пѣли молебенъ напутственный, князю съ дружиною хоромъ,
И успѣлъ по поднебесью вѣтеръ развѣять подобную вѣсть:
„Князю Невскому слава съ дружиной, и многія лѣта, и честь!“

— —

Много лѣтъ прожилъ князь Александръ... Не бывало на свѣтѣ
Преподобнаго князя мудрѣе—въ миру, и въ войнѣ, и въ совѣтѣ,
И хоругвью Божьею онъ осѣнялъ княженецкій свой санъ;
А затѣмъ и пословъ ему слали и кесарь, и папа, и ханъ,
И на письмахъ съ нимъ крѣпко любовь и согласье они заручали;
А король шведскій Магнусъ потомкамъ своимъ завѣщалъ,
Чтобъ никто ополчаться на Русь, на святую изъ нихъ не дерзалъ...
Да и князь бы отъ миру со шведомъ не прочь... Только годы уплыли,—
И преставился князь...
И рыдали, рыдали, рыдали
Надъ усопшимъ и старцы, и малыя дѣти съ великой печали
Въ Новѣгородѣ... Господи! Кто же тогда бы зеницъ
Въ княжій гробъ не сронилъ изъ-подъ слезныхъ рѣсницъ?
Князь преставился...
Лѣтопись молвитъ: „Почилъ безъ страданья и муки,
И безгрѣшную душу онъ ангеламъ передалъ въ свѣтлыя руки.
А когда отпѣвали его, въ несказанной печали-тоскѣ,
Вся святая жизнь князя въ очью предъ людьми объявилась,
Потому что для грамоты смертной у князя десница раскрылась.
И понынѣ душевную грамоту крѣпко онъ держитъ въ рукѣ!“

———

И почіетъ нашъ князь Александръ Благовѣрный надъ синей Невою,
И поютъ ему вѣчную память волна за волною,
И поютъ память вѣчную всѣ побережья ему...
Да душевную грамоту онъ передастъ-ли кому?
Передастъ! И крестомъ осѣнитъ чьи-то мощныя плечи,
И пріидется кому-то услышать святыя, загробныя рѣчи!..

—

Сгинь ты, туча невзгодье ненастное!..
Выглянь, Божіе солнышко красное!..

№ 34. *Майковъ.* ВЪ ГОРОДЦѢ ВЪ 1263 ГОДУ.

Ночь на дворѣ, и морозъ.
Мѣсяцъ—два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца вкругъ него...
По небу словно идетъ торжество;
Въ кельѣ-жъ игуменской—зрѣлище скорби и слезъ...
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ;
Тихо игуменъ предъ нимъ на молитвѣ стоитъ;
Тихо бояре стоятъ по угламъ;
Тихъ и недвижимъ лежитъ, головой къ образамъ,
Князь Александръ, черной схимой покрытъ...
Страшнаго часа всѣ ждутъ: нѣтъ надежды, ужъ нѣтъ!
Слышится въ кельѣ порой лишь болящаго бредъ.
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Сонъ-ли проходитъ предъ нимъ, иль видѣній таинственныхъ цѣпь —
Видитъ онъ—степь, безпредѣльная, бурая степь...
Войлокъ разостланъ на выжженой солнцемъ землѣ.
Видитъ: отецъ! Смертный потъ на челѣ,
Весь изможденъ онъ, и блѣденъ, и слабъ...
Шелъ изъ орды онъ, какъ данникъ, какъ рабъ...
Въ сердцѣ, знать, силъ не хватило обиду стерпѣть...
И простоналъ Александръ: „Такъ и мнѣ умереть“...
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Видитъ—шатеръ, дорогой, златотканный шатеръ...
Тронъ золотой на пурпурный поставленъ коверъ...
Ханъ возсѣдаетъ средь тысячи мурзъ и князей...
Князь Михаилъ *) предъ ставкой стоитъ у дверей...
Подняты копья надъ княжеской свѣтлой главой...
Молятъ бояре горячей мольбой...
„Не поклонюсь истуканамъ во вѣкъ“,—онъ твердитъ...
Мигъ—и поверженъ во прахъ онъ лежитъ...
Топчутъ ногами и копьями колютъ его...
Ханъ, изумленный, глядитъ изъ шатра своего...
Князь отвернулся со стономъ и, очи закрывъ,—
„Я-жъ“, говоритъ, „поклонился болванамъ, чрезъ огонь я прошелъ,
Жизнь я святому вѣнцу предпочелъ“...
Но—на Спасителя взоръ устремивъ:
„Боже! Ты знаешь—не ради себя—
Многострадальный народъ свой лишь паче души возлюбя!..“
Слышатъ бояре и шепчутъ, крестясь:
„Грѣхъ твой, кормилецъ, на насъ!“
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...

*) Михаилъ Черниговскій.

Снится ему Ярославовъ въ Новгородѣ дворъ...
Въ шумной толпѣ и мятежъ, и раздоръ...
Всѣ собралися концы и шумятъ...
„Всѣ постоимъ за святую Софію!—вопятъ—
Дань ей несутъ отъ Югорской земли до Ганзы...
Нѣмцамъ и шведамъ страшнѣй нѣтъ грозы...
Самъ ты водилъ насъ, и—Биргеръ твое
Помнитъ досель на лицѣ, чай, копье!..
Рыцари,—памятенъ имъ пооттаявшій ледъ!..
Конница словно какъ въ морѣ лежитъ кровяномъ!..
Бейте, колите, берите живьемъ
Лживый, коварный, пришельческій родъ!..
Намъ-ли баскаковъ пустить
Грабить казну; на правежъ насъ водить?
Злата и серебра горы у насъ въ погребахъ,—
Намъ-ли валяться у хана въ ногахъ!
Бей ихъ, руби ихъ, баскаковъ поганыхъ, татаръ!,.“
И разлилася рѣка, взволновался пожаръ...
Князь приподнялся на ложѣ своемъ;
Очи сверкнули огнемъ,
Грозно сверкнули всѣмъ гнѣвомъ высокой души—
Крикнулъ: „Эй, вы, торгаши!
Богъ на всю землю послалъ злую мзду.
Вы-ли одни не хотите Его покориться суду?
Ломятся тьмами ордынцы на Русь—я себя не щажу—
Я лишь одинъ на плечахъ ихъ держу!..
Бремя нести—такъ всѣмъ міромъ нести!
Дружно, что боръ вѣковой, подыматься, расти,
Вѣруя въ чаянье лучшихъ временъ,—
Все лишь въ конецъ претерпѣвый—спасенъ!..“
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Тьма, что завѣса, раздвинулась вдругъ передъ нимъ...
Видитъ онъ: облитый словно лучемъ золотымъ,
Берегъ Невы, гдѣ разилъ онъ врага...
Вдругъ возникаетъ тамъ городъ... *) Народомъ кишатъ берега...
Флагами вѣютъ цвѣтными кругомъ корабли...
Громъ раздается; корабль показался вдали...
Правитъ имъ кормчій съ открытымъ высокимъ челомъ...
Кормчаго всѣ называютъ царемъ... **)
Гробъ съ корабля поднимаютъ, ко храму несутъ,
Звонъ раздается, священные гимны поютъ...
Крышку открыли... Царь что-то толпѣ говоритъ...
Вотъ—предъ гробомъ земные поклоны творитъ...

---

*) Петербургъ.
**) Петръ I.

Слѣдомъ—всѣ люди идутъ приложиться къ мощамъ...
Въ гробѣ-же—князь видитъ—онъ самъ...
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвиженъ лежитъ...
Словно какъ свѣтъ надъ его просіялъ головой,
Чудной лицо озарилось красой.
Тихо игуменъ къ нему подошелъ и дрожащей рукой
Сердце ощупалъ его и чело—
И, зарыдавъ, возгласилъ: „Наше солнце зашло!“

№ 35. ЮРЬЕВЪ. *Даніилъ Галицкій.*

Покинулъ свой Галичъ Данило.
И ѣдетъ въ орду на поклонъ.
Подарки и хану и ханшѣ
Везетъ драгоцѣнные онъ.
Давно всѣ князья поклонились
Врагу православной земли,—
Княжое чело осквернили
Въ поганой ордынской пыли.
Пришло и ему напослѣдокъ
Склониться предъ грозной ордой,—
Къ борьбѣ не готовъ еще Галичъ,
А ханъ угрожаетъ войной.
Князь ѣдетъ безбрежною степью:
Не слышно копыта въ травѣ...
И дума, глубокая дума
Засѣла въ его головѣ.
„Не нуженъ мнѣ санъ королевскій,—
Корона отъ папы нужна,—
За насъ на враговъ всемогущихъ
Подыметъ весь Западъ она.
И Венгровъ, и Нѣмцевъ, и Франковъ—
Всѣхъ папское слово сберетъ,—
Не даромъ-же эта корона
Надъ русской главою блеснетъ?
И грозно подымется Галичъ
За Русскую землю тогда,
И въ битвѣ великой погибнетъ
Надменная, злая орда.
Порвутся тяжелыя цѣпи,—
Мы братьямъ свободу дадимъ,
И дружно единой семьею
Сберемся подъ стягомъ роднымъ.
Довольно намъ княжьихъ раздоровъ,
Продавшихъ Россію врагамъ!
Довольно враги насъ терзали!
И брали всю Русь по частямъ!
Да будетъ Россія единой,
Какъ быть ей сначала должно...
Мой Галичъ не тронутъ врагами,—
Ему всѣхъ собрать суждено.
Поѣду я къ грозному хану,
Приму нашъ послѣдній позоръ,
Чтобъ послѣ готовить спокойно
Татарамъ жестокій отпоръ.
Я выстрою всюду твердыни,
Чтобъ ярости дикой полна,
Разбилась объ русскія скалы
Татарскаго моря волна.
И только она разобьется
И въ степи навѣки уйдетъ,—
Возстанетъ изъ праха и пепла
Великій свободный народъ.
Довольно раздоровъ! Довольно
Лилась у насъ братская кровь!
Пусть царствовать будетъ отнынѣ
Лишь правда, да міръ, да любовь!..
Надменныхъ князей и корыстныхъ,
Готовыхъ къ раздорамъ лихимъ
Мы общимъ соборомъ навѣки
Смиримъ и удѣловъ лишимъ“.
Такъ думалъ Данило Романычъ,
Въ орду направляя свой путь,
И радостной, свѣтлой улыбкой
Лицо озарилось чуть-чуть.
За княземъ спѣшила дружина,
За нею подарки везли...
А въ Галичѣ толки иные
Въ ту пору бояре вели.

Сошлись они тайно въ свѣтлицѣ
И сѣли, ликуя за столъ;
Пьютъ вина они и смѣются:
—Погибнетъ въ ордѣ нашъ орелъ!
И судятъ, и рядятъ бояре,
Кому бы имъ Галичъ продать?
Данило, вишь, солонъ пришелся;
Не любитъ имъ волю давать!
—Не любитъ бояръ! Всѣ заботы
О смердахъ, простыхъ мужикахъ!

И что онъ за князь: воеводамъ
Нажиться не дастъ въ городахъ!
Трясется надъ каждою гривной,—
Нужны ему стѣны да рвы!
Посмотримъ, что будетъ съ Данилой?
Ему не снести головы!..
И громко идутъ у нихъ толки:
Кто ляховъ, кто венгровъ зоветъ,
Кто нѣмцамъ, а кто и татарамъ
И Галичъ, и Русь продаетъ.

№ 36. *Навроцкій.* ПРЕДСКАЗАНІЕ.

На высокомъ холмѣ, во дремучемъ бору,
Надъ Москвою-рѣкою въ былую пору
Жилъ отшельникъ святой; въ тихой кельѣ своей
Онъ молился за Русь, онъ печалился съ ней.
Въ тѣ поры ей съ Востока грозила бѣда:
Надвигалась татаръ злочестивыхъ орда;
Все губила она и все жгла за собой
И полономъ грозила всей Руси родной.
Горячо со слезами отшельникъ молилъ,
Чтобъ Господь благодати своей не лишилъ,
Чтобы спасъ Онъ всю Русь отъ нашествія тѣхъ,
Кто дѣтей не щадилъ для кровавыхъ потѣхъ,
Кто болвановъ нѣмыхъ, какъ боговъ своихъ, чтилъ,
Кто всю Русь въ царство вдовъ и сиротъ обратилъ.
На молитвѣ ночной старецъ долго стоялъ.
Вдругъ всю келью его яркій свѣтъ осіялъ,
И предсталъ передъ нимъ свѣтозарный посолъ:
Съ благодатью великой онъ къ старцу пришелъ.
—„Миръ Господень,—онъ рекъ,—днесь да будетъ съ тобой;
Долетѣлъ до Творца стонъ молитвенный твой:
Не печалься, не плачь, не томися за Русь,—
На дорогѣ ея я всегда нахожусь.
Ей великій удѣлъ на землѣ положенъ,
Ею подвигъ любви будетъ въ мірѣ свершенъ,
Но подъ гнетомъ веригъ суждено ей итти
По тернистому, полному скорби, пути.
Моремъ крови и слезъ освятится она,
Вѣрой въ Бога, въ любовь безгранично полна.
Тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ твой убогій пріютъ,
Тамъ, когда твои грѣшныя кости сгніютъ,
Тамъ—смотри!..“ И съ небесъ благодатный посолъ
Передъ ликомъ его своей дланью провелъ,
Очи духа открылъ и въ картинѣ одной
Весь удѣлъ показалъ ему Руси родной.
Умилился старикъ, возвелъ очи свои
И промолвилъ: „Господь, пути правы Твои!
Ты кого возлюбилъ,—испытуешь и бьешь,
И ко благу тяжелой дорогой ведешь.
Очищай ее, Боже, въ горнилѣ борьбы,
Чтобъ достойно она, въ часъ грядущей судьбы,
Свой исполнила долгъ. Не печалюся я,—
Да исполнится воля благая Твоя“.

№ 37. *Глинка.* МОСКВА.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ...
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!
Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развитъ,
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ!
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Выростаютъ дерева,
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ:
Это—матушка-Москва!
Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана-звонаря?
Кто Царь-Колоколъ подыметъ?
Кто Царь-Пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?
Ты не гнула крѣпкой выи
Къ бѣдовой своей судьбѣ,—
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ?
Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!
И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!
Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный, градъ сердечный
Коренной Россіи градъ!

№ 38. ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ.

Народная пѣсня.

А и дѣялось въ ордѣ,
Передѣялось въ большой,
На стулѣ золотѣ,
На рдѣтомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ.
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ:
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича,—
За то не пожаловалъ, —
Его дома не случилося.
Уѣзжалъ-то младъ - Щелканъ
Въ дальную землю литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ младъ-Щелканъ
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сто рублевъ,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ;
У котораго денегъ нѣтъ—

У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,—
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,—
Того самого головой возьметъ.
Вывезъ младъ-Щелканъ
Дани-выходы,
Царскія невыплаты;
Вывелъ младъ-Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ—цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота:
Она тѣмъ узда дорога—
Царское жалованье,
Государево Величество,
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять
И друга дарить,
Щелкана Дудентьевича.
Проговоритъ младъ-Щелканъ
Младъ Дудентьевичъ:
— Гой еси, царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ!
Пожаловалъ ты молодцовъ
Любимыхъ шуриновъ,
Двухъ удалыхъ Борисовичевъ:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Пожалуй ты, царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи.
Проговоритъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
— Гой еси, шуринъ мой,
Щелканъ Дудентьевичъ!
Заколитъ-ко ты сына своего,
Сына любимаго,
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячія;
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи.
Въ та поры младъ-Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія,
Выпилъ чашу тоя крови горячія,—
И въ та поры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи.
И въ тѣ поры младъ-Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А немного онъ судьею сидѣлъ:
И вдовы-то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,—
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли съ честными подарками—
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Въ та поры младъ-Щелканъ—
Зачванился онъ, загордился,
И они съ нимъ раздорили:
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой—за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося.

№ 39. *Рылѣевъ.* МИХАИЛЪ ТВЕРСКОЙ.

За Узбекомъ вслѣдъ влекомый
Кавгадыемъ, Михаилъ
Въ край чужой и незнакомый
Съ сыномъ-юношей вступилъ.
Мчался Терекъ быстрымъ бѣгомъ
Межъ нависшихъ береговъ;
Зрѣлись горъ хребты подъ снѣгомъ
Изъ-за синихъ облаковъ.

Станъ Узбековъ за рѣкою,
На степи въ глуши пестрѣлъ;
Всюду воины толпою;
Всюду гулъ глухой шумѣлъ.
Ветхимъ рубищемъ покрытый,
Съ мрачной грустію въ груди,
Князь-страдалецъ знаменитый
Сѣлъ въ цѣпяхъ на площади.

Несчастливца обступили
Любопытные толпой.
—Это князь былъ,—говорили
И качали головой:
Онъ обширными странами,
Какъ Узбекъ нашъ, обладалъ;
Онъ съ отважными полками
Кавгадыя поражалъ.

Въ рѣчи вслушавшись чужія,
Загрустилъ сильнѣе князь;
Вспомнилъ славу, и впервые
Слезы брызнули изъ глазъ.
„До какого униженья,—
Онъ мечталъ потупя взоръ,—
Довели насъ заблужденья
И погибельный раздоръ!

Тѣ, которыхъ трепетали
Хитрый грекъ и храбрый ляхъ,
Нынѣ вдругъ рабами стали
И предъ ханомъ пали въ прахъ!
Я любилъ страну родную
И пылалъ разрушить въ ней
Нашихъ бѣдъ вину прямую—
Распри злобныя князей.

О, Георгій, ты виною,—
Ты одинъ всему виной,
Если кровь сограждан мною
Пролита въ странѣ родной!
Ты на дядю поднялъ длани;
Ты въ душѣ былъ столь жестокъ,
Что на Русь всю лютость брани
И татаръ толпы навлекъ!

Смерть свою давно предвижу;
Для побѣга други есть,
Но побѣгомъ не унижу
Незапятнанную честь!
Такъ, правъ чести не нарушу!
Пусть мой врагъ, гонитель мой,
Насыщаетъ въ злобѣ душу
Лютымъ мщеньемъ надо мной.

Пусть вымаливаетъ казни!
Твердъ и правъ въ душѣ своей,
Смерть я встрѣчу безъ боязни,
Какъ въ бояхъ встрѣчался съ ней.
Не хочу своимъ спасеньемъ
На родимый край привлечь
Кавгадыя съ лютымъ мщеньемъ
И Узбека грозный мечъ!..“

Подкрѣпленный сею думой,
Приподнялся Михаилъ
И, спокойный, но угрюмый,
Тихо въ свой шатеръ вступилъ
Кавгадыемъ обольщенный,
Между тѣмъ младой Узбекъ,
Въ сердцѣ трепетный, смущенный,
Смерть невинному изрекъ...

Ужъ Георгій съ палачами
И коварный другъ царя
Шли поспѣшными шагами
Къ жертвѣ, злобою горя...
Предъ иконою святою
Михаилъ псаломъ читалъ;
Вдругъ съ той вѣстью роковою
Отрокъ княжескій вбѣжалъ...

Вслѣдъ за нимъ убійцы съ крикомъ
Ворвались въ густыхъ толпахъ:
Блещетъ гнѣвъ во взорѣ дикомъ,
Злоба алчная въ чертахъ...

Ворвалися—и напали...
Какъ гроза въ глухой ночи,
Надъ упавшимъ засверкали
Ятаганы и мечи...

Кровь изъ язвъ лилась струею...
И пробилъ его конецъ:
Сердце хладною рукою
Вырвалъ дикій Романецъ.
Князь скончался жертвой мщенья
Съ той поры онъ всюду чтимъ:
Михаила за мученья
Церковь празднуетъ святымъ.
. . . .

№ 40. *Навроцкій.* ИГУМЕНЪ ВСЕЯ РУСИ [1]).

Въ дальней степи, на поляхъ, за Непрядвою,
Русская сила грядетъ,
Русскую рать князь Дмитрій Ивановичъ
На супостата ведетъ.
Всѣ, кто рѣшился слиться въ единую
Силу на битву съ врагомъ,
Всѣ подъ единой хоругвью сплотилися
Въ храбромъ порывѣ одномъ.
Рать необъятная, силой могучая,
Вѣрой согрѣта святой,
Дружно клялась биться всѣмъ до послѣдняго,
Русь заслоняя собой.
Но и Татаръ была сила не малая:
Тучи собралъ ихъ Мамай,
Весь ополчился на Русь подъяремную
Ханства татарскаго край.
Палъ въ поединкѣ, сразивъ и Татарина,
Инокъ сѣдой Пересвѣтъ,
Палъ не въ желѣзную броню закованный,
Въ схиму святую одѣтъ.
И возгорѣлася битва ужасная,
Съ тучами копій и стрѣлъ,
Съ криками, съ воплями, съ смертными стонами
Тѣхъ, чей былъ смерти удѣлъ.
Падали сотнями, падали тысячей
Въ боѣ кровавомъ борцы,
Падали, вѣруя въ волю Господнюю,
Русскихъ дружинъ удальцы.
Помнили всѣ, какъ игуменъ имъ Троицкій
Вѣщимъ глаголомъ предрекъ,
Что истекаетъ, по милости Господа,
Ига татарскаго срокъ.
Битва кипитъ, а средь лѣса дремучаго,
Въ нѣдрахъ песковъ и болотъ,
Въ храмѣ убогомъ обители Троицкой
Служба иная идетъ.
Служба церковная, иноки въ сборищѣ,
Сергій святой впереди
Передъ вратами алтарными молится
Съ вѣрой могучей въ груди.
Молится долго и въ ясномъ видѣніи
Окомъ духовнымъ своимъ
Видитъ всю битву, весь бой представляется
Словно во-очью предъ нимъ.
Молится... вдругъ, осѣнясь крестнымъ знаменьемъ,
Имя порой возгласитъ
Падшаго витязя, князя, боярина,
Кто въ яромъ боѣ убитъ.
Провозгласитъ—и грѣховъ отпущеніе
Молитъ у Бога ему;
Вѣчную память загробную иноки
Провозглашаютъ тому.
Молятся иноки. Ночь надвигается.
Въ чащѣ лѣсной темнота.
Но ни усталость, ни скорбь, ни томленіе
Ихъ не смыкаютъ уста.
Сергій-игуменъ, склонившися до земли,
Вдругъ передъ Господомъ ницъ

[1]) Лѣтописцы называютъ пр. Сергія „Игуменомъ всея Руси“, такъ какъ имъ и его учениками было основано болѣе 70 монастырей.

Палъ со слезами, со стономъ молитвеннымъ,
Съ пыломъ души безъ границъ.
Долго молился... затѣмъ въ умиленіи
Руки онъ къ небу воздѣлъ
И славословье побѣдное Господу
Самъ громогласно запѣлъ.
Дружно запѣли, охвачены радостью,
Иноки-братья за нимъ,
Чуя, что старецъ прозрѣлъ одолѣніе
Духомъ блаженнымъ своимъ.
Общая радость была тогда русская,
Ратниковъ, кто уцѣлѣлъ,
Иноковъ скромной далекой обители,
Чей былъ молитвы удѣлъ.
Всѣхъ, передъ страшной, рѣшительной битвою,
Сергій, игуменъ святой,
Жаркій предъ Господомъ-Богомъ молитвенникъ,
Свѣточъ великій родной,
Всѣхъ, отъ князей до послѣдняго ратника,
Русскихъ крещеныхъ людей
Объединилъ онъ надеждой побѣдною
Силой духовной своей.

№ 41. *Голенищевъ Кутузовъ.* МАМАЕВО ПОБОИЩЕ.

Въ широкомъ привольѣ заволожскихъ степей
Собралось, къ набѣгу готово,
Татарское войско, и въ ставкѣ своей
Мамай собираетъ ордынскихъ вождей,
Къ нимъ гордое держитъ онъ слово:
„Москва позабыла Батыевы дни;
Князья ея дерзки и смѣлы,
Пусть нынѣ извѣдаютъ снова они,
Сколь мѣтки татарскія стрѣлы!
Селенія, веси и грады ихъ вновь,
Сожженные, въ прахъ обратятся;
Польется потоками русская кровь,
Предъ ханомъ рабы да смирятся.
Да снова съ повинной придутъ головой,
Придутъ, побѣжденные въ брани,
Въ орду на поклонъ, волоча за собой
Дары и обильныя дани!“
И слово Мамая по стану, какъ громъ,
Раскатомъ могучимъ катится;
Подъемлетъ несмѣтныя рати кругомъ
И, ихъ обгоняя въ просторѣ степномъ,
Къ Москвѣ грознымъ вызовомъ мчится.
Подъ тяжкою дланью пришельца-врага
Москвѣ преклониться негоже.
На вызовъ отвѣтная рѣчь не долга:
„Кровь вѣрныхъ сыновъ для Руси дорога,
Но воля и честь ей дороже!“
И шлетъ князь московскій Димитрій гонцовъ
Къ князьямъ, воеводамъ, боярамъ;
И дружно отвсюду на княжескій зовъ
Стекается много дружинъ и полковъ:
„Служить не хотимъ, молъ, Татарамъ!
Позорно нести намъ на крѣпкихъ плечахъ
Яремъ иноземнаго гнета;
Давно на Руси, на земляхъ и водахъ,
Въ дремучихъ дубравахъ и чистыхъ поляхъ
Намъ быть господами охота!
Подъ стягомъ Христовымъ мы выйдемъ на бой;
Побѣда во власти Господней;
Но срамно предъ силой склоняться чужой,
А въ битвѣ за родину лечь головой
Честнѣе и Богу угоднѣй“.
Такъ мыслитъ Димитрій, такъ мыслятъ князья,—
За Русь умереть всѣ согласны
И, знаменемъ крестнымъ чело осѣня,
Садится предъ войскомъ своимъ на коня
Димитрій, веселый и ясный.
Выходятъ полки изъ кремлевскихъ воротъ;
Хоругви, кресты и иконы
Бойцовъ провожаютъ въ далекій походъ.—

И ждетъ ужъ вѣстей о побѣдѣ народъ,
И молятся старцы и жены.
Межъ тѣмъ какъ впередъ, развернувъ знамена
Грядетъ боевая дружина,
Растетъ, прибываетъ, какъ въ морѣ волна,
И вотъ передъ нею вдали ужъ видна
Широкаго Дона равнина.
И князь черезъ Донъ перебраться спѣшитъ,
Дружину свою ободряя:
Впередъ онъ глядитъ и молитву творитъ,—
За Дономъ на рѣчкѣ Непрядвѣ стоитъ
Несмѣтное войско Мамая.
Москвы и Орды—двухъ враждующихъ силъ—
Близка неизбѣжная встрѣча.
Лучъ ранняго солнца поля освѣтилъ,
Проснулося утро,—и часъ наступилъ,
И грянула славная сѣча!
На Русскихъ, какъ коршунъ, Мамай налетѣлъ:
Поднялись стенанья и клики,
Затмилося солнце отъ вражескихъ стрѣлъ,
И поле покрылося грудами тѣлъ,
И бой разгорѣлся великій.
Враговъ разъяренныхъ смѣшались ряды:
Гремѣли лихіе удары,
Сверкали доспѣхи, шеломы, щиты;
На стягахъ московскихъ сіяли кресты,—
Къ тѣмъ стягамъ рвалися Татары.
И близко ужъ были; но часъ роковой
Пробилъ; понеслись изъ засады
Ряды свѣжихъ войскъ и побѣдной волной
Смущенныхъ погнали Татаръ предъ собой,
Рубя бѣглецовъ безъ пощады.
И въ ужасѣ дикомъ Мамай увидалъ
Силъ грозныхъ своихъ пораженье.
И съ браннаго поля со срамомъ бѣжалъ,—
Богъ русскому войску побѣду послалъ,
Послалъ на враговъ одолѣнье.
Съ тѣхъ поръ пронеслося полтысячи лѣтъ,
На зло иноземной гордынѣ,
Русь много другихъ одержала побѣдъ,
Но равныхъ побѣдѣ великой той нѣтъ,—
Гремитъ ея слава донынѣ...
Затѣмъ, что впервые сказалась въ тотъ часъ
Народная русская сила,—
Та сила, что грозно потомъ разрослась,
Громила Востокъ и Закатъ и не разъ
Къ Царьграда вратамъ подходила.
Пусть ворогъ завистливо чуткой душой
Ту силу познаетъ и цѣнитъ!
Стоитъ она крѣпкой и вѣрной стѣной,
Въ ней русская слава, и мощь, и покой,—
Она намъ и впредь не измѣнитъ!

№ 42. *Рылѣевъ.* ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

Доколь намъ, други, предъ тираномъ
Склонять покорную главу
И заодно съ презрѣннымъ ханомъ
Позорить сильную Москву?
Не намъ, не намъ страшиться битвы
Съ толпами грозными враговъ:
За насъ и Сергія молитвы,
И прахъ замученныхъ отцовъ!
Летимъ—и возвратимъ народу
Залогъ блаженства чуждыхъ странъ:
Святую праотцевъ свободу
И древнія права гражданъ.
Туда—за Донъ! Настало время!
Надежда наша—Богъ и мечъ!
Сразимъ монголовъ и, какъ бремя,
Ярмо Мамая сбросимъ съ плечъ!

Такъ Дмитрій рать обозрѣвая,
Красуясь на конѣ, гремѣлъ,
И, въ помощь Бога призывая,
Перуномъ грознымъ полетѣлъ...
Къ врагамъ! За Донъ! вскричали войски:
За вольность, правду и законъ!
И повторяя кликъ геройскій,
За княземъ кинулись на Донъ.

Несутся, полные отваги,
Волнъ упреждаютъ быстрый бѣгъ;
Летятъ какъ соколы,—и стяги
Противный осѣнили брегъ.
Мгновенно солце озарило
Равнину и брега рѣки
И взору вдалекѣ открыло
Татаръ несмѣтные полки.

Луга, равнины, долы, горы
Толпами пестрыми кипятъ;
Всѣхъ силъ объять не могутъ взоры...
Повсюду бердыши блестятъ,
Идутъ, какъ мрачныя дубравы,
И вторитъ степи гулъ глухой.
Идутъ... Тамъ ханъ, здѣсь чада славы,—
И закипѣлъ кровавый бой.

„Богъ намъ прибѣжище и сила!“
Рекъ Дмитрій на челѣ полковъ:
„Умремъ, когда судьба судила!“
И первый грянулъ на враговъ,
Кровь хлынула, и тучи пыли,
Поднявшись вихремъ къ небесамъ,
Свѣтило дня отъ глазъ сокрыли,
И мракъ простерся по полямъ.

Повсюду хлещетъ кровь ручьями;
Зеленый побагровѣлъ долъ:
Тамъ русскій пораженъ врагами,
Здѣсь палъ растоптанный монголъ;
Тамъ слышенъ копій трескъ и звуки,
Тамъ сокрушился мечъ о мечъ;
Летятъ отсѣченныя руки,
И головы катятся съ плечъ.

А тамъ, подъ тѣнію кургана,
Презрѣвшій славу, санъ и свѣтъ,
Лежитъ, низвергнувъ великана,
Отважный инокъ Пересвѣтъ;
Тамъ Бѣлозерскій князь и чада,
Достойныя его любви,
И окрестъ ихъ татаръ громада,
Въ своей потопшая крови,

Ужъ многіе изъ храбрыхъ пали,
Великодушный сонмъ рѣдѣлъ;
Уже враги одолѣвали,
Татаринъ дикій свирѣпѣлъ;
Къ концу склонился бой кровавый,
И черный стягъ былъ пасть готовъ;
Какъ вдругъ орломъ изъ-за дубравы
Волынскій грянулъ на враговъ.

Враги смѣшались... Отъ кургана
Промчалось: „Силенъ русскій Богъ!“
И побѣжала рать тирана,
И сокрушенъ гордыни рогъ!..
Промчался ханъ въ глухія степи,
За нимъ шумящимъ враномъ страхъ;
Расторгнулъ русскій рабства цѣпи
И сталъ на вражескихъ костяхъ.

Но кто тамъ блѣденъ, близъ дубравы,
Обрызганъ кровію лежитъ?
Что зрю... Первоначальникъ славы,
Димитрій раненъ... Страшный видъ!..
Уже ль изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей.
Но вотъ къ стенящему герою
Притекъ сонмъ воевъ и князей.

Вотъ, преклонивъ трофеи брани,
Гласятъ: „Ты побѣдилъ, возстань!
И князь, воздѣвши къ небу длани:
„Великъ насъ ополчившій въ брань!
Великъ“ речетъ:—Къ нему молитвы
Онъ Сергія услышалъ гласъ.
Ему вся слава грозной битвы!
Онъ, Онъ одинъ прославилъ насъ“!

№ 43. *Майковъ.* МОСКВА ТРЕТІЙ — РИМЪ.

Съ мала ключика студена потекла рѣка;
Съ невелика зачиналась каменна Москва,
Наѣзжали тутъ князья тѣшиться,
По темнымъ лѣсамъ кабана ловить,

Въ тихихъ заводяхъ лебедей стрѣлять.
Гой, не туча въ синемъ небѣ растилается:
Злы Татары, валъ за валомъ, по Руси валятъ...
Не видать въ дыму красна солнышка,

Стономъ стонъ стоитъ по лицу земли,
Гдѣ не бьютъ людей, гонятъ полоны...
Полонянннички идутъ, другъ друга спрашиваютъ:
„Изъ которой веси ты, какого города“?

„Я изъ Кіева—изъ Чернигова—
Я изъ Суздаля—изъ Владиміра—
Ты прости навѣкъ, милъ родимый градъ!“
Ты ли, Господи, въ конецъ на Русь прогнѣвался!

Ни пощады ей не будетъ, ни спасенія?..
Въ людяхъ рознь идетъ, въ князьяхъ которы,
Гдѣ ни глянь кругомъ—темна ночь лежитъ,
Темна ночь лежитъ, непроглядная...

То не звѣздочка
Засвѣтилася
Въ непроглядной тьмѣ;
То зажглась свѣча

Воску яраго
Въ каменной Москвѣ;
Зажигалъ ее
Тамъ святитель Петръ

Да Московскій князь...
Запримѣтили
Люди русскіе
Съ далека ее;

Ободрилися,
На нее глядятъ...
Богу молятся...
А она горитъ,

Разгорается,
Свѣтитъ всей Руси;
А московскій князь
Возвышается,

Думу думаетъ
Думу думаетъ;
Дѣло дѣлаетъ
Не торопится.

Часъ ударилъ жданный, радостный!
Колокольный звонъ по всей Руси.
И молебны по церквамъ поютъ!
И по всей землѣ веселіе!

Словно мутны воды вешнія,
Золота орда растаяла,
Отъ святой Руси отхлынула.
Пронеслися тучи черныя,

Вышло солнце изъ-за черныхъ тучъ:
Засвѣтился имъ Московскій Кремль,
Золотыя церквей маковки,
А въ палатѣ узорочатой

Всѣхъ свѣтлѣй сидитъ и радостнѣй
На престолѣ самъ московскій князь,
Самодержецъ всея Русіи,
А не ханскій уже даншичекъ:

Его ноженькой растоптана
Басма ханская, тутъ валяется,
И бѣгутъ съ метлою конюхи
Выметать ее на задній дворъ.

Ужъ какъ изъ лѣса, лѣса темнаго
Богатырь выѣзжалъ въ поле чистое,
Въ поле чистое, во великій свѣтъ.
Погулять ему-бъ, да потѣшится,

Силой-удалью похвалитися...
Да какъ вышелъ онъ во великій свѣтъ,
Увидали его люди Божіи
Ото всея страны отъ восточныя,

И взмолилися, громко плачутся:
„Одолѣли насъ силы темныя!
Церкви Божіи у насъ всѣ поруганы,
Наши царства всѣ ниспровергнуты,

Царство Сербское и Иверское,
И Болгарское, и великъ-престолъ
Константинова Царя-города!
Ты для всѣхъ теперь для
восточныхъ странъ,—

Что звѣзда взошла Виѳлеемская,
Во своей святой каменной Москвѣ!
Возлюбилъ тебя, избралъ
Господь,—
Повязать тебѣ Константиновъ мечъ

И вѣнчаться вѣнцомъ
Мономаховымъ,
Сирыхъ быть тебѣ да защитникомъ,
Поплѣненныхъ быть избавителемъ,
Вѣры правыя быть поборникомъ!

О Москвѣ-жъ твоей се пророчество:
„Пали два Рима,—третій стоитъ,
А четвертому не быть".

№ 44. *Брюсовъ.* О ПОСЛѢДНЕМЪ РЯЗАНСКОМЪ КНЯЗѢ ИВАНѢ ИВАНОВИЧѢ.

Ой, вы, струночки,—многозвончаты.
Балалаечка,—многознаечка,

Ужъ ты спой намъ весело
Свою пѣсенку.
Спой намъ нонче ты, нонче ты...

Какъ рязанскій князь подъ замкомъ си-
дитъ,
Подъ замкомъ сидитъ, на Москву глядитъ,
Думу думаетъ, вспоминаетъ онъ,
Какъ людьми московскими безъ вины
полоненъ,
Какъ по улицамъ его вели давеча,
Природнаго князя Святославича,
Какъ глядѣлъ на него московскій народъ,
Провожалъ, смѣясь, отъ калужскихъ во-
ротъ.

А ему, князю, подобаетъ честь:
Въ старшинствѣ своемъ на златъ столъ
возсѣсть
Вотъ въ вѣнцѣ онъ горитъ, а кругомъ—
лучи.

Поклоняются князья—Мономаховичи.
Но и тѣхъ любитъ всей душой онъ радъ,
Въ племени Рюрика всѣмъ старшій братъ.

Вотъ онъ кликнетъ кличъ, кто горазд҃ъ
воевать!

На конѣ онъ самъ поведетъ свою рать
На Свею, на Литву, на поганый Крымъ...
А не хочетъ кто, отъѣзжай къ другимъ!
Споютъ гусляры про славную брань,
Потѣшатъ, прославятъ древнюю Рязань.

Но кругомъ темно—тишина,—
За рѣшеткой въ окно Москва видна,
Не услышитъ никто удалый кличъ,
За замкомъ сидитъ послѣдній Ольго-
вичъ,
Поведутъ его, жди, среди воровъ
На злую казнь на кремлевскій ровъ.
Ой, вы струночки,—многозвончаты.
Ой, подруженька,—многознаечка.
Спой намъ нонче ты... Спой намъ нонче ты,
Балалаечка.

№ 45. *Губеръ.* НОВГОРОДЪ.

Время пролетѣло,
Слава прожита;
Вѣче онѣмѣло,
Слава отнята.

Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ,
Новгородъ великій
Тихо опочилъ.

Вольницу избили,
Золото свезли,
Вѣче распустили,
Колоколъ снесли.
Порѣшили дѣло—
Все кругомъ молчитъ;
Только Волховъ смѣло
О быломъ шумитъ.

Бѣлой плачетъ кровью
О былыхъ бояхъ
И поетъ съ любовью
О свободныхъ дняхъ.
Путникъ тихо внемлетъ
Пѣсни ярыхъ волнъ;
И опять задремлетъ,
Тайной думы полнъ.

№ 46. *Мея.* ПОСЛѢДНЕЕ ПРОЩАНІЕ.

Надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудитъ-поетъ колоколъ.
Для чего созываетъ онъ Новгородъ?
Не мѣняютъ-ли снова посадника?
Не волнуется-ль Чудь непокорная?
Не вломились-ли Шведы иль рыцари?
Иль не время-ли кликнуть охотниковъ
Взять неволей-иль волей съ Югоріи
Серебро и мѣха драгоцѣнные?
Не пришли-ли товары ганзейскіе?
Или снова послы саповитые
Отъ великаго князя Московскаго
За обильною данью пріѣхали?
Нѣтъ! Уныло гудитъ-поетъ колоколъ —
Поетъ тризну свободѣ печальную;
Поетъ пѣсню съ отчизной прощальную.
„Ты прости, родимый Новгородъ!
Не сзывать тебя на вѣче мнѣ,
Не гудѣть ужъ мнѣ попрежнему:
— Кто на Бога? Кто на Новгородъ?—
Вы простите храмы Божіи,
Терема мои дубовые!
Я пою для васъ въ послѣдній разъ,
Издаю для васъ прощальный звонъ.
Налети ты, буря грозная!
Вырви ты языкъ чугунный мой,
Ты разбей края мнѣ мѣдные,
Чтобъ не пѣтъ въ Москвѣ, далекой мнѣ.
Про мое ли горе-горькое,
Про мою ли участь слезную,
Чтобъ не тѣшить пѣснью грустною
Мнѣ царя Ивана въ теремѣ.

Ты прости, мой брат названный, буйный Волховъ мой, прости!
Безъ меня ты празднуй радость, безъ меня ты и грусти!
Пролетѣло это время... Не вернуть его ужъ намъ,
Какъ и радости и горе мы дѣлили пополамъ,
Какъ не разъ печальный звонъ мой ты волнами заглушалъ,
Какъ не разъ и ты подъ гулъ мой, буйный Волховъ мой, плясалъ!
Помню я, какъ подъ ладьями Ярослава ты шумѣлъ,
Какъ напутную молитву я волнамъ твоимъ гудѣлъ!
Помню я, какъ Боголюбскій побѣжалъ отъ нашихъ стѣнъ,
Какъ гремѣли мы съ тобою:—Смерть вамъ, Суздальцы, иль плѣнъ!—
Помню я: ты на Ижору Александра провожалъ;
Я моимъ хвалебнымъ звономъ побѣдителя встрѣчалъ.
Я гремѣлъ, бывало, звучный,—собирались молодцы;
И дрожали за товары иноземные купцы,
Нѣмцы рижскіе блѣднѣли, и, заслышавши меня,
Погонялъ Литовецъ дикій быстроногаго коня.
А я городъ, а я вольный звучнымъ голосомъ зову
То на Нѣмцевъ, то на Шведовъ, то на Чудь, то на Литву!
Да прошла пора святая; наступило время бѣдъ!
Если-бъ могъ—я-бъ растопился въ рѣкѣ мѣдныхъ слезъ—да нѣтъ
Я не ты, мой буйный Волховъ, я не плачу—я пою!
Промѣняетъ ли кто слезы и на пѣсню, на мою?..
Слушай! Нынче, старый другъ мой, по тебѣ я поплыву:
Царь Иванъ меня отвозитъ во враждебную Москву.
Собери скорѣй всѣ волны, всѣ валуны, всѣ струи!
Разнеси въ осколки, въ щепки ты московскія ладьи!
А меня на днѣ песчаномъ синихъ водъ твоихъ сокрой,
И звони въ меня почаще серебристою волной:
Можетъ быть, изъ водъ глубокихъ, вдругъ услыша голосъ мой,
И за вольность, и за вѣче встанетъ городъ нашъ родной“.

Надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудитъ-поетъ колоколъ.
Волховъ плещетъ, и бьется, и пѣнится
О ладьи москвитянъ острогрудыя;
А на чистой лазури, въ поднебесьи,
Главы храмовъ святыхъ бѣлокаменныхъ
Золотистыми слезками свѣтятся.

№ 47. *Розенгеймъ.* СТАРЫЙ ГОРОДЪ.

Разбитаго дуба обломанный пень,
Забытая слава, усопшая сила,
Могучаго прошлаго блѣдная тѣнь,
Великая земщины крѣпкой могила...

Теперь... безмятежно на мѣстѣ на томъ
Смиренный потомокъ живетъ прозябая;
Лишь славное имя осталось при немъ,
Лишь имя не стерли вѣка, пролетая.

И городъ потомокъ то имя хранитъ,
Въ дремотномъ покоѣ забывъ про былое,
И самъ позабытый, онъ, кажется, спитъ,
Окутанный въ саванъ свинцовый застоя.

И кто-жъ въ немъ узнаетъ тебя, Господинъ
Великій Новгородъ поры стародавней,
Обширнаго края былой властелинъ,
Развѣнченный старецъ когда-то державный.

Да, было когда-то... Кипѣла ключемъ
Народная жизнь здѣсь привольно, широко.
Былъ Новгородъ вольный; и знали о немъ,
И за моремъ славой гремѣлъ онъ далеко.

Чужіе народы, чужіе края
Союза и дружбы его добивались...
О, праотецъ Руси, гдѣ-жъ сила твоя,
Которою дѣти твои похвалялись...

Когда горделиво твой сынъ говорилъ:
Кто встанетъ на Бога? на Новградъ великій?!
Когда ты и шведа, и нѣмца громилъ
И бился побѣдно съ литвой полудикой?

И смѣло ватаги ушкуйныхъ твоихъ
Ходили за „камень“, на льдистое море,
Ясакъ собирая съ народовъ чужихъ
По Волгѣ, по Камѣ, по дальней Печорѣ?
Въ ту пору какъ Русь всю ордынецъ давилъ,
Одинъ, непричастный тяжелой той долѣ,
Ты съ общей отчизной невзгодъ не дѣлилъ
Одинъ въ ней не зналъ ты татарской неволи.

Такъ было... Но чудны Господни судьбы?..
Въ бѣдахъ закаленная Русь поднялась
И вышла побѣдно изъ тяжкой борьбы,
Сплотилась, окрѣпла и силъ набралась.

А ты... Ты въ ту пору средь внутреннихъ смутъ
Растрачивалъ силы; и вотъ надъ тобою
Два грозныхъ Ивана свершили свой судъ,
Свершили,—и палъ ты, какъ дубъ подъ грозою.

Зане въ роковой историческій мигъ,
Въ тотъ мигъ, какъ сбиралась вся Русь воедино,
Не стало въ ней мѣста уже для двоихъ,
И быть не могли ужъ въ ней два господина.

№ 48. *Случевскій.* НОВГОРОДСКОЕ ПОВѢРЬЕ.

Да, были казни надъ народомъ...
Уже шесть недѣль горятъ концы!
Назадъ въ Москву свою походомъ
Собрались царскіе стрѣльцы.

Смѣшитъ народъ оцѣпенѣлый
Иванъ епископа послалъ,
Чтобъ на кобылкѣ сидя бѣлой,
Онъ въ бубны билъ и забавлялъ.

И новгородцы, не переча,
Глядѣли блѣдною толпой,
Какъ мѣдный колоколъ съ ихъ вѣча
По волѣ царской снятъ долой.

Сіяетъ копій лѣсъ колючій,
Повозку царскую везутъ;
За нею колоколъ пѣвучій
На жердяхъ гнущихся несутъ.

Холмы и топи! Глушь лѣсная!
И ту размыло... Какъ тутъ быть?
И царь добравшись до Валдая,
Приказъ далъ: колоколъ разбить.

Разбили колоколъ, разбили!
Сгребли валдайцы мѣдный соръ,
И колокольчики отлили.
И отливаютъ до сихъ поръ.

И, быль старинную вѣщая,
Въ тиши степей, въ глуши лѣсной,
Тотъ колокольчикъ изнывая,
Гудитъ и бьется подъ дугой!

№ 49. *Розенгеймъ.* НЕЗАМЕРЗАЮЩАЯ ПОЛЫНЬЯ.

(Новгородская легенда).

Въ Новѣгородѣ великомъ
Есть на Волховѣ широкомъ
Мѣсто, что не замерзаетъ
Ни въ какой морозъ жестокій.

Не всегда такое диво
Въ Новѣгородѣ водилось;
Говорятъ, что диво это
Съ той поры лишь объявилось,

Какъ на Новгородъ великій,
За вину его немалу,
Царь Иванъ Васильичъ Грозный
Положилъ свою опалу;

Какъ съ опричной страшной ратью,
Потрудясь съ Москвы походомъ,
Свою отчину Новгородъ
Онъ пожаловалъ приходомъ:

Новгородскимъ чудотворцамъ
Помолиться, поклониться,
Съ новгородскою измѣной
Разсчитаться, расплатиться.

Лютъ во гнѣвѣ царь былъ грозный;
Но кромѣшная дружина
Не въ примѣръ была лютѣе
И свирѣпѣй властелина.

Ой, и было же въ ту пору
Въ Новѣгородѣ смятенье,—
Осудилъ его царь грозный
На погромъ и разоренье.

Ой, тяжелая година
Для Новогорода настала
Никогда на свѣтѣ солнце
Столько крови не видало:

Отъ посадника до смерда,
Отъ владыки до изгоя,—
Все опричнина губила
Безъ пощады, безъ отбоя.

Все, что слыло въ Новѣградѣ
Именитымъ, избивали,
А когда ужъ въ одиночку
Бить и рѣзать пріустали,

На мосту, между Софійской
И Торговой сторонами,
Собирали новгородцевъ
И долбили ихъ толпами.

И отъ той долбни великой
Кровью Волховъ покрывался,
И подъ той долбней жестокой
Вольный Новгородъ скончался.

Старыхъ буйныхъ новгородцевъ
Уходили, усмирили,—
Но съ тѣхъ поръ, въ томъ самомъ мѣстѣ,
Гдѣ толпами ихъ топили,

Никогда ужъ старый Волховъ—
Никогда не замерзаетъ,
Потому что кровь убитыхъ
Со дна къ Господу взываетъ.

№ 50. *Кольцовъ.* СТАРАЯ ПѢСНЯ.

Изъ лѣсовъ дремучихъ, сѣверныхъ
Поднялась не тучка темная,
А рать сильная, могучая,
Царя грознаго Московскаго.
Словно птица быстролетная
Пролетѣла море синее,—
Перешла такъ сила русская
Степь пустую, непроходную.
И пришла она, незваная,
Къ царству славному Казанскому,
Къ бусурману—хану лютому,
Къ недругу Руси заклятому.

И когда еще спитъ зорюшка,
А ужъ бьется Русь съ татариномъ,—
Стѣны крѣпкія разрушила,
И пошла гулять по городу.
Воеводы, рати храбрыя
Ѣздятъ, бьютъ татаръ по улицамъ,
А на башнѣ, съ русскимъ знаменемъ,
Юный царь стоитъ, какъ солнышко.

№ 51. ПОКОРЕНІЕ КАЗАНСКАГО ЦАРСТВА.

Народная пѣсня.

Среди было казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны палаты.
А изъ спальни, бѣлокаменной палаты,
Ото сна тутъ царица пробуждалася,
Пробуждалася царица Елена,
Симеону царю она сонъ разсказала:
— „А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
Что ночесь мнѣ, царицѣ, мало спалося,
Въ сновидѣньицѣ много видѣлося;
Какъ отъ сильнаго московскаго царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше вѣдь царство наплывала".

А изъ сильнаго московскаго царства,
Подымался великій князь московскій,
А Иванъ, сударь, Васильевичъ, Прозритель,
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками
Подходили подъ казанское царство,
За пятнадцать верстъ становились,
Становились они подкопью подъ Булатъ-рѣку,
Подходили подъ другую подъ рѣку—подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатили,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ казанское царство;
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ:
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣе.
Воспалился тутъ великій князь московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, Прозритель,
И зачалъ канонеровъ тутъ казнити,
Что началася отъ канонеровъ измѣна.

Что большій за меньшаго хоронился,
Отъ меньшаго ему, князю, отвѣту нѣту;
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
— „Ты, великій, сударь, князь московскій!
Не вели ты насъ, канонеровъ, казнити:
Что на вѣтеръ свѣча горитъ скорѣе,
А въ землѣ то свѣча идетъ тишѣе".

Позадумался князь московскій,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышлять собою,
Еще какъ бы это дѣло оттянути.

Они тѣ-то рѣчи говорили,—
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ,
Подымало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменны палаты

И бѣжалъ тутъ великій князь московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія палаты.
Что царица Елена догадалась.
Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью московскаго князя встрѣчала,
А того ли Ивана, сударь, Васильевича, Прозрителя:
А за то онъ царицу пожаловалъ,
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ великаго князя;

Онъ и вынялъ ясны очи косицами,
Онъ и взялъ съ него царскую корону,
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царскій костыль въ руки принялъ.
И въ то время князь воцарился,
И насѣлъ въ московское царство:
Что тогда-де Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава,

№ 52. *Сборникъ пѣсенъ Кирѣевскаго.* ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ и ГРЕБЕНСКІЕ КАЗАКИ.

Не сизые орлы клочхуть,
Не сѣрые гуси возголосять,
Они пить и ѣсть хотять,—
Гребенскіе наши казаки
Передъ царемъ говорятъ,
Передъ Грознымъ царемъ
Иваномъ Васильевичемъ:
„Ахъ ты, батюшка нашъ, надежа,
Православный государь,
Ты чѣмъ насъ порадуешь,
Чѣмъ пожалуешь“?
Подарю васъ, казаченьки,
Рѣкою вольною,—
Что не быстрымъ Терекомъ
Горыновичемъ.
Что отъ самаго Гребня
До Синяго моря,
Что до Синяго моря
До Каспійскаго“.
. . . .

№ 53. *Розенгеймъ.* ДАЛЕКІЙ КРАЙ.

Давно то было, было встарь.
Царилъ надъ Русью грозный царь
Иванъ Васильичъ. Тяжела
Рука державная была
Его, какъ молотъ боевой,
Надъ всею русскою землей.
Прошли тѣ дни, когда она
Однимъ врагамъ была страшна,
Когда, какъ помнятъ старики,
Водила русскіе полки
Она на праведную брань
Противъ татаръ: когда Казань
Сломала, Астрахань взяла
И гордый орденъ потрясла.
Да, было это и прошло
И темной былью поросло!
И доблесть юнаго царя
Давно угасла, какъ заря
Предъ мрачнымъ днемъ,—и царь Иванъ,
Сурово-мстительный тиранъ,
Налегъ надъ Русью. И съ тѣхъ поръ
Обильно горе и позоръ
Онъ сѣялъ по землѣ родной,
Томимый яростью слѣпой;
И утучнялъ тотъ злой посѣвъ
Народной кровью царскій гнѣвъ;
И наступили времена;
Обильно злыя сѣмена
Взростили горькіе плоды
Безславья, срама и нужды.
Бѣда неслась со всѣхъ сторонъ.
И угнетенъ и разоренъ,
Шелъ врозь испуганный народъ,
Не стало славныхъ воеводъ—
На плахахъ, пыткахъ, на кострахъ
Они изгибли. Всюду страхъ
Царилъ надъ русскою землей,
Губилъ ее татаринъ злой
И разорялъ король Стефанъ.
А онъ, земли своей тиранъ,
То подозрѣньями томимъ,
То жаломъ совѣсти язвимъ,
Страшась и мертвыхъ, и живыхъ:
Подъ тяжкимъ гнетомъ дѣлъ былыхъ,
Вѣкъ доживалъ свой, хилъ и старъ,
Въ толпѣ запуганныхъ бояръ
Угрюмо дни влача.

И вотъ
Въ тѣ дни позора и невзгодъ
Въ Москву вдругъ прибылъ посланецъ,
Съ нежданной вѣстію гонецъ,
Примчался онъ издалека;
То былъ подручникъ Ермака
Съ товарищи, Иванъ Кольцо,
И сталъ предъ царское лицо.
И кланялся казакъ лихой
Царю сибирскою землей
Отъ всѣхъ опальныхъ казаковъ,
Прося повинныхъ ихъ головъ,
Простыхъ людей и старшины,
Забывъ ихъ давнія вины,
Опалу милостиво снять
И даръ посильный ихъ принять.
И рѣчь простая казака,
Какъ влага въ зной была сладка
Душѣ царя въ годину бѣдъ.
Давно, подъ гнетомъ скорбныхъ лѣтъ,
Не зналъ онъ радостныхъ вѣстей,
Забылъ и славу прежнихъ дней,
И торжество побѣдъ... И вотъ
Негаданно во дни невзгодъ
Побѣдный кликъ онъ слышитъ вновь,
Знакомый кликъ былыхъ годовъ
И словно ожилъ дряхлый царь.
Потухшій взоръ его, какъ встарь,
Сверкнулъ, заискрился огнемъ.
И на безмолвную кругомъ
Толпу бояръ своихъ въ упоръ
Язвительный онъ бросилъ взоръ.
И съ трепетомъ, какъ въ оны дни,
Во взорѣ томъ прочли они
Упрекъ насмѣшливый и злой
Съ кичливо наглой похвальбой.
Но взоръ тотъ молніей вокругъ
Сверкнулъ на мигъ лишь и потухъ
Усмѣшка стерлася съ ланитъ.
И царь, принявъ смиренный видъ,
Благоговѣйно устремилъ
Взоръ на иконы и склонилъ
Главу онъ набожно. Потомъ,
Широко осѣнясь крестомъ,
Минуты двѣ онъ помолчалъ,
Всѣхъ строгимъ взглядомъ обѣжалъ
И молвилъ: „Многогрѣшныхъ насъ
Господь и въ сей невзгодный часъ
Знать не покинулъ до конца!
Не отвратилъ отъ насъ лица
Онъ въ милосердіи своемъ
На окаянствѣ нашемъ всемъ
Не посудилъ Онъ своего
Раба, призрѣвъ на скорбь его
И боль сердечныхъ тяжкихъ ранъ.
И вотъ, когда король Стефанъ,
Исполнися гордыни злой
И Божій страхъ забывъ, войной
На насъ неправой наступилъ
И наши земли разорилъ,
Когда ужъ полчища враговъ
Отнять грозились старый Псковъ,
И люди, въ сей невзгодѣ зря
Господній гнѣвъ на ихъ царя,
Являютъ шатость душъ своихъ,—
Лукавство посрамляя ихъ,
Господь нашъ въ самый оный часъ
Взыскуетъ вновь смиренныхъ насъ
Великой милостью своей,—
Зане, лишь онъ—судья царей“!
И снова, преклонясь челомъ,
Царь осѣнилъ себя крестомъ,
И просвѣтленное лицо
Онъ обратилъ опять къ Кольцо,
Велѣлъ ему поближе стать
И досконально разсказать
Все по порядку, что и какъ,
Какъ добывалъ Сибирь Ермакъ.
И оповѣдалъ все въ чередъ
Казакъ про славный тотъ походъ.
За поясъ каменный, и какъ
Путь пробивалъ себѣ Ермакъ
Чрезъ горы, рѣки и лѣса.
Была то рѣчь про чудеса
Терпѣнья, доблести, трудовъ
Отважной горсти удальцовъ,
Въ средѣ невѣдомыхъ племенъ,
Среди враговъ со всѣхъ сторонъ,
Въ борьбѣ суровой безъ конца.
Царь молча слушалъ рѣчь Кольца,—
Простой безхитростный разсказъ,
Склонясь на посохъ, зоркихъ глазъ
Не отводя. И лишь порой
Качалъ въ раздумьѣ головой,

Казацкой удали дивясь,
Иль мыслью въ край тотъ уносясь,
Онъ гордо подымалъ чело.
И было ясно и свѣтло
Царя суровое лицо.
Окончилъ рѣчь свою Кольцо,
И снова билъ царю челомъ
Сибирскимъ царствомъ. И на томъ
Царь соизволилъ даръ принять
И повелѣлъ ему сказать
И Ермаку и казакамъ,
По многимъ тяжкимъ ихъ трудамъ
И службамъ въ дальнемъ томъ краю, —
Всѣмъ милость царскую свою.
Великимъ жалованьемъ ихъ
Пожаловалъ царь слугъ своихъ
И одарилъ онъ ихъ казной,
Цвѣтными сукнами, камкой,
И рать на помочь имъ послалъ.
Такъ край Сибиркій—Русью сталъ,
И русскій людъ о немъ узналъ.
Провѣдалъ онъ, что въ томъ краю
Просторъ и воля, какъ въ раю,
Что всякій звѣрь и птица тамъ
Живутъ привольно по лѣсамъ,
И рѣки рыбою полны,
И нѣтъ конца тамъ цѣлины,
И нѣтъ ни царскихъ тамъ стрѣльцовъ,
Нѣтъ ни подъячихъ ни дьяковъ,
Нѣтъ ни бояръ, ни воеводъ.
И вотъ, спасаясь отъ невзгодъ,
За поясъ каменный, путемъ
Пробитымъ смѣлымъ Ермакомъ
Пошла вся русская бѣда,
И все идетъ она туда,
Отъ той поры до нашихъ дней
Со стародавней Руси всей,
И вольной волею идетъ,
И въ кандалахъ туда бредетъ
Многострадальная она,
Бѣдна, убога, но сильна,—
И заселяетъ пустыри
И тамъ, гдѣ жили дикари,
На мѣстѣ дебрей и степей,
Средь ею жъ вспаханныхъ полей
Воздвигла села, города,
Все та же русская бѣда,
Все тотъ же бѣдный русскій людъ.
Все былъ его кровавый трудъ,—
Но лишь того зачѣмъ пришелъ
Онъ и донынѣ не нашелъ.

Такъ съ той поры, изъ вѣка въ вѣкъ,
Шелъ крѣпкій русскій человѣкъ
На дальній сѣверъ и востокъ,
Неудержимо, какъ потокъ.
Съ плохой винтовкой за плечомъ
Иль съ неизмѣннымъ топоромъ,
Съ краюхой хлѣба въ кошелѣ,
Отдавъ поклонъ родной землѣ,
Отъ непригляднаго житья,
Онъ шелъ въ беззвѣстные края
Чрезъ тундры, рѣки и хребты,
Чрезъ быстрину и высоты.
Пока въ невѣдомой дали
Онъ не пришелъ на край земли,
Гдѣ было некуда идти,
Гдѣ поперекъ его пути,
Одѣтый въ бури и туманъ,
Всталъ необъятный океанъ,
И грознымъ рокотомъ валовъ,
Казалось говорилъ безъ словъ:
„Здѣсь власть моя! Здѣсь твой рубежъ!
Ты за него не перейдешь.“
И какъ пигмея великанъ,
Суровый грозный океанъ
Пришельца звалъ на споръ съ собой:
И принялъ тотъ неравный бой
И не попятился назадъ.
Отважный, твердый, какъ булатъ,
Онъ сладилъ утлыя суда
И смѣло ринулся туда,
Въ неизмѣримый океанъ,—
И побѣжденъ былъ великанъ...
И смѣлый русскій удалецъ;
Или изгнанникъ, иль бѣглецъ
Изъ дальней родины своей,
Сродясь не видѣвшій морей,
Онъ эту бездну переплылъ,
И страны новыя открылъ
На самодѣльномъ кораблѣ...
И тамъ въ невѣдомой землѣ,
На полушаріи другомъ,
На берегу ему чужомъ,

Онъ водрузилъ нашъ русскій стягъ,
Чтобъ зналъ про то и другъ, и врагъ.

И не одинъ промчался вѣкъ,
А онъ, нашъ русскій человѣкъ,
Сумѣвшій все перестрадать,
Чтобъ Русь великую создать,—
Каковъ бывалъ онъ искони,
Таковъ теперь и въ наши дни.
И встарь, и нынѣ, всюду онъ,
Куда бы ни былъ занесенъ,
Куда бъ ни брошенъ былъ судьбой,
И кто бы ни былъ онъ порой:
Укшуйникъ, вольница казакъ,
Промышленникъ, или варнакъ,
Отверженецъ среди людей,
Несчастный чаще, чѣмъ злодѣй,
Или суровый старовѣръ,
Создатель скитовъ и пещеръ,
Гдѣ, въ чащѣ дебри вѣковой
Таился онъ, какъ звѣрь лѣсной,
Пустыни прелесть возлюбя,
Гдѣ заживо сжигалъ себя,
Чтобъ вѣру старую спасти
И душу праву соблюсти,—
Все тотъ же онъ всегда, вездѣ,
Отважный, сносливый въ нуждѣ
Смышленый, ловкій, удалой,
Несокрушимый подъ бѣдой,
Невозмутимый предъ врагомъ,
И добродушный съ чужакомъ.
И тьмы прошли такихъ людей,
Изгнанниковъ съ родныхъ полей.
И сколько было между нихъ
Пиззаровъ, Кортесовъ лихихъ,
Открывшихъ міру не одну
Дотоль безвѣстную страну,
И тамъ, средь дебрей, рѣкъ и горъ,
Невѣдомыхъ до этихъ поръ
Народовъ новыхъ племена...
И кто же знаетъ имена
Могучихъ тѣхъ богатырей,
Тѣхъ русскихъ доблестныхъ людей.
. . . .

№ 54. *Рылѣевъ* СМЕРТЬ ЕРМАКА.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безперерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы,
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали близъ дубравы.
О, спите, спите, мнилъ герой:
Друзья, подъ бурею ревущей;
Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущій.

„Вамъ нуженъ отдыхъ, сладкій сонъ
И въ бурю храбрыхъ успокоитъ;
Въ мечтахъ напомнитъ славу онъ
И силы ратниковъ удвоитъ.

Кто жизни не щадилъ своей,
Въ разбояхъ злато добывая,
Тотъ думать будетъ ли о ней,
За Русь святую погибая,

Своей и вражьей кровью смывъ
Всѣ преступленья буйной жизни
И за побѣды заслуживъ
Благословенія отчизны.
Намъ смерть не можетъ быть страшна,
Свое мы дѣло совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы не праздно въ мірѣ жили“!

Но роковой его удѣлъ
Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ
И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
На жертву любопытнымъ взглядомъ.
Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безпрерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ брегахъ:
Вздымалися сѣдыя волны
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бія о брегъ казачьи челны.
Съ вождемъ покой въ объятьяхъ сна
Дружина храбрая вкушала;
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала,

Страшась вступить съ героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать презрѣнный,
Прокрался тайною тропой,
Татаръ толпами окруженный.
Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ,—
И окровавилась долина,
И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ мечей дружина...

Ермакъ воспрянулъ ото сна,
И гибель зря, стремится въ волны;
Душа отвагою полна;
Но далеко отъ брега челны

Иртышъ волнуется сильнѣй...
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ
И мощною рукой своей
Валы сѣдые разсѣкаетъ...

Плыветъ... Ужъ близко челнока;
Но сила року уступила,
И закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.
Лишивши силъ богатыря
Бороться съ ярою волною,
Тяжелый панцырь—даръ царя—
Сталъ гибели его виною.

Ревѣла буря... Вдругъ луной
Иртышъ кипящій осребрился,
И трупъ, извергнутый волной,
Во бронѣ мѣдной озарился.
Носились тучи, дождь шумѣлъ,
И молніи еще сверкали.
И громъ вдали еще гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали,
. . . .

№ 55. *А. А. Д.* ЕРМАКЪ (БАЛЛАДА).

За Уральскимъ хребтомъ, за рѣкой Иртышомъ,
На далекихъ отрогахъ Алтая,
Стоитъ холмъ, и на немъ подъ кедровымъ шатромъ
Есть могила совсѣмъ забытая;
Много лѣтъ ужъ стоитъ и курганъ сторожитъ
Этотъ кедръ одинокій угрюмо,
Вкругъ него ни куста, вся вершина пуста
И тиха,—нѣтъ ни звука, ни шума.
Хищный вранъ не летитъ, дикій звѣрь не бѣжитъ,
Этимъ мѣстомъ здѣсь кроется диво.
Говорятъ, что подъ нимъ великанъ исполинъ,
И въ броню и въ кольчугу одѣтый,
Безпокойно лежитъ, потому что зарытъ
По обряду отцовъ не отпѣтый.
Триста лѣтъ, говорятъ, это было назадъ,—
Рыбаки въ Иртышѣ неводили,
И въ мережѣ одной здѣсь на берегъ крутой
Вмѣсто рыбъ мертвеца притащили.
Былъ въ бронѣ боевой, былъ въ кольчугѣ стальной,
Росту страшнаго пойманный въ сѣти,
И дивились ему, великану тому,
Рыбаки простодушные эти.
Но, не зная какъ быть, какъ покойника сбыть,
Чтобъ на грѣхъ не затѣять бы дѣло,
Порѣшили все скрыть и скорѣе зарыть
Это мертвое, страшное тѣло.
И съ тѣхъ горъ только день перейдетъ въ ночь и тѣнь,
Изъ могилы покойникъ выходитъ
И всю ночь напролетъ по холму взадъ—впередъ
Съ тяжкимъ стономъ задумчиво бродитъ.

Этотъ стонъ гробовой надъ уснувшей землей
По расщелинамъ горъ раздается,
Ужасая собой даже кедръ вѣковой,
Что отъ стоновъ отъ этихъ трясется.

Есть въ народѣ молва, что порою слова
Можно слышать: „Къ могилѣ склонитесь,
Я донской былъ казакъ, по прозванью Ермакъ.
О покоѣ моемъ помолитесь“.

№ 56. *А. Толстой.* КНЯЗЬ МИХАЙЛО РѢПНИНЪ.

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильевичъ Грозный подъ матушкой Москвой.

Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.

Съ вечерни льются вина на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры;

Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Но голось прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кравчему велитъ.

„Да здравствуютъ тіуны, опричники мои!
Вы жъ громче бейте въ струны, баяны соловьи!

Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ,—
Я первый открываю веселый хороводъ!

За мной, мои тіуны, опричники мои!
Вы жъ громче бейте въ струны, баяны соловьи!“

И всѣ подъяли кубки. Не поднялъ лишь одинъ,
Одинъ не поднялъ кубка, Михайло князь Рѣпнинъ.

„О, царь, забылъ ты Бога. Свой санъ ты, царь, забылъ!
Опричниной на горе престолъ свой окружилъ!

Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!
Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ плясать!“

Но царь, нахмуря брови: „Въ умѣ ты, знать, ослабъ,
Или хмеленъ не въ мѣру! Молчи, строптивый рабъ!

Не возражай ни слова и машкеру надѣнь,—
Или клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день!“

Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Рѣпнинъ, правдивый князь:
„Опричнина да сгинетъ!“ онъ рекъ, перекрестясь,

„Да здравствуетъ во вѣки нашъ православный царь!
Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!

Да презритъ, какъ измѣну, безстыдной лести гласъ!
Личины жъ не надѣну я въ мой послѣдній часъ!“

Онъ молвилъ и ногами личину растопталъ,
Изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ...

„Умри же, дерзновенный!“ царь вскрикнулъ, разъярясь,—
И палъ, жезломъ пронзенный, Рѣпнинъ, правдивый князь!

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучатъ,
За длинными столами опричники шумятъ,

И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ,—
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:

„Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу!“

Напрасно льются вина на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гусляры,

Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.
. . . .

№ 57. *А. Толстой.* ВАСИЛІЙ ШИБАНОВЪ. (Баллада).

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ, стремянный.
Дороденъ былъ князь, конь измученный палъ,—
Какъ быть среди ночи туманной?
Но, рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Своего отдаетъ воеводѣ коня:
„Скачи, князь, до вражьяго стану,
Авось я пѣшой не отстану“.

И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ изумленьи литовцы кругомъ,
Безъ шапокъ толпятся у входа,
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ,
Не даромъ дивится литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ.

Но князя не радуетъ новая честь,
Исполненъ онъ желчи и злобы;
Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
„Что долго въ себѣ я таю и ношу,
То все я пространно къ царю напишу,
Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
За всѣ его ласки спасибо“.

И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ,
Перо его местію дышетъ;
Прочтетъ, улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ,
И злыми словами язвитъ онъ царя.
И вотъ ужъ, когда занялася заря,
Поспѣло, ему на отраду,
Посланіе, полное яду.

Но кто-жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется.
Кому не люба на плечахъ голова,
Чье сердце въ груди не сожмется.
Невольно сомнѣнья на князя нашли...
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли:

„Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали“.

И въ радости князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньи:
„Ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба,
А вотъ и рубли въ награжденье“.
Шибановъ въ отвѣтъ господину: „Добро.
Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
А я передамъ и за муки
Письмо твое въ царскія руки“.

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой.
Царь, въ смирной одеждѣ, трезвонитъ.
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть навѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ,
И звону внимаетъ московскій народъ
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опричнн кромѣшная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тутъ же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ, Басмановъ.

Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ.
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье.—
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.
И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему, не блѣднѣя:
„Отъ Курбскаго, князя Андрея“.

И очи царя загорѣлися вдругъ
„Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
Посланье отъ слова до слова.
— Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ“.
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль и внимаетъ:

„Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
Но тонущу въ сквернахъ обильныхъ.
Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
Отвѣтствуй, не ими ль средь тяжкой войны
Безъ счета твердыни враговъ сражены?
Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?

Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
Въ небытную ересь прельщенный.
Внимай же. Пріидетъ возмездія часъ,
Писаніемъ намъ предреченный,
И азъ, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ
За тя, аки воду ліяхъ и ліяхъ,
Съ тобой предъ Судьею предстану“.
Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.

Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ;
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали,—
И всѣ въ ожиданьи молчали.

И молвилъ такъ царь: „Да, бояринъ твой правъ,
И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной!
Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
Я—песъ недостойный и смрадный!
Гонецъ, ты не рабъ, но товарищъ и другъ,
И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,

Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ!"

Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
Другъ къ другу приходятъ на смѣну:
„Товарищей Курбскаго ты уличи,
Открой ихъ собачью измѣну".
И царь вопрошаетъ: „Ну, что же гонецъ?
Назвалъ ли онъ вора друзей наконецъ?"
— „Царь, слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина".

День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
Скрипятъ у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять началася работа.
„Ну, что же? Назвалъ ли злодѣевъ гонецъ?"
— „Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
Но слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина!..

О, князь, ты, который предать меня могъ
За сладостный мигъ укоризны,
О, князь, я молю, да проститъ тебѣ Богъ
Измѣну твою предъ отчизной!
Услышь меня Боже, въ предсмертный мой часъ,
Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
Но въ сердцѣ любовь и прощенье,—
Помилуй мои прегрѣшенья!

Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Прости моего господина!
Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
Но слово мое все едино:
За грознаго, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую великую Русь
И твердо жду смерти желанной!"
Такъ умеръ Шибановъ стремянный.
. . . .

№ 58. *А. Толстой.* СТАРИЦКІЙ ВОЕВОДА.

Когда былъ обвиненъ старицкій воевода,
Что, гордый знатностью и древностію рода,
Присвоить онъ себѣ мечтаетъ царскій санъ,
Предстать ему велѣлъ предъ очи Іоаннъ,
И осужденному поднесъ вѣнецъ богатый
И ризою облекъ изъ жемчуга и злата,
И бармы возложилъ, и самъ на свой престолъ
По шелковымъ коврамъ виновнаго возвелъ.
И, взоръ предъ нимъ склонивъ, онъ палъ среди палаты
И, въ землю кланяясь, съ покорностью трикраты
Сказалъ: „Доволенъ будь въ величіи своемъ".
И, вспрянувъ тотъ же часъ, со злобой безпощадной,
Онъ въ сердце ножъ ему вонзилъ рукою жадной;
И, ликъ свой наклоня надъ сверженнымъ врагомъ,
Онъ наступилъ на трупъ узорнымъ сапогомъ
И въ очи мертвыя глядѣлъ,—и въ дрожи зыбкой
Державныя уста змѣилися улыбкой.
. . . .

№ 59. *Навроцкій.* ПЕЧАЛЬНИКЪ РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

Смеркалось. Въ своей незатѣйливой кельѣ,
Подъ сѣнью развѣсистыхъ липъ,
Сидѣлъ у окна, во дворѣ монастырскомъ,
Опальный святитель Филиппъ.
Высокій, сѣдой, величаво-спокойный,
Великій въ смиреньи своемъ;
Хотя и въ одеждѣ простого монаха—

Всѣ чтили святителя въ немъ.
Филиппъ вспоминалъ то минувшее время,
Когда въ Соловецкой обители былъ
Игуменомъ онъ и Господнее стадо,
Какъ пастырь духовный, хранилъ...
На сѣверѣ дальнемъ, средь Бѣлаго моря,
Въ пустынной, холодной странѣ,
Въ снѣгахъ и во льду, гдѣ въ былыя годины
Лишь скалы торчали однѣ,
Создали обитель отшельники міра, —
Далъ добрую почву ихъ трудъ,
И сталъ монастырь родникомъ православья,
И нынѣ въ немъ память ихъ чтутъ.
И долго Филиппъ той обителью правилъ,
И святостью жизни своей
Давалъ онъ, достойный служителя Бога,
Примѣръ подражанія ей.
Народъ богомольный, подвижники вѣры,
Туда свое горе несли,
Стекались въ обитель на островъ пустынный
Со всей православной земли.
Печальныя вѣсти они приносили:
Въ Москвѣ, воспріявъ царскій санъ,
Что годъ, то свирѣпѣе все становился
Владыка Руси Іоаннъ.
Опричнину страшную вдругъ учредилъ онъ
И, гнѣвомъ безмѣрнымъ объятъ,
Казнилъ онъ безъ счета бояръ сановитыхъ
И даже ихъ малыхъ ребятъ...
Въ крови захлебнувшись, что день, то ужаснѣй
Онъ пытки придумывалъ имъ,
И только старался, чтобъ медленнѣй въ мукахъ
Они умирали предъ нимъ.
Святитель скорбѣлъ глубоко, неустанно.
Онъ Господа слезно молилъ,
Чтобъ внялъ Онъ мольбамъ неповинныхъ страдальцевъ
И сердце царя укротилъ.
И вспомнилъ Филиппъ, какъ однажды въ обитель
Монахи гонца привезли,
Съ письмомъ отъ Ивана, за царской печатью: —
Владыкой церковнымъ Москвы
Его величалъ государь, извѣщая,
Что онъ возведенъ въ этотъ санъ
И избранъ духовнымъ главой православныхъ
Всей царской земли христіанъ.
Въ Москвѣ поселившись, владыка не думалъ
О томъ, чтобъ въ довольствѣ пожить,
Не могъ онъ отречься отъ лучшаго права —
Защитою слабымъ служить,
И долгомъ священнымъ считалъ предъ Иваномъ
Просить за опальныхъ людей,
За всѣхъ, кто былъ жертвою царскаго гнѣва,
Но не былъ ни воръ, ни злодѣй.
Иванъ не любилъ, чтобъ подвластные люди
Давали совѣты ему;
Съ тѣхъ поръ, какъ избавился онъ отъ Сильвестра,
Онъ воли не далъ никому.
— „Молчи—говорилъ онъ—молчи, не вступайся
Въ мою государскую власть;
Они заслужили коварной измѣной
И худшую даже напасть!“
Но, видя въ дѣяньяхъ Ивана не кару,
А дикаго звѣрства печать,
Какъ пастырь Господняго стада, святитель
Считалъ преступленьемъ молчать.
Не разъ грозный царь угрожалъ даже гнѣвомъ
Владыкѣ, но твердъ, какъ скала,
Филиппъ не страшился угрозы,—и воля
Его непреклонна была.
И смѣло, и грозно корилъ онъ Ивана,
Твердилъ ему правду въ глаза,

И рѣчи владыки подъ сводами храма
Звучали, какъ Божья гроза.
Невольно внималъ имъ Иванъ — и въ раздумьи
Изъ храма къ себѣ приходилъ,
И даже случалось, что цѣлыми днями
Смиренenъ и кротокъ онъ былъ.
Такое вліянье пришлось не по нраву
Опричникамъ злымъ: вѣдь для нихъ
Насталъ бы конецъ всѣмъ кровавымъ забавамъ,
Когда бы Иванъ пріутихъ.
Устроили живо, доносчиковъ много
Явилось; къ тому же Иванъ
И самъ тяготился рѣчами Филиппа,
Хотя уважалъ его санъ.
Собралися судьи, служители Бога,
Но страхъ оковалъ имъ уста:
Должно быть, они, преклоняясь предъ властью,
Забыли завѣты Христа.
И волѣ царя раболѣпно послушный,
Презрѣнья достойный, соборъ
Изрекъ своему властелину—Филиппу
Угодный царю приговоръ.
Во время обѣдни во храмѣ Успенья
Опричники съ шумомъ вошли;
Съ словами глумленья и съ смѣхомъ злораднымъ
Къ Филиппу они подошли.
Сорвали съ него облаченье, съ безчестьемъ
По цѣлой Москвѣ провезли,
И въ Отрочь-обитель въ опальную ссылку
На дровняхъ его отвезли.
Филиппъ не роптало; со смиреньемъ монаха,
Какъ волю Господню, пріялъ
Онъ гнѣвъ и опалу царя; не мѣняясь,
Онъ святостью жизни сіялъ
И ту же молитву твердилъ неустанно:
„О, Боже, стенаньямъ внемли, —
И сердце царево, кипящее злобой,
Смягчи Ты для блага земли“...
Стемнѣло,—и ночь опустилась на землю,
Клонить сталъ святителя сонъ,
И всталъ на молитву, желая исполнить
Келейное правило онъ.
Вдругъ слышитъ — стучатъ... Отворились ворота,
И кто-то проѣхалъ чрезъ мостъ.
Должно быть не путникъ то былъ запоздалый;
А знатный, негаданный гость.
Обитель въ тревогѣ, сбѣгались монахи,
Поспѣшно игуменъ пришелъ,
И кто-то, въ доспѣхѣ, бряцая оружьемъ,
Съ коня боевого сошелъ.
Идутъ... Отворилась дверь кельи Филиппа,
Вошелъ, не крестяся, какъ воръ,
Невѣдомый ратникъ и, тьмою объятый,
Вперилъ онъ въ святителя взоръ.
— „Здорово, старикъ!“ Этотъ голосъ ужасный
Давно былъ Филиппу знакомъ,
Злодѣя Малюту Скуратова тотчасъ
Призналъ онъ въ томъ гостѣ ночномъ.
— „Зачѣмъ ты пріѣхалъ?“ — „Узнать, какъ содержатъ
Тебя въ заточеньи, монахъ;
Тебѣ, какъ я вижу, живется недурно
Въ тверскихъ монастырскихъ стѣнахъ.
Балуютъ изрядно! А впрочемъ позволятъ
И лучше понѣжить тебя,
Когда ты исполнишь царево желанье,
Которымъ почтилъ онъ тебя“.
— „Какое желанье?“—„Ты знаешь, что нынѣ
Великій и грозный нашъ царь
Задумалъ смирить новгородцевъ мятежныхъ,
Какъ дѣдъ его дѣлывалъ встарь.
Онъ здѣсь недалеко и, вспомнивъ былое,
Желая тебя отличить,
Послалъ онъ меня, чтобы благословенье
На путь отъ тебя получить“.
— „Должно быть, въ забитой Москвѣ не нашелся
Никто, чтобъ царя остеречь;
Но здѣсь отъ меня, отъ простого монаха,
Иную услышитъ онъ рѣчь.

Лишь добрыхъ на доброе благословляю
Я именемъ Бога, а тѣхъ,
Кто въ гнѣвѣ безумномъ грядетъ на убійство,
Кто въ казняхъ лишь ищетъ утѣхъ,
Господь не велитъ осѣнять благодатью,—
Она не для лютыхъ звѣрей"...
— „То воля царя!"—„Но есть воля Господня,
Та выше желаній царей"...
— „Филиппъ, не упрямься! Исполни, не медля,
Державную волю, не то,
Ты знаешь,—противиться волѣ царевой
У насъ не дерзаетъ никто!"
— „Повѣдай царю, что когда онъ оставитъ
Пути, по которымъ идетъ,
Когда, со слезами, въ святомъ покаяньи,
Душевный онъ миръ обрѣтетъ,
Тогда пусть пришлетъ... не тебя, иль въ обитель
Смиренно пожалуетъ самъ,
И именемъ Бога благословенье
Охотно ему преподамъ".
— „А нынѣ... не дашь?"—„Не имѣю я власти...
Не дамъ".—„Не упрямься, старикъ!
Ты знаешь, какъ царь расправляться ужасно
Съ рабомъ непослушнымъ привыкъ".
— „Малюта, я знаю, чего тебѣ нужно,
Исполни желанье свое;
Не медли напрасно".—„Такъ это ужъ будетъ
Послѣднее слово твое?"
— „Послѣднее? Нѣтъ! Но послѣднее нынѣ
Къ тебѣ обратится оно;
Его ты достоинъ за всю твою жизнь,
Его заслужилъ ты давно.
Будь проклятъ, Малюта! Я именемъ Бога
И властью апостольской днесь
Тебя проклинаю за всѣ твои звѣрства,
Въ которыхъ ты вылился весь.
Будь проклятъ за то, что въ угоду корысти
Ты царскимъ наушникомъ сталъ;
За всѣхъ, у кого въ небываломъ признанье
Ты пыткой ужасной досталъ!
Будь проклятъ за самое страшное дѣло:
Что, тѣша себя самого,
Ты въ сердцѣ Ивана огнемъ разжигаешь
Ужасныя страсти его;
Вся кровь неповинныхъ, всѣ муки страдальцевъ,
Всѣ казни падутъ на тебя,
И будешь ты мучиться адскою мукой,
На вѣкъ свою душу сгубя!
Анаѳемѣ вѣчной тебя предаю я!
Да будетъ твой вѣчный удѣлъ"...
Какъ взвизгнетъ Малюта, какъ ястребъ на жертву,
Онъ яростно вдругъ налетѣлъ,
За горло схватилъ неповиннаго старца,
Съ проклятьемъ его повалилъ
И, стиснувъ привычными къ дѣлу руками,
Святителя вмигъ задушилъ...

№ 60. *Навроцкій.* ОТМѢНА ЮРЬЕВА ДНЯ.

Было времячко, время давнее,
Время давнее, время славное:
На Руси жила воля-матушка;
Никого она не боялася,
И никто не смѣлъ обижать ее.
Какъ по селамъ, по богатымъ городамъ
Безъ боязни всѣ расхаживали;
Передъ Юрьевымъ, да передъ славнымъ вольнымъ днемъ,
Отъ лихихъ бояръ да перехаживали;
Выбирали, кто кого хотѣлъ,
И служили—кому вздумалось.

Не понравится—и не нудятся;
Годъ промаются, годъ потрудятся,
А придетъ пора—не останутся;
Волѣ-матушкѣ всякъ поклонится
И пойдетъ туда, куда хочется.
Было времячко, время вольное,
Время вольное, переходное.
Но пришла на волюшку невзгодушка:
Юрьевъ день у бѣдной воли отняли
И дѣтей ея, людей свободныхъ,
Въ кабалу по смерть боярамъ отдали.

№ 61. *Пушкинъ.* БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно,
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ, охладѣвъ, скучаемъ и томимся!..
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной, —
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ... Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать,—
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ,
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы,—
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища,—
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ,—
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!..
Кто ни умретъ—я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть!
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... Ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

№ 62. ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Владыко, Царю Вседержителю!
Да за что Ты на насъ, Господи, прогнѣвался,
Послалъ намъ, Господи, прелестника,
Тово ли Гришку Отрепьева?
Не успѣлъ онъ, собака, воцаритися,
Захотѣлъ собака, жепитися:

Не у насъ-та онъ, братцы, беретъ въ каменной Москвѣ,
Онъ беретъ же, братцы, въ проклятой Литвѣ,
У тово ли у Юрья пана Сендофорскаго,
Ту ли Маринку, дочь Юрову.
Онъ и дѣлаетъ свадьбу не въ удобный день:
На тотъ ли на праздникъ на Николинъ день;
Всѣ князья-бояре къ заутренѣ пошли,
А Гришка съ Маринкой въ баню пошелъ;
Всѣ князья-бояре отъ заутрени идутъ,
А Гришка съ Маринкой изъ бани идутъ;
На Гришкѣ одежа черпаго соболя,
На Маринкѣ одежа рытаго бархата.
Онъ восходитъ, собака, на Красенъ Крылецъ,
Онъ воскрикнетъ, собака, громкимъ голосомъ:
„Ишше есь ли у меня кухари и повары!
Стряпали бы постно и скоромное:
Пріѣдетъ ко мнѣ названый гость,
Названый гость, любимый тесть!"
Всѣ князья и бояре испужалися,
Въ Чудовъ монастырь набросалися
Къ той ли нашей государынѣ:
„Ужъ ты, матушка наша государыня,
Православная Елена Михайловна!
Твоя-тъ сынъ на царство сѣлъ:
А ведетъ себя не по царскому".
Тутъ заплакала государыня горючи слезы:
„Ужъ вы глупые бояре неразумные!
Моя-тъ сынъ на Угличѣ убитъ,
Лежатъ его мошши въ каменной Москвѣ,
Въ тѣмъ ли соборѣ Михайла Архангела."

№ 63. МИХАЙЛО СКОПИНЪ.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Какъ бы во сто двадцать седьмомъ году,
Въ седьмомъ году, въ осьмой тысячи,
А и дѣялось, учинилося
Кругомъ сильна царства Московскаго,
Литва облегла со всѣ четыре стороны;
А и съ нею сила, Сорочина долгополая,
И тѣ черкесы пятигорскіе,
Еще ли калмыки съ татарами,
Со татарами, со башкирцами,
Еще чукши со люторами.
Какъ были припасы многіе,
А и царскіе, и княженецкіе,
Боярскіе и дворянскіе;
А пельзя ни пройти, ни проѣхати,
Ни конному, ни пѣшему,
И ни соколомъ вонъ вылетѣти
А изъ сильна царства Московскаго
И великаго государства Россійскаго.
А Скопинъ князь Михайло Васильевичъ
Онъ правитель царству Московскому,
Оберегатель міру крещеному
И всей нашей земли свято-русскія,
Что ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ воевода московскій князь Скопинъ,
Князь Михайло Васильевичъ,
Онъ походъ чинилъ ко Новугороду.
Какъ и будетъ Скопинъ во Новѣградѣ,
Походилъ во избу во съѣзжую,
Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
А и беретъ чернилицу золотую,
Какъ бы въ ней перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Во свицкую землю, саксонскую,
Ко любимому брату названому,
Ко свицкому королю Карлосу;
А отъ мудрости слово поставлено:
„А и гой еси, названый братъ,
А ты свицкій король Карлусъ!
А и смилуйся, смилосердися,
Смилосердися, покажи милость,
А и дай мнѣ силы на подмочь;
Наше сильно царство Московское,

Литва облегла со всѣ четыре стороны,
Приступила Сорочина долгополая,
А и тѣ черкесы пятигорскіе,
А и тѣ калмыки со башкирцами,
А и тѣ чукши со люторами;
И не можемъ мы съ ними управиться:
Я закладываю три города русскіе.“
А съ ярлыками послалъ скораго почтаря,
Своего любимаго шурина,
А того Митрофана Фунтосова.
Какъ и будетъ почтарь въ Половецкой ордѣ
У честна короля, честнаго Карлуса,
Онъ въѣзжаетъ прямо на королевскій дворъ,
А ко свицкому королю Карлусу.
Середи двора королевскаго
Соскочилъ почтарь съ добра коня,
Вязалъ коня къ дубову столбу,
Сумы подхватилъ, самъ во палаты идетъ.
Ни зачѣмъ почтарь не замѣшкался,
Приходитъ во палату бѣлокаменну,
Разковыривалъ сумы, вынималъ ярлыки,
Онъ кладетъ королю на круглый столъ.
Принимавши, король распечатываетъ,
Распечаталъ, самъ просматриваетъ,
И печальное слово повыговорилъ;
Отъ мудрости слово поставлено:
Отъ любимаго брата названаго,
Скопина князя Михайлы Васильевича,
Какъ проситъ силы на подмочь,
Закладываетъ три города русскіе.
А честной король, честной Карлусъ,
Показалъ ему милость великую,
Отправляетъ силы со трехъ земель,
А и первыя-то силы свицкія,
А другія силы саксонскія,
А третьи силы школьскія —
Того ратнаго люду ученаго,
А не много, ни мало — сорокъ тысячей.
Прибыла сила во Новгородъ,
Изъ Новагорода въ каменну Москву, —
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина князя думушки прибыло.
А поутру, рано ранешенько,
Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслужилъ,
Отслужилъ, самъ въ походъ пошелъ,
Подымавши знаменье царское;
А на знаменьи было написано
Чуденъ Спасъ со Пречистою,
На другой сторонѣ было написано
Михайло и Гаврило Архангелы,
Еще вся туто сила небесная.
Въ восточную сторону походомъ пошли,
Они вырубили Чудь бѣлоглазую,
И ту Сорочину долгополую;
Въ полуденную сторону походомъ пошли,
Прекратили черкесовъ пятигорскихъ,
А немного дралися, скоро сами сдались,
Еще нонѣ тутъ Малороссія;
А на сѣверну сторону походомъ пошли.
Прирубили калмыковъ со башкирцами;
А на западну сторону и въ ночь пошли,
Прирубили чукши со люторами;
А кому будетъ Божья помочь—
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу,
Онъ очистилъ царство Московское
И велико государство Россійское.
На великихъ тѣхъ на радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами,
И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ;
Отслуживши обѣдни съ молебнами
И всю литургію великую,
На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
А пиръ пошелъ и великій столъ.
И Скопина князя Михайлу Васильевича,
Про весь православный міръ,
И велику славу до вѣку поютъ
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.—
Какъ бы малое время замѣшкавши
А во той же славной каменной Москвѣ,
У того ли было князя Воротынскаго,
Крестили младаго князевича,
А Скопинъ князь Михайло кумомъ былъ,
А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынскаго
Какъ будетъ и почестной столъ,
Тутъ было много и князей, и бояръ, и званыхъ гостей;
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
Княженецкій столъ во полу-столѣ.
Какъ пьяненьки тутъ расхвастались:

Сильный хвастаетъ силою,
Богатый хвастаетъ богачествомъ:
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ
А и не пилъ онъ зелена вина,
Только одно пиво пилъ и сладкій медъ,
Не съ большаго хмѣлю онъ похвастается:
„А вы глупый народъ, неразумные!
А всѣ вы похваляетесь бездѣлицей:
Я Скопинъ, Михайло Васильевичъ,
Могу, князь, похвалитися,
Что очистилъ царство Московское
И велико государство Россійское;
Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку,
Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго, до вѣку моего."
А и тутъ боярамъ за бѣду стало.
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали;
Поддернули зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
Подавали кумѣ его крестовыя,
Малютиной дочи Скурлатовой.
Она, знавши, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Примаетъ Скопинъ, не отпирается,
Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго,
А самъ говорилъ таково слово:
„Услышалъ во утробѣ неловко добрѣ!
А и ты съѣла меня, кума крестовая,
Малютина дочь Скурлатова;
А зазнаючи, мнѣ со зельемъ стаканъ подала,
Съѣла ты меня, змѣя подколодная!"
Голова съ плечъ покатилася,
Онъ и тутъ Скопинъ скоро со пиру пошелъ,
Онъ садился Скопинъ на добра коня,
Побѣжалъ къ родимой матушкѣ;
А только успѣлъ съ нею проститися,
А матушка ему пѣнять стала:
„Гой еси, мое чадо милое,
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ!
Я тебѣ приказывала,
Не велѣла ѣздить ко князю Воротынскому;
А и ты меня не послушался,
Лишила тебя свѣту бѣлаго
Кума твоя крестовая,
Малютина дочь Скурлатова."
Онъ къ вечеру Скопинъ и преставился.
То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Изпиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

№ 64. *А. Толстой.* НОЧЬ ПЕРЕДЪ ПРИСТУПОМЪ.

Поляки ночью темною,
Передъ самымъ Покровомъ,
Съ дружиною наемною
Сидятъ передъ огнемъ.

Исполнены отвагою,
Поляки крутятъ усъ,
Пришли они ватагою
Громить святую Русь.

И съ польскою державою
Пришли изъ разныхъ странъ,
Пришли войной неправою
Враги на россіянъ.

Тутъ волохи усатые
И угры въ чекменяхъ,
Цыгане бородатые
Въ косматыхъ кожухахъ...

Валя толпою пѣгою,
Пришли за ратью рать,
Съ Лисовскимъ и Сапѣгою
Престолъ нашъ воевать.

И вотъ, махая бурками
И шпорами звеня,
Веселыми мазурками
Вкругъ яркаго огня,

Съ ухватками удалыми
Несутся ихъ ряды,
Гремя, звеня цимбалами,
Кричатъ, поютъ жиды,

Бренчатъ цыганки бубнами,
Наѣздники шумятъ,
Дѣлами душегубными
Грозитъ ихъ ярый взглядъ.

И всѣ стучатъ стаканами:
„Да здравствуетъ Литва!“
Такъ возгласами пьяными
Встрѣчаютъ Покрова.

А тамъ, едва замѣтная,
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ стоитъ завѣтная
Обитель чернецовъ.

Монахи съ вѣрой пламенной
Во тьму вперили взоръ,
Вокругъ твердыни каменной
Ведутъ ночной дозоръ.

Среди мечей зазубренныхъ,
Въ священныхъ стихаряхъ,
И въ панцыряхъ изрубленныхъ,
И въ шлемахъ, и въ тафьяхъ,

Всю ночь они морозную
До утренней поры
Рукою держатъ грозною
Кресты иль топоры.

Священное ихъ пѣніе
Вторитъ высокій храмъ,
Желѣзное терпѣніе
На диво ихъ врагамъ.

Не разъ, они, предъ битвою,
Презрѣвъ ночной покой,
Смиренною молитвою
Встрѣчали день златой;

Не разъ сверкая взорами,
Они въ глубокій ровъ
Сбивали шестоперами
Литовскихъ удальцовъ.

Ни на день въ ихъ обители
Гласъ Божій не затихъ;
Блаженные святители,
Въ окладахъ золотыхъ,

Глядятъ на нихъ съ любовію,
Святыхъ ликуетъ хоръ:
Они своею кровію
Литвѣ дадутъ отпоръ!

Но, чу! Тамъ пушка грянула,
Во тьмѣ огонь блеснулъ,
Рать вражая воспрянула,
Раздался трубный гулъ!..

Молитесь Богу, братія!
Начнется скоро бой!
Я слышу ихъ проклятія,
И гиканье, и вой;

Несчетными станицами
Идутъ они вдали,—
Приляжемъ за бойницами,
Раздуемъ фитили!

№ 65. *Розенгеймъ.* СМЕРТЬ ПАТРІАРХА ГЕРМОГЕНА.

Обездолена крамолой,
Въ безднѣ смуты утопая,
Какъ корабль, гонимый бурей,
Погибаетъ Русь святая.

На Москвѣ пануютъ ляхи,
И измѣной безпримѣрной
Нагло выбранъ ужъ на царство
Королевичъ иновѣрный.

И засѣвъ въ Кремлѣ, поляки
И измѣнники-бояре
Шумно, весело гуляютъ,
Словно въ бѣшеномъ угарѣ.

Вдругъ—нежданное извѣстье!
Все въ испугѣ, все въ смущеньи,—
Нижній Новгородъ поднялся!..
Собралося ополченье!

Князь Пожарскій воеводой
Выбранъ цѣлою землею
И съ могучей земской ратью
Скоро будетъ подъ Москвою!..

Истомленнаго страданьемъ
Въ узахъ тягостнаго плѣна,
Непощадно мучатъ ляхи
Патріарха Гермогена,

Вымогая, чтобъ святитель
Грознымъ пастырскимъ прещеньемъ
На Москву низовой рати
Задержалъ бы наступленье.

Но безсильны надъ владыкой
Все, и лесть, и истязанье:
Шлетъ святитель вѣрной рати
Не запретное посланье,

А въ глазахъ враговъ смущенныхъ
Онъ ее благословляетъ
И помочь ей благость Божью
Со слезами умоляетъ.

Изможденъ святитель пыткой,
Истощились старца силы,
И предъ нимъ ужъ ангелъ смерти
Отворяетъ дверь могилы.

Но душа его святая,
На порогѣ самомъ рая,
Все болѣетъ и томится
О судьбѣ родного края.

И въ предсмертной агоніи,
Помертвѣлыми устами,
Все о немъ онъ молитъ Бога—
Молитъ жарко, со слезами.

Вдругъ подвалъ сырой и смрадный,
Гдѣ въ оковахъ онъ томился,
Преисполнясь фиміамомъ,
Чуднымъ свѣтомъ озарился.

И предсталъ предъ страстотерпцемъ,
Убѣленный сѣдинами,
Въ черной инока одеждѣ
Нѣкій старецъ, ветхій днями.

И прозрѣньемъ духа свыше
Умирающій святитель
Угадалъ, что сей нежданный
Не отъ міра посѣтитель.

Былъ то Сергій преподобный,
Радонежскій чудотворецъ,
Вѣстникъ милости Господней,
Божьей правды ратоборецъ;

Неустанный, неумолчный,
Передъ благостью небесной,
За святую Русь предстатель
И молитвенникъ болѣзный;

Кто своимъ благословеньемъ,
Въ пору бѣдствія иного,
Укрѣпилъ на бой съ Мамаемъ
Князя Дмитрія Донского.

„Миръ тебѣ, мой братъ о Богѣ—
Кротко молвилъ гость чудесный,—
Услыхалъ твою молитву
Сердцевѣдецъ Царь небесный.

На твое за Русь родную
Призирая сокрушенье,
Онъ тебѣ, мой братъ, со мною
Посылаетъ утѣшенье.

Шлетъ тебѣ Онъ благовѣстье:
Отжени тоску сомнѣнья,
Не погибнетъ Русь святая,
Близокъ часъ ея спасенья.

Не погибнетъ Русь святая.
Врагъ надъ ней не вознесется,—
Сила земская возстала...
Братъ мой, вѣруй! Русь спасется.

Эта сила Русь во вѣки
Не продастъ и не обманетъ,
Эта сила скоро, скоро
Подъ Москвою грозно станетъ.

Грозно схватится съ врагами
И пробьетъ къ Москвѣ дорогу,
И въ Кремлѣ завѣтномъ скоро
Грянетъ „Слава въ вышнихъ Богу“.

Сокровенны для живущихъ
Тайны Божья провидѣнья!
Но тебѣ Господь, въ часъ смертный,
Посылаетъ откровенье:

Аки золото въ горнилѣ
Огнь палящій очищаетъ,
Какъ булатъ на наковальнѣ
Подъ ударами крѣпчаетъ;

Какъ въ природѣ бури, грозы,
Сокрушая то, что хило,
Возбуждаютъ, укрѣпляютъ
Все, что здраво, въ чемъ есть сила;—

Такъ, въ путяхъ непостижимый,
Днями скорби и страданья
Воспитуетъ Богъ народы
На великое призванье.

Братъ мой, внемли, возвѣщаю
Волю Господа святую:
Ждетъ удѣлъ великій въ мірѣ
Нашу родину земную.

Будетъ время, средь народовъ
Русь высоко вознесется,
Но тяжелыми путями
Пробиваться ей придется.

И не разъ еще случится
Ей извѣдать горе злое,
Гнетъ неволи и безправья,
Горе смуты и крамолы,

Пришлыхъ хищниковъ обиды,
Скорби всяческой невзгоды;
Будутъ грозно подыматься
На нее войной народы,

Устроять ей будутъ ковы,
Зломъ иль завистью объяты,
И свои лихіе люди,
И чужіе супостаты.

И не разъ казаться будетъ,
Что подъ гнетомъ бѣдъ и горя
Краю нашему родному
Не отбиться въ этомъ спорѣ,

Не изжить ему бездолья
Выше силы, выше мѣры;
Возликуютъ супостаты,
Усомнятся маловѣры.

Но и въ черную годину,
Посреди борьбы неравной,
Не погибнетъ Русь святая
И народъ нашъ православный,

И съ враждою, и съ бѣдою
Онъ управиться сумѣетъ,—
Все онъ, стойкій, переможетъ,
Все онъ, крѣпкій, одолѣетъ.

И дождется, и добьется
Онъ за всѣ свои невзгоды
Царства свѣта, царства правды,
Царства мира и свободы".

Смолкнулъ Божій благовѣстникъ,
Скрылось чудное видѣнье.
Старецъ взоръ возвелъ на небо
И воскликнулъ въ умиленьи:

„Русь не сгибнетъ! Русь спасется!
Боже благости великой!
Отпущаеши ты съ миромъ
Нынѣ, Господи Владыко,

Своего раба; прими же
Ты его въ свою обитель!"
И почилъ съ послѣднимъ словомъ
Успокоенный святитель.

Опочилъ онъ, русскимъ людямъ
Крѣпко вѣрить завѣщая,
Что отъ всяческой невзгоды
Отстоится Русь святая.

№ 66. КОЗЬМА МИНИНЪ И КНЯЗЬ ПОЖАРСКІЙ.

Историческая пѣсня.

Какъ въ старомъ то было городѣ,
Во славномъ и богатомъ Нижніемъ,
Какъ ужъ жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,

Богатый мѣщанинъ Кузьма Сухорукій сынъ.
Онъ собралъ-то себѣ войско изъ удалыхъ молодцовъ,
Изъ удалыхъ молодцовъ, нижегородскихъ купцовъ;
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взговорилъ:
„Охъ, вы гой еси товарищи, нижегородскіе купцы!
Оставляйте вы свои домы,
Покидайте вашихъ женъ, дѣтей,
Вы продайте все ваше злато-серебро,
Накупите себѣ вострыхъ копіевъ,
Вострыхъ копіевъ, булатныхъ ножей,
Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалова молодца,
Удалова молодца, воеводушку;
Пойдемъ-ко мы сражатися
За матушку за родную землю,
За родну землю, за матушку Москву:
Ужъ заполонили-то Москву проклятые народы Поляки злы!
Разобьемъ ихъ, много перевѣшаемъ,
Самого-то Сузмунда короля ихъ въ полонъ возьмемъ;
Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ жидовъ,
Нечестивыхъ жидовъ, поляковъ злыхъ!"
Ужъ какъ выбрали себѣ солдатушки, молодые ратнички,
Молодые ратнички, нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удалова молодца,
Удалова молодца воеводушку,
Изъ славнаго княжескаго роду —
Князя Дмитрія, по прозванію Пожарскаго,
За славный Москву-городъ сражатися,
Съ нечестивыми жидами-поляками войной бранитися.
Ужъ привелъ-то славный князь Пожарскій своихъ храбрыхъ воиновъ,
Привелъ ко московскіимъ стѣнамъ;
Становилъ-то славный князь Пожарскій своихъ добрыхъ воиновъ
У московскіихъ у крѣпкихъ стѣнъ;
Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско свое,
Какъ ужъ взговорилъ онъ своимъ храбрымъ воинамъ:
„Охъ, вы гой еси, храбрые солдатушки,
Храбрые солдатушки, нижегородскіе купцы!
Помолимся мы на святыя на врата, на Спасскія,
На пречистый образъ Спасителя!"
Помолившись, дѣло начали.
Какъ разбили-проломили святыя врата,
Ужъ взошли-то храбрые солдатушки въ бѣлокаменный Кремль,
Какъ и начали солдатушки Поляковъ колоть, рубить,
Колоть, рубить, въ большія кучи валить;
Самого-то Сузмунда въ полонъ взяли,
Въ полонъ взяли, руки-ноги ему вязали,
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.
Собиралися всѣ князья, бояре московскіе,

Собиралися думу думати.
Какъ и взговорютъ старшіе бояре, воеводы московскіе:
„Вы скажите, вы, бояре, кому царемъ у насъ быть?“
Какъ и взговорютъ бояре, воеводы московскіе:
„Выбираемъ мы себѣ въ цари
Изъ бояръ боярина славнаго —
Князя Дмитрія Пожарскаго сына“.
Какъ и взговоритъ боярамъ Пожарскій князь:
„Охъ, вы гой еси, бояре, воеводы московскіе!
Не достоинъ я такой почести отъ васъ,
Не могу принять я отъ васъ царства Московскаго.
Ужъ скажу же вамъ бояре, воеводы московскіе:
Ужъ мы выберемъ себѣ въ православные цари
Изъ славнаго, изъ богатаго дому Романова —
Михаила сына Θеодоровича“.
И выбирали себѣ бояре въ цари Михаила сына Θеодоровича.

№ 67. *Рылѣевъ.* ИВАНЪ СУСАНИНЪ.

— „Куда ты ведешь насъ? Не видно ни зги!“ —
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги:
„Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга,
Намъ, знать, не добраться съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно нарочно съ пути;
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!
Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ;
Но смерти отъ ляховъ вашъ царь не минуетъ!
Веди-жъ насъ, — такъ будетъ тебѣ за труды!
Иль бойся: недолго у насъ до бѣды!
Заставилъ всю ночь насъ пробиться съ мятелью...
Но что̀ тамъ чернѣетъ въ долинѣ за елью?“
— „Деревня!“ — сарматамъ въ отвѣтъ мужичокъ.—
„Вотъ гумна, заборы, а вотъ и мостокъ.
За мною! Въ ворота! Избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрѣта.
Войдите, не бойтесь!“ — „Ну, то-то, москаль! —
— Какая же, братцы, чертовская даль!
Такой я проклятой не видывалъ ночи!
Слѣпились отъ снѣга соколіи очи!
Жупанъ мой — хоть выжми, нѣтъ нитки сухой!“ —
Вошедъ, проворчалъ такъ сарматъ молодой.
„Вина намъ, хозяинъ! Мы смокли, иззябли!
Скорѣй!.. Но заставь насъ приняться за сабли!“
Вотъ скатерть простая на столъ постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша, и щи предъ гостями,
И хлѣбъ передъ каждымъ большими ломтями.
Въ окошницы вѣтеръ, бушуя, стучитъ;
Уныло и съ трескомъ лучина горитъ.
Давно ужъ за полночь! Сномъ крѣпкимъ объяты,
Лежатъ беззаботно по лавкамъ сарматы.
Всѣ въ дымной избушкѣ вкушаютъ покой;
Одинъ на сторожѣ, Сусанинъ сѣдой
Вполголоса молитъ въ углу у иконы
Царю молодому святой обороны.

Вдругъ кто-то къ воротамъ подъѣхалъ верхомъ.
Сусанинъ поднялся и къ двери тайкомъ...
— „Ты-ль это, родимый? А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь, — а вѣтеръ еще не затихъ.
Наводишь тоску лишь на сердце родныхъ!“
— „Приводитъ Самъ Богъ тебя къ этому дому!
Мой сынъ, поспѣшай же къ царю молодому;
Скажи Михаилу, чтобъ скрылся скорѣй;
Что гордые ляхи, по злобѣ своей,
Его потаенно убить замышляютъ
И новой бѣдою Москвѣ угрожаютъ!
Скажи, что Сусанинъ спасаетъ царя,
Любовью къ отчизнѣ и вѣрѣ горя.
Скажи, что спасенье — въ одномъ лишь побѣгѣ,
И что ужъ убійцы со мной на почлегѣ“. —
— „Но что ты затѣялъ! Подумай, родной!
Убьютъ тебя ляхи... Что будетъ со мной?
И съ юной сестрою, и съ матерью хилой?“ —
— „Творецъ защититъ васъ святой Своей силой!
Не дастъ Онъ погибнуть, родимые, вамъ:
Покровъ и помощникъ Онъ всѣмъ сиротамъ.
Прощай же, о, сынъ мой! Намъ дорого время!
И помни, — я гибну за русское племя!“
Рыдая, на лошадь Сусанинъ младой
Вскочилъ и помчался свистящей стрѣлой.
Луна между тѣмъ совершила полъ-круга;
Свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула вьюга;
На небѣ восточномъ зардѣлась заря;
Проснулись сарматы, злодѣи царя.
„Сусанинъ!“ — вскричали, — „что молишься Богу?
Теперь ужъ не время, — пора намъ въ дорогу!“
Оставивъ деревню шумящей толпой,
Въ лѣсъ темный вступаютъ окольной тропой.
Сусанинъ ведетъ ихъ... Вотъ утро настало,
И солнце сквозь вѣтви въ лѣсу засіяло.
То скроется быстро, то ярко блеснетъ,
То тускло засвѣтитъ, то вновь пропадетъ.
Стоятъ, не шелохнясь, и дубъ, и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза,
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, прошумитъ,
И дятелъ дуплистую иву долбитъ.
Другъ за другомъ идутъ въ молчаньи сарматы;
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый.
Ужъ солнце высоко сіяетъ съ небесъ;
Все глуше и диче становится лѣсъ, —
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними;
И сосны, и ели вѣтвями густыми,
Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.
Вотще на сторожѣ тревожное ухо:
Все въ томъ захолустьѣ и мертво, и глухо.
„Куда ты завелъ насъ?“ — ляхъ старый вскричалъ.
„Туда, куда нужно!“ — Сусанинъ сказалъ. —
„Убейте, замучьте! — Моя здѣсь могила!
Но знайте и рвитесь, — я спасъ Михаила!
Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской землѣ!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ
И душу измѣной свою не погубитъ“.
— „Злодѣй!“ — закричали враги, закипѣвъ, —
„Умрешь подъ мечами!“ — „Не страшенъ вашъ гнѣвъ:
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за царя и за Русь!“

— „Умри же!“ сарматы герою вскричали,
И сабли надъ старцемъ, свистя, засверкали.
„Погибни, предатель! Конецъ твой настaлъ!“
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ...
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила!

№ 68. ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА РОМАНОВА.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

„Что же вы, ребятушки, призадумалися,
Призадумалися, прикручинилися?
Или вы, ребятушки, каку слышали печаль?“
Какъ и взговоритъ дѣтина, добрый молодецъ:
„Иль не знаешь, ты, дѣтина, горя нашего?
Переставился во полуночи Василій царь,
И не знаемъ теперь, и не вѣдаемъ, — кому царемъ у насъ быть!“
Какъ взговоритъ дѣтина, добрый молодецъ:
„Позабудьте, братцы, горе общее!
Не возвратить вамъ царя бѣлаго,
Не оплакать его душу добрую!
Но скажу вамъ, братцы, вѣсточку новую:
Ужъ бояре воеводы намъ выбрали царя
Изъ славнаго, богатаго роду Романовыхъ,
Михаила сына Ѳедоровича“.

№ 69. СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Вы лѣса-ль мои, лѣсочки, лѣса темные,
Вы станы-ль мои, станочки, станы теплые!
Ужъ какъ вы ль, мои станочки, поразломлены,
Всѣ товарищи, всѣ пріятели поразловлены,
По злодѣйкамъ, по тюрьмамъ поразсожены.
Только я то ли, добрый молодецъ, не пойманъ былъ,
По прозваньицу меня звали Стенька, Разинъ сынъ.

Я не годъ гулялъ, и не два года,
Я гулялъ-то ровно тридцать лѣтъ.
Какъ пошелъ-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-рѣкѣ;
У Дунай-рѣки перевозъ кричалъ:
„Перевезите-ка меня, добра молодца,
На ту сторону на бѣлый камешекъ!“

На бѣломъ камешкѣ сталъ скончатися,
При кончинушкѣ сталъ наказывать,
Сталъ наказывать и выговаривать:
„Ахъ, вы милые сотоварищи!
Похороните меня, добра молодца,
Промежду трехъ дорогъ — первой питерской,
Другой владимирской, третьей кіевской.
Во въ правую ручку дайте саблю вострую,
Во въ лѣвую ручку калену стрѣлу,
Въ головахъ поставьте чуденъ диванъ крестъ,
Во въ ногахъ поставьте ворона коня.
Кто ни йдетъ, ни ѣдетъ мимо молодца,
Мимо молодца, всякъ помолится:
„Что не воръ ли лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
Тутъ лежитъ-то Стенька, Разинъ сынъ!“

Приходили тутъ сотоварищи,
Помолилися на чуденъ-дивенъ крестъ,
Тому-то братцы сдивовалися,
Стенькѣ Разину поклонялися:
„Ужъ ты встань-ка, сотоварищъ нашъ,
Ты возьми-ка въ руки саблю вострую,
Во въ лѣву руку калену стрѣлу,
Ты ударь-ка буйной палицей
По бедрамъ нашимъ широкіимъ!
Кабы знали мы, ужъ вѣдали,
Выручили бы съ бѣла́ камня,
Съ бѣла̀ камня, со Дунай-рѣки,
Со Дунай-рѣки, со широконькой.
Покажи-ка намъ златы латы тутъ,
Златы латы тутъ серпентинныя!“

Погрузили во Дунай-рѣку
Сотоварищи Стеньку Разина.
Со Дунай-рѣки сотоварищи
На Амуръ пошли думу думати;
У Амуръ-рѣки крута гора,
Крута гора высокая;
На той горѣ распрощалися,
Другъ другу поклонялися:
„Ужъ мы, братцы, разойдемтесь-ка,
Разойдемтесь-ка по дикимъ мѣстамъ!“

№ 70. *Суриковъ.* КАЗНЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

Точно море въ часъ прибоя,
Площадь красная гудитъ.
Что за говоръ что тамъ противъ
Мѣста лобнаго стоитъ?

Плаха черная далеко
Отъ себя бросаетъ тѣнь...
Нѣтъ ни облачка на небѣ...
Блещутъ главы... Ясенъ день.

Ярко съ неба свѣтитъ солнце
На кремлевскіе зубцы,
И вокругъ высокой плахи
Въ два ряда стоятъ стрѣльцы.

Вотъ толпа заколыхалась, —
Проложилъ дорогу кнутъ:
Той дороженькой на площадь
Стеньку Разина ведутъ.

Съ головы казацкой сбриты
Кудри черные, какъ смоль;
Но лица не измѣнили
Казни страхъ и пытки боль.

Такъ же мрачно и сурово,
Какъ и прежде смотритъ онъ, —
Передъ нимъ былое время
Возстаетъ, какъ яркій сонъ:

Дона тихаго приволье,
Волги матушки просторъ,
Гдѣ съ судовъ большихъ и малыхъ
Бралъ онъ съ вольницей поборъ.

Какъ онъ съ силою казацкой
Рыскалъ вихоремъ степнымъ,
И кичливое боярство
Трепетало передъ нимъ.

Душитъ злоба удалого,
Жжетъ огнемъ и давитъ грудь, —
Но тяжелые колодки
Съ ногъ не въ силахъ онъ смахнуть.

Съ болью тяжкою оставилъ
Въ это утро онъ тюрьму:
Жаль не жизни, а свободы,
Жалко волюшки ему.

Не придется Стенькѣ кликнуть
Кличъ казацкой голытьбѣ,
И призвать ее на помощь
Съ Дона тихаго къ себѣ.

Не удастся съ этой силой
Силу ратную тряхнуть, —
Воеводъ бояръ московскихъ
Въ три погибели согнуть.

Какъ подъ городомъ Симбирскомъ, —
(Думу думаетъ Степанъ) —
Рать казацкая побита,
Не побитъ лишь атаманъ.

Знать, ужъ долюшка такая,
Что не палъ казакъ въ бою,
И сберéгъ для черной плахи
Буйну голову свою.

Знать, ужъ долюшка такая,
Что на Донъ казакъ бѣжалъ,
На родной своей сторонкѣ
Въ поиманіе попалъ.

Не больна мнѣ та обида,
Та истома не горька,
Что московскіе бояре
Заковали казака.

Что на помостѣ высокомъ
Поплачусь я головой
За разгульныя потѣхи
Съ разудалой голытьбой.

Нѣтъ, мнѣ та больна обида,
Мнѣ горька истома та,
Что измѣнною неправдой
Голова моя взята!

Вотъ сейчасъ на смертной плахѣ
Срубятъ голову мою,
И казацкой алой кровью
Черный помостъ я полью...

Ой, ты Донъ ли мой родимый!
Волга — матушка рѣка!
Помяните добрымъ словомъ
Атамана казака!

Вотъ и помостъ передъ Стенькой...
Разинъ бровью не повелъ,
И на верхъ онъ, по ступенямъ,
Бодрой поступью взошелъ.

Поклонился онъ народу,
Помолился на соборъ...
И палачъ, въ рубахѣ красной,
Высоко взмахнулъ топоръ...

Ты прости, народъ крещеный!
Ты прости прощай, Москва!
И скатилась съ плечъ казацкихъ
Удалая голова.

№ 71. *Случевскій.* КОРОНА ПАТРІАРХА НИКОНА.

Есть въ патріаршей ризницѣ въ Москвѣ
Среди вещей, достойныхъ сохраненья,
Предметъ большого, важнаго значенья,
Дававшій пищу нѣкогда молвѣ,
Теперь въ немъ смыслъ живого поученья,
И этотъ смыслъ не трудно уловить...

Корона Никона! Въ ней — быть, или не быть
Царева друга, гордаго монаха,
Въ ней слѣдъ мечты, поднявшейся изъ праха;
И такъ и чувствуешь какой-то смутный страхъ,
Какъ бы стоишь у края грозной кручи...
Двумъ бурямъ не гудѣть изъ той же самой тучи,
Двумъ солнцамъ не свѣтить на тѣхъ же небесахъ!

И такъ и кажется: съ церковнаго амвона
Провозвѣстителемъ духовнаго закона
Онъ, Никонъ, шествуетъ народъ благословлять;
Покорный причтъ толпится; услужить
Торопится... На Никонѣ корона!
Вотъ эта самая. По узкому пути
Въ неясномъ шопотѣ проносится толпой,
Что будетъ лѣтописью, бывъ сперва молвою:
„Смотри, смотри! Бѣсъ вышелъ міръ пасти!
Два цѣнные вѣнца несетъ надъ головою,
Ихъ будетъ семь! Онъ въ злато облеченъ,
Идетъ святителемъ, въ немъ бѣсъ неузнаваемъ,
Въ святомъ писаніи онъ названъ Абадонъ...

Слыхали ль? Нѣтъ! Въ ночи къ палатѣ царской
Кольчатымъ зміемъ бѣсъ по лѣстницѣ вползалъ,
Игралъ съ вѣнцомъ царевымъ, проникалъ
Въ синклитъ духовный и въ совѣтъ боярскій...
Смотри, смотри, какъ шапка-то горитъ!
Царевъ вѣнецъ въ ней не по уставу!
То бѣсъ идетъ. Ведетъ свою ораву.
Онъ тѣхъ прожжетъ, кого благословитъ.“

Молва, молва. Въ твоемъ ли безпокойномъ
Живомъ сознаньѣ слышится порой,
Въ намекѣ быстромъ, въ помыслѣ нестройномъ,
Призывъ набатный силы вѣчевой!
Въ твоемъ ребяческомъ и странномъ измышленьѣ
Горитъ въ глубокой тьмѣ, въ таинственномъ прозрѣньѣ,
Сторожевая мысль по дремлющимъ умамъ!
Созданіямъ молвы, какъ дѣтямъ въ царство Бога,
Открыта издавна широкая дорога
До нѣдръ исторіи ко всѣмъ ея мощамъ...

Корона! Шутка ли? Забытая, нѣмая,
Объята грезою несбывшагося сна,
Она лежитъ теперь безмолвна и пышна,
Того, что думалось подъ ней, не разглашая.
Вокругъ оглавія поднялись лепестки,
Блестя алмазами, высоко проступили
И царственнымъ вѣнцомъ отвсюду окружили
Монашескій клобукъ, зажавъ его въ тиски.

Въ ней мысль воплощена, рожденная не даромъ,
Отвага въ ней была и на успѣхъ разсчетъ...
Въ ней были моръ и смрадъ, и вѣяло пожаромъ
Всего того, чѣмъ силенъ сталъ народъ!
Въ ней что-то чуждое во очію слагалось:
Къ родной намъ церкви язва присосалась.
Опаснымъ замысломъ былъ мощный умъ объятъ,
Годами бѣдъ и золъ неслыханныхъ чреватъ.

Но гдѣ-то тамъ внизу, въ толпахъ, сознали рано,
Стихійной силою, всей чуткостью своей,
Что можетъ взойти изъ гари и тумана
Двухъ перевившихся въ единое огней!
Борьбой неравною народъ могъ быть осиленъ!
Какъ съ патріархомъ быть, — онъ самъ пути нашелъ.
Вѣдь Никонъ — еретикъ, онъ книги перевелъ
Невѣрно съ истиной, въ нихъ рядъ уликъ обиленъ, —
И Никонъ палъ, и начался расколъ...

№ 72. *Д. С. Мережковскій.* ПРОТОПОПЪ АВВАКУМЪ.

1.

Горе вамъ, никоніане, вы глумитесь надъ Христомъ,—
Утверждаете вы церковь пыткой, плахой, да кнутомъ.
Но Господь за угнетенныхъ въ гнѣвѣ праведномъ возсталъ,
И прольется надъ землею Божьей ярости фіалъ.
Нашу свѣтлую Россію отдалъ дьяволу Господь:
Пусть же выкупятъ отчизну наши кости, кровь и плоть.
Укрѣпи меня, о Боже, на великую борьбу

И пошли мнѣ мощь Сампсона, недостойному рабу...
Какъ въ пустынѣ вопіющій, я на торжищахъ взывалъ
И въ палатахъ, и въ лачугахъ сильныхъ міра обличалъ.
Помню, помню дни гоненья: вотъ въ цѣпяхъ меня ведутъ
Къ нечестивому синклиту, какъ разбойника на судъ.
Сорокъ мудрыхъ іереевъ издѣвались надо мной.
И разжегся духъ мой гнѣвомъ,—поднялъ крестъ я надъ главой
И въ лицо злодѣямъ плюнулъ и, какъ зайцы по кустамъ,
Все антихристово войско разбѣжалось по угламъ.
„Будьте прокляты,—я крикнулъ,—вамъ позоръ изъ рода въ родъ,
Задушили правду Божью, погубили вы народъ.“
Но стрѣльцовъ они позвали, ополчились на меня.
Рѣчи полны лютой брани, очи—лютаго огня,
И какъ волки обступили, кулаками мнѣ грозятъ:
„Еретикъ насъ обезчестилъ, на костеръ его,“—кричатъ.
То не бѣсы мчатся съ крикомъ чрезъ болото и пустырь,—
Чернецы ведутъ разстригу Аввакума въ монастырь.
Привезли меня въ Андроньевъ,—тутъ и бросили въ тюрьму,
Какъ скотину, безъ соломы,—прямо въ холодъ, смрадъ и тьму.

2.

Я три дня лежалъ безъ пищи,—наступалъ четвертый день...
Былъ то сонъ, или видѣнье,—я не вѣдаю. Сквозь тѣнь—
Вижу двери отворились, и волною хлынулъ свѣтъ,
Кто-то чудный мнѣ явился, въ ризы бѣлыя одѣтъ.
Онъ принесъ коврижку хлѣба, онъ мнѣ далъ немного щецъ:
„На, Петровичъ, ѣшь, родимый,“—и любовно, какъ отецъ,
Смотритъ въ очи, тихо пальцы онъ кладетъ мнѣ на чело,
И руки прикосновенье братски нѣжно и тепло.
И счастливый, и дрожащій, я припалъ къ его ногамъ
И края святой одежды прижималъ къ моимъ устамъ.
И шепталъ я, какъ безумный: „Дай мнѣ муки претерпѣть,
Свѣтъ Христосъ, родной, желанный,—за тебя бы умереть...“

3.

Это было во Устюгѣ: разъ, я помню, ввечеру
Старца Божьяго Кирилла привели мнѣ въ конуру.
Съ нимъ въ тюрьмѣ я прожилъ мѣсяцъ; былъ онъ праведникъ душой,
Но безумнымъ притворялся, полонъ ревности святой.
Все-то пляшетъ и смѣется, все вполголоса поетъ,
И, качаясь, вмѣсто бубновъ, кандалами мѣрно бьетъ,
День юродствуетъ, а ночью на молитвѣ онъ стоитъ,
И горячими слезами цѣпи мученикъ кропитъ.

Я любилъ его; онъ тяжкимъ былъ недугомъ одержимъ.
Бѣдный другъ, какъ за ребенкомъ, я ухаживалъ за нимъ.
Онъ страдать умѣлъ такъ кротко: весь въ жару изнемогалъ,
Но съ пылающаго тѣла власяницы не снималъ.
Я печальный голосъ брата до сихъ поръ забыть не могъ:
„Дай мнѣ пить“—бывало, скажетъ; взоръ такъ нѣженъ и глубокъ.
На рукахъ моихъ онъ умеръ; безмятежно и свѣтло,
Какъ у спящаго младенца, было мертвое чело.
И покойника, прощаясь, я въ уста поцѣловалъ:
„Спи, Кириллушка, сердечный, спи,—ты много пострадалъ,
Надъ твоей могилой тихой херувимы сторожатъ;
Спи же, другъ, легко и сладко, отдохни, усталый братъ.“

4.

Въ конурѣ моей подземной я покинутъ былъ опять,
Поглупѣлъ совсѣмъ отъ горя: день и ночь въ углу сидишь,
Да замерзшими ногами въ землю до крови стучишь.
Если-жъ солнце въ щель заглянетъ и блеснетъ на кирпичѣ,
И закружатся пылинки въ золотомъ его лучѣ,—
Я смотрѣлъ, какъ паутина сѣткой радужной горитъ,
И паукъ летунью-мошку терпѣливо сторожитъ.
На зарѣ я слушалъ часто, ухо къ щели приложивъ,
Какъ въ лазури крикъ касатокъ беззаботенъ и счастливъ.
Сердцу воля вспоминалась, шумъ деревьевъ, небеса,
И далекая деревня, и родимые лѣса.

5.

Изъ Москвы велятъ указомъ, чтобъ на самый край земли
Аввакума протопопа въ ссылку вѣчную везли.
Десять тысячъ верстъ въ Сибири, въ тундрахъ, дебряхъ и лѣсахъ
Волочился я на дровняхъ, на телѣгахъ и плотахъ.
Ты одинъ, Владыка, знаешь, сколько мукъ я перенесъ:
Хлѣбъ не сладокъ былъ отъ горя, и вода горька отъ слезъ.
На Шаманскихъ водопадахъ, на Тунгузкѣ я тонулъ,
Замерзалъ въ сугробахъ, лямку съ бурлаками я тянулъ.
Безъ пріюта, безъ одежды, насыщался я порой
То поганою кониной, то сосновою корой.
Пять недѣль мы шли по Нерчи, пять недѣль—все голый ледъ.
Дѣтокъ съ рухлядью въ обозѣ лошаденка чуть везетъ.
Мы съ женою вслѣдъ за ними, убиваючись, идемъ;
Скользко, ноги еле держатъ. Полумертвые бредемъ.
Протопопица, бывало, поскользнется, упадетъ.
На нее мужикъ усталый изъ обоза набредетъ,

Тоже валится, и оба на снѣгу они лежать,
„Задавилъ меня ты, батько.“—„Государыня, прости!“
Что тутъ дѣлать,—смѣхъ и горе, и спѣшу къ нимъ подойти,
И бранитъ меня съ улыбкой, и бредетъ она опять:
„Протопопъ ты горемычный, долго-ль намъ еще страдать?“
„Видно, Марковна, до смерти.“ Тихо съ ласковымъ лицомъ:
„Что-жъ, Петровичъ, отвѣчаетъ, съ Богомъ дальше побредемъ.“

6.

Вижу, меркнетъ Божья вѣра, тьма полночная растетъ,
Вижу, льется кровь невинныхъ, братъ на брата возстаетъ.
Что же дѣлать мнѣ. Бороться и неправду обличать.
Иль, скрываясь отъ гоненій, покориться и молчать.
Жаль мнѣ Марковны и дѣтокъ, жаль мнѣ свѣтиковъ моихъ:
Какъ ихъ бросить безъ защиты; горько, страшно мнѣ за нихъ.
И сидѣлъ въ нѣмомъ раздумьѣ я, поникнувъ головой.
Но жена ко мнѣ подходитъ. Тихо молвитъ: „Что съ тобой?
Отчего ты такъ кручиненъ?“—„Дорогая, жаль мнѣ васъ.
Чуетъ сердце: я погибну, близокъ мой послѣдній часъ.
На кого тебя оставлю.“ Съ нѣжной ласкою въ очахъ:
„Что ты, Богъ съ тобой, Петровичъ, молвитъ,—тамъ—на небесахъ
Есть у насъ Ходатай вѣчный, ты же—бренный человѣкъ.
Онъ—Заступникъ вдовъ и сиротъ, не покинетъ насъ во вѣкъ:
Будь же веселъ и спокоенъ, насъ въ молитвахъ поминай,
Еретическую блудню предъ народомъ обличай.
Встань, родимый, что тутъ думать, встань, поди скорѣй во храмъ.
Проповѣдуй слово Божье...“

7.

Смерть пришла... Сегодня утромъ предъ народомъ поведутъ
На костеръ меня, разстригу, и съ проклятьями сожгутъ.
Но звучитъ мнѣ чей-то голосъ и зоветъ онъ въ тишинѣ:
„Аввакумушка мой бѣдный, ты усталъ, приди ко Мнѣ.“
„Дай мнѣ, Боже, хоть послѣдній уголокъ въ Твоемъ раю,
Только-бъ видѣть милыхъ дѣтокъ, видѣть Марковну мою.
Потрудился я для правды, не берегъ послѣднихъ силъ:
Тридцать лѣтъ, никоніане, я жестоко васъ бранилъ.
Если чѣмъ-нибудь обидѣлъ,—вы простите дураку:
Вѣдь и мнѣ пришлось не мало натерпѣться, старику...
Вы простите, не сердитесь,—всѣ мы братья о Христѣ,
И за всѣхъ насъ, злыхъ и добрыхъ, умиралъ Онъ на крестѣ;
Такъ возлюбимъ же другъ друга,—вотъ послѣдній мой завѣтъ.
Все въ любви,—законъ и вѣра... Выше заповѣди нѣтъ.“

№ 73. *А. Толстой.* МАЛОРОССІЯ.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый?

Шумя, тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струей?

Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Туда, гдѣ сердцу было такъ легко,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететъ Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицко,
И парубки, кружась на пожнѣ гладкой,
Взрываютъ пыль веселою присядкой.

Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ,
Среди степей курганъ временъ Батыя,
Вдали стада пасущихся воловъ,
Обозовъ скрипъ, ковры цвѣтущей гречи?
И вы, чубы, остатки славной сѣчи?

Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
Когда росой подсолнечникъ блеститъ,
Такъ звонко льется жаворонка пѣнье,
Стада блеютъ, а колоколъ гудитъ,
И въ Божій храмъ, увѣнчаны цвѣтами,
Идутъ казачки пестрыми толпами?

Ты помнишь ночь надъ спящею Украйной,
Когда сѣдой вставалъ съ болота паръ,
Одѣтъ былъ міръ и сумракомъ и тайной,
Блисталъ надъ степью искрами пожаръ,
И мнилось намъ: черезъ туманъ прозрачный
Несутся вновь Палѣй и Сагайдачный?

Ты знаешь край, гдѣ съ Русью бились ляхи,
Гдѣ столько тѣлъ лежало средь полей?
Ты знаешь край, гдѣ нѣкогда у плахи
Мазепу клялъ упрямый Кочубей?
И много гдѣ пролито крови славной
Въ честь древнихъ правъ и вѣры православной?

Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды
Межъ береговъ осиротѣлыхъ льетъ.
Надъ нимъ дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросшій входъ.
Надъ дверью щитъ съ гетманской булавою
Туда, туда стремлюся я душою!

№ 74. *Гребенка.* ОТРЫВКИ ИЗЪ ДРАМЫ „БОГДАНЪ“.

Дѣйствіе представляетъ собою ночь на берегу рѣки, являются русалки и различные духи, повѣствующіе про свое существованіе на землѣ.

Тѣнь Павлюка.

Я—Павлюкъ, я гетманъ христіанъ казаковъ;
Я оружье поднялъ на поганыхъ жидовъ:
Не позволилъ мнѣ жидъ сына въ церкви вѣнчать,
Я былъ бѣденъ, не могъ ему золота дать.
Кое-какъ по дворамъ я собралъ казаковъ,
И къ нему я привелъ пятьдесятъ удальцовъ;
Сабли мы на голо: „Жидъ молчи, не ворчи,
И отъ церкви святой подавай намъ ключи“.
Жидъ намъ подалъ ключи,—повалился къ ногамъ;
Мы, оставя его, поспѣшили во храмъ.

Обвѣнчался мой сынъ тамъ съ коханкой своей
При сіяньи свѣчей и при блескѣ мечей.
На завтра жидъ поѣхалъ къ воеводѣ.
Всегда жидъ правъ передъ казакомъ вольнымъ:
Такъ изстари ведется у поляковъ.
Не ждать же мнѣ бѣды, поджавши руки,
Не баба я,—конь есть, лѣсъ подъ бокомъ...
Прощай село,—въ лѣсу да въ полѣ воля.
Ко мнѣ пристали смѣлые ребята
И назвали меня своимъ гетманомъ.
А между тѣмъ въ Варшавѣ огласили
Меня измѣнникомъ, бунтовщикомъ,
И оцѣнили даже голову мою.
Подъ Боровицей насъ поляки окружили
И, крестъ цѣлуя, предложили миръ.
Повѣрилъ я,—и мы оружье положили,
Оставили окопы, вышли въ поле.
Тогда, забывъ и клятву, и присягу,
На беззащитныхъ насъ накинулись поляки,
И, какъ овецъ, ножами стали рѣзать...
Меня-жъ и войсковыхъ старшинъ
Отправили въ далекую Варшаву.
При мнѣ моихъ друзей казнили.
Я вытерпѣлъ неслыханныя муки:
Съ меня живого сняли кожу
И чучело набили для потѣхи,
А тѣло бросили собакамъ.

Тѣнь Остраницы.

Я былъ гетманъ казачій Остраница.
Я побѣдилъ враговъ моихъ поляковъ
И, заключивъ на вѣки съ ними миръ,
Поѣхалъ Богу помолиться въ Каневъ.
Въ монастырѣ, предъ царскими вратами,
Я палъ во прахъ съ моими старшинами
И въ пламенныхъ рѣчахъ благодарилъ
  Подъ пѣніе торжественной молитвы
  Того, Кто насъ во время битвы
  Рукой невидимой хранилъ.
Во глубинѣ души какой-то голосъ тайный
  Судьбу грядущую Украйны
  Мнѣ утѣшительно шепталъ;
  Мои глаза въ слезахъ блистали,
И я въ восторгѣ трепеталъ.
  Но двери вдругъ, треща на петляхъ, завизжали
  И рухнули, гремя, на полъ,—
И въ монастырь неистовой толпой
Безчинно въ шапкахъ, съ бранью на устахъ,
  Ворвались польскіе рейтары.
  Тутъ я съ своими старшинами
  Былъ взятъ, былъ связанъ, опозоренъ
  И отвезенъ въ Варшаву.
Однимъ изъ насъ ломали руки, ноги,
Другихъ, обливши сѣрой и смолой,
Какъ факелы, для шутки зажигали.
Меня желѣзными когтями растерзали.
О, страшно какъ, ужасно какъ ласкали,
Впивалися въ меня съ какой любовью
Пауковидныя стальныя эти когти.
Какъ нити, жилы изъ меня тянулись
И обрывались съ тихимъ лопаньемъ и трескомъ,
И вѣтеръ холодомъ невыносимымъ вѣялъ
На обнаженныя отъ тѣла кости;
Но я терпѣлъ безъ вопля и безъ стона
  И только слалъ врагамъ проклятья.
Но вотъ ужъ свѣтъ въ моихъ глазахъ стемнѣлъ,
Въ послѣдній разъ я посмотрѣлъ на землю
И вижу я: казнятъ позорной казнью
  Передо мной мою жену,
А на горячихъ угольяхъ, какъ рыбу,
Поляки жарятъ моего ребенка...
Онъ на рѣшеткѣ раскаленной бьется
И корчится и въ судорогахъ предсмертныхъ
Болѣзненно киваетъ головою
И на меня тихонько ручкой машетъ...
Я задрожалъ,—взяла свое природа,—
И вылетѣлъ ужасный вопль изъ груди,
И съ нимъ душа изъ тѣла улетѣла.

Тѣнь Наливайки.

За Сулой подъ Лубнами
Крѣпко бились ляхи съ нами,
Окруживъ со всѣхъ сторонъ;
Тамъ костьми легли казаки.
И въ пылу кровавой драки
Я Жолкѣвскимъ взятъ въ полонъ
И въ Варшавѣ былъ примѣрно,
Для забавы буйной черни,
Я неслыханно казненъ.
Въ мѣдный чанъ меня забили,
А подъ чаномъ разложили
Тихій медленный огонь.
Въ чанѣ жарко, душно стало;
И шумѣло, и трещало,
И какъ будто цѣловало
Пламя чанъ со всѣхъ сторонъ.
Все вокругъ меня краснѣло,—
Принялъ чанъ кровавый цвѣтъ:
Въ тьмѣ разлился жаркій свѣтъ;
А на мнѣ одежда тлѣла,
Трескалось отъ жару тѣло...
Я неслыханно страдалъ:
Пламень съ воздухомъ глоталъ,
Сердце страшно въ груди билось,
Голова моя кружилась,—
И безъ чувства я упалъ...

№ 75. *Гребенка*. УКРАИНСКІЙ БАРДЪ.

Тамъ, гдѣ быстрая Сула
Лентой по степи пошла,
На полянахъ солоницы
Коней дикая станица
Безъ боязни воду пьетъ;
Гдѣ ковыль какъ снѣгъ бѣлѣетъ,
Пудовой арбузъ растетъ,
Золотая дыня зрѣетъ,
И въ зерцало глубины
Гордо смотрятся Лубны,
Тамъ широкими степями
Мчатся вольные полки,
Мчатся наши казаки.
Степи стонутъ подъ копями:
То за родину войной
Наливайко поднялъ знамя,—
Ляхамъ всюду мечъ и пламя
И постель въ землѣ сырой.
Полководецъ Польши дерзкой,
Несговорчивый Жолкевскій,
На Украину идетъ.
Знамя Рѣчи Посполитой
Вьется, въ воздухѣ развито;
Къ бою войско знака ждетъ.
Ляхъ—по виду непреклонный,
Рабъ ксендзовъ и богачей,—
И казакъ—душою вольный,
Зря врага, самодовольный,—
Другъ на друга мечутъ взглядъ:
Въ немъ пылаетъ мести ядъ.

„Полно вамъ въ неволѣ жить,—
Началъ гетманъ говорить,—
Много мы и такъ терпѣли:
Уніаты захотѣли
Нашъ святой законъ попрать,
Всюду польскіе костелы,
Всюду езуитовъ школы
Самовластно утверждать.
Пусть дадутъ по крайней мѣрѣ
Умереть въ отцовской вѣрѣ.
Будетъ и была чиста
Наша вѣра во Христа.“

Онъ сказалъ и въ бой великій,
Смертоносный полетѣлъ...
Огласилось поле крикомъ,
Громъ орудій загремѣлъ...
Видно, такъ, судьба судила.
Богъ Украйну наказалъ:
Наливайко въ плѣнъ попалъ;
Наша слава пріуныла;
На украинскихъ степяхъ

Побѣдилъ счастливый врагъ.
Тамъ, далеко за границей,
Въ католической столицѣ,
Къ площади народъ спѣшитъ:
Тамъ на мѣстѣ возвышенномъ,
Въ мѣдномъ чанѣ раскаленномъ,
Плѣнника хотятъ казнить.
. . . .
. . . .
Умеръ онъ за вольность края
И за вѣру пострадалъ.

№ 76. *Рылѣевъ.* ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ „НАЛИВАЙКО".

Разговоръ Наливайки съ Лободой.

— Ты другъ давно мнѣ, Лобода,
Давно твои я чувства знаю,
Твою любовь къ родному краю
Я уважалъ, я чтилъ всегда;
Ты ненавидишь какъ злодѣевъ
И дерзкихъ ляховъ, и евреевъ,
Но ты—отецъ, но ты—супругъ,
А ужъ давно пора, мой другъ,
Быть не мужьями, а мужами.
Всѣхъ оковалъ какой-то страхъ
Всѣ пресмыкаются рабами,
И дерзостно надменный ляхъ
Ругается надъ казаками...

— Ты правъ, мой другъ: люблю родныхъ;
Мнѣ тяжко видѣть ихъ въ неволѣ,
Всѣмъ жертвовать готовъ для нихъ,
Но родину люблю я болѣ.
Нѣтъ, не одна къ женѣ любовь,
Мой умъ быть осторожнѣй учитъ,—
Нерѣдко дума сердце мучитъ:
Не тщетно ли прольется кровь?
Что, если снова неудача?
Вотъ я чего, мой другъ, боюсь:
Тогда, тогда святая Русь
Навѣкъ страною будетъ плача.

Забывъ вражду великодушно,
Движенью тайному послушный,
Быть-можетъ, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вѣковыя оскорбленья
Тиранамъ родины прощать
И стыдъ обиды оставлять
Безъ справедливаго отмщенья
Не въ силахъ я; одинъ лишь рабъ
Такъ можетъ быть и подлъ, и слабъ.
Могу ли равнодушно видѣть
Порабощенныхъ земляковъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Мой жребій—ненавидѣть
Равно тирановъ и рабовъ!

Исповѣдь Наливайки.

— Не говори, отецъ святой,
Что это—грѣхъ! Слова напрасны:
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный...
Чтобъ Малороссіи родной,
Чтобъ только русскому народу
Вновь возвратить его свободу,
Грѣхи татаръ, грѣхи жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ преступленія сарматовъ
Я на душу принять готовъ.
Итакъ, ужъ не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай!
Мой адъ—Украйну зрѣть въ неволѣ,
Ее свободной видѣть—рай!..
Еще отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ;
Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.
Тогда, объятый низкимъ страхомъ,
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ;

Казакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ,
Но все исчезло, какъ призракъ.
Уже давно узналъ казакъ
Въ своихъ союзникахъ тирановъ.
Жидъ, уніатъ, литвинъ, полякъ,
Какъ стая кровожадныхъ врановъ,
Терзаютъ безпощадно насъ.
Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
Вотще народный слышенъ гласъ,
Ему никто, никто не внемлетъ...
Къ полякамъ ненависть съ тѣхъ поръ
Во мнѣ кипитъ, и кровь бушуетъ,
Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ;
Душа безъ вольности тоскуетъ.
Одна мечта и ночь, и день
Меня преслѣдуетъ, какъ тѣнь;
Она мнѣ не даетъ покоя
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
„Пора!—мнѣ шепчетъ голосъ тайный.—
Пора губить враговъ Украйны"...
Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
И это чувствую, я знаю;
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю

№ 77. *Рылѣевъ.* БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ.

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда лишь въ полдень проникалъ,
Скользя по сводамъ, лучъ денницы
И ужасъ мѣста озарялъ,—
Въ цѣпяхъ, и грозный, и угрюмый,
Лежалъ Хмѣльницкій на землѣ;
Въ немъ мрачныя кипѣли думы
И выражались на челѣ.

Темницы мертвое молчанье
Ни стонъ, ни вздохъ не нарушалъ;
Надежду мести и страданье
Герой въ груди своей питалъ.
„Такъ, такъ,—онъ думалъ,—часъ настанетъ:
Освобожденный отъ оковъ,
Забытый узникъ бурей грянетъ
На притѣснителей-враговъ.

Отмститъ холодное презрѣнье
Къ священнѣйшимъ правамъ людей;
Отмститъ убійства и хищенье,
Безчестье женъ и дочерей;
Позорныя разрушитъ цѣпи
И рабства сокрушитъ кумиръ,
Вновь водворитъ въ родныя степи
Съ святой свободой тихій миръ.
Покроетъ ржа враговъ кольчуги,
И прахъ ихъ вѣтеръ разнесетъ,
Застонутъ нѣжные супруги,
И мать дѣтей не обойметъ.
А ты, пришлецъ иноплеменный,
Тиранъ родной страны моей,
Мучитель мой ожесточенный,
Чаплицкій, трепещи, злодѣй.

За кровь пролитую, за слезы
И женъ, и старцевъ, и сиротъ,
За все—и за сіи желѣзы
Тебя мое отмщенье ждетъ.
Но гдѣ о вольности мечтаю?
Увы, въ темницѣ дни влача,
Свой вѣкъ, быть-можетъ, окончаю
Отъ рукъ презрѣнныхъ палача.

И долго, можетъ-быть, стеная
Подъ тяжкимъ бременемъ оковъ,
Хмѣльницкаго страна родная
Пребудетъ жертвою враговъ!"
Чела страдальца видъ суровый
Мрачнѣе сталъ отъ думы сей,
И на заржавыя оковы
Упали слезы изъ очей.

Вдругъ слышитъ: загремѣли створы,
Со скрипомъ дверь отворена,
И входитъ, потупляя взоры,
Младая, робкая жена.
— „Кто ты?—Хмѣльницкій изумленный
Представшей незнакомкѣ рекъ.—
Оковы-ль снять... О, часъ блаженный!
О, если-бъ этотъ часъ притекъ!

Или съ жестокою душою,
Съ презрѣньемъ хладнымъ на очахъ,
Ты не пришла ли надо мною
Ругаться, зря меня въ цѣпяхъ?“
— „О, нѣтъ!—привѣтно произноситъ:.—
Въ душѣ любви питая жаръ,
Жена Чаплицкаго приноситъ
Тебѣ съ рукой свободу въ даръ“.

— „Жена Чаплицкаго!“—„Мученье
И вмѣстѣ мужество твое
Вдохнули въ душу мнѣ почтенье
И сердце тронули мое:
Я полюбила—и пылала
Изъ сихъ оковъ тебя извлечь;
Я связь съ тираномъ разорвала;
Будь мой!“—„Я твой!“—„Прими свой мечъ!“
— „Мой мечъ! — Хмѣльницкій восклицаетъ.—
Живъ Богъ,—и ты погибъ, злодѣй,
Заря свободы засіяетъ
Отъ блеска мстительныхъ мечей“.
Сребрила долъ царица ночи,
Въ брега волною Днѣпръ плескалъ;
Опѣнивъ удила, у рощи
Нетерпѣливый конь стоялъ.

Герой вскочилъ, веселья полный,
Летитъ—и зритъ поля отцовъ,
И вкругъ его, какъ моря волны,
Рои толпятся казаковъ.
— „Друзья!—онъ къ храбрымъ восклицаетъ.—
За мной, чью грудь волнуетъ месть,
Кто рабству смерть предпочитаетъ,
Кому всего дороже честь.

Самъ Богъ поборникъ угнетеннымъ.
Вожди—рѣшительность и я.
Навстрѣчу ко врагамъ презрѣннымъ,
На Воды Желтыя, друзья!“
И вотъ сошлися два народа:
И съ яростью вступила въ бой
Съ тиранствомъ бодрая свобода,
Кипя отвагой молодой.

Сарматъ, и храбрый, и надменный,
Вотще упорствовать хотѣлъ;
Вотще, разбитый, побѣжденный,
Бѣжалъ мечей и мѣткихъ стрѣлъ.
Преслѣдуя, какъ ангелъ мщенья,
Герой вездѣ враговъ сражалъ,
И трупы ихъ безъ погребенья
Волкамъ въ добычу разметалъ.

И воцарилася свобода
Съ тѣхъ поръ въ украинскихъ степяхъ,
И стала съ счастіемъ народа
Цвѣсть въ селахъ и градахъ.
И чтя посломъ небесъ желаннымъ,
Въ замѣну всѣхъ наградъ и хвалъ,
Вождя-героя „Богомъ даннымъ“
Народа общій гласъ назвалъ.

№ 78. *Рылѣевъ.* АРТЕМОНЪ МАТВѢЕВЪ.

Мужъ знаменитый, другъ добра,
Бояринъ Артемонъ Матвѣевъ
Былъ сосланъ въ ссылку отъ двора
По клеветамъ своихъ злодѣевъ.
Семь лѣтъ томился онъ въ глуши;
Семь лѣтъ позоръ и стыдъ изгнанья
Сносилъ съ величіемъ души,
Безъ слезъ, безъ скорби и роптанья.

„Когда защитникъ намъ законъ
И совѣсть сердца не тревожитъ,
Тогда ни ссылка, думалъ онъ,
Ни казнь позорить насъ не можетъ.
Бывъ другомъ добраго царя,
Народа русскаго любимецъ,
Всегда въ душѣ спокоенъ я
И въ злополучіи счастливецъ.

„Для блага сограждан моихъ
Усилія мои не тщетны,
Коль всюду слышу я за нихъ
Гласъ благодарности привѣтной.
Всѣ козни злыхъ клеветниковъ
Потомству время обнаружитъ,
И ненависть моихъ враговъ
Къ безславію для нихъ послужитъ.

„Пускай передъ царемъ меня
Чернитъ и клевета, и злоба.
Предъ ними не унижусь я:
Мнѣ честь сопутницей до гроба.
Щитомъ противъ коварства стрѣлъ
Среди моей позорной ссылки —
Воспоминанье добрыхъ дѣлъ
И духъ къ добру, какъ прежде, пылкій.

„Того не потемнится честь,
Кому, почтивъ дѣла благія,
Народъ не пощадилъ принесть
Въ даръ камни предковъ гробовые.
Опалой царской не лишенъ
Я гордости той благородной,
Которой только одаренъ
Мужъ справедливый и свободный.

„Пустозерска дикій видъ,
Угрюмая его природа
Не въ силахъ твердости лишитъ
Благотворителя народа.

Своей покорствуя судьбѣ,
Быть твердымъ всюду я умѣю;
Жалѣю я не о себѣ,
Я болѣ о царѣ жалѣю.

„На страшной трона высотѣ
Необходима прозорливость.
О, государь, внявъ клеветѣ,
Ты оказалъ несправедливость!
Меня ты въ ссылку осудилъ
За то-ль, что я служилъ полвѣка.
Но я давно тебя простилъ,
О, царь, простилъ, какъ человѣка.

„Близь трона, притаясь, всегда
Гнѣздятся лесть и вѣроломство,
Сколь много для царей труда!
Дѣяній ихъ судьей—потомство.
Увы, его склонить нельзя
Ни златомъ блещущимъ, ни страхомъ:
Нелицемѣрный сей судья
Творитъ свой приговоръ надъ прахомъ".

Такъ изгнанный мечталъ въ глуши,
Неся позорной ссылки бремя, —
И правоту его души
Предъ свѣтомъ оправдало время:
Другъ истины и другъ добра,
Горя къ отечеству любовью,
Палъ мертвъ за юнаго Петра,
Запечатлѣвъ невинность кровью.

№ 79. НА РОЖДЕНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Какъ свѣтелъ, радошенъ въ Москвѣ
Благовѣрный царь Алексѣй Михайловичъ,
Народилъ Богъ ему сына царевича Петра Алексѣевича,
Перваго Императора по землѣ.
Всѣ-то русскіе плотники мастеры
Во всю ноченьку не спали, колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу;
А и нянюшки мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали, шириночку вышивали
По бѣлому рытому бархату онѣ краснымъ золотомъ;
Тюрьмы съ покаянными, онѣ всѣ распущалися;
А и погребы царскіе, они всѣ растворялися.

А у царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости,
А князи сбиралися, бояре съѣзжалися и дворяне сходилися,
А все народъ Божій, на пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются.
Во весельи, въ радости не видали, какъ дни прошли
Для младаго царевича Петра Алексѣевича,
Перваго Императора.
. . . .

№ 80. СТРѢЛЕЦКОЕ СКАЗАНІЕ О ЦАРЕВНѢ СОФЬѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

Народная пѣснь.

Какъ за чаркой, за блинами
Потѣшались молодцы:
Надъ потѣшными полками
Похвалялися стрѣльцы!
„Гдѣ ужъ вамъ, преображенцы,
Да семеновцы, гдѣ вамъ,
Мелочь, Божіи младенцы,
Намъ перечить, старикамъ!
Съ слободой своей Нѣмецкой
Да съ своимъ царемъ Петромъ
Мы, молъ, весь приказъ стрѣлецкій,
Всѣхъ въ бараній рогъ согнемъ!
Всѣхъ—и самоё царевну...“
„Нѣтъ, ужъ тутъ, голубчикъ, врешь!
Нашу Софью Алексѣвну
Обойдешь да не возьмешь!
Даромъ, что родилась дѣвкой, —
Да иной разъ такъ пройметъ
Молодецкою издѣвкой...
А какъ въ духѣ, да взмахнетъ
Черной бровью соболиной, —
Пропадай богатыри!
Умеръ, право-бъ, заедино,
Если-бъ молвила: умри!..
Грѣхъ бывалъ и между нами,
Какъ о вѣрѣ вышелъ споръ,
И ходили съ чернецами
Въ царскій Кремль мы на соборъ.
Бунтовское было дѣло!
Да вѣдь сладила! Какъ-разъ
Словомъ вышибить сумѣла
Дурость всякую изъ насъ!
Будемъ помнить мы дни оны!..
Вышли наши молодцы:
Впереди несутъ иконы
Со свѣчами чернецы...
Не сказали-бъ, такъ узнала-бъ
Вся Москва ихъ: старики!
Не наотмашь, низко на лобъ
Надѣвали клобуки;
Не развалисты въ походкѣ,
А согбенные идутъ;
Не дерутъ, разиня глотки,
Тихимъ голосомъ поютъ;
Лица постныя, худыя,
Вѣры точно что столпы!..
Ужъ не толстые, хмельные
Никоньянскіе попы!..
Умилился людъ московскій,
Повалилъ за нами, претъ,
И на площади кремлевской,
Что волна, забилъ народъ.
А ужъ тамъ, во Грановитой,
Всѣ насъ ждутъ: царевны, дворъ,
Патріархъ, митрополиты,
Освященный весь соборъ.
Старцы свѣчи возжигали
И евангелье съ крестомъ
На амвоны полагали,
И царевнѣ бьютъ челомъ:
„Благовѣрная царевна!
Солнце Русскія земли!
Свѣтъ Софія Алексѣвна,
Государыня! вели,
„Чтобъ у насъ быть разсмотрѣнью
Съ патріархомъ о дѣлахъ
По церковному строенью
И о Никоновыхъ лжахъ!
„Процвѣтала церковь наша,
Аки райскій кринъ, полна
Благодати, яко чаша
Пресладчайшаго вина.

„Утверждалася на книгахъ,
Ихъ же имемъ отъ мужей,
Проводившихъ жизнь въ веригахъ
И въ умертвіи страстей;
„Ихъ же чтеніемъ спасались
Благовѣрные цари,
И цвѣли и украшались
По Руси монастыри.
„Но реченный Никонъ волкомъ
Вторгся въ оный вертоградъ
И своимъ безумнымъ толкомъ
Ниспровергъ церковный ладъ!
„И святыя книги рушилъ...
Ну,—и началъ все мутить“...
Патріархъ ихъ слушалъ, слушалъ,
Подымался говорить...
Да куда!.. изъ-за владыки
Ну, выскакивать попы...
Брань пошла, мятежъ и крики!
На дворѣ ревутъ толпы;
Вкругъ царевенъ — натерпѣлись
Ужъ бѣдняжки!—мужики,
Чернецы орутъ, зардѣлись,
Поскидали клобуки.
Всѣ-то съ взбитыми власами,
Очи кровью налиты,
И мелькаютъ надъ главами
Палки, книги и кресты!..
Ждетъ царевна не дождется,
Чтобъ затихли, то впередъ,
Словно лебедь, къ нимъ рванется,
Образумливать учнетъ.
„Замутили царствомъ бабы,—
Голосятъ кругомъ,—ахти!
Государынямъ пора бы
Въ монастырь давно идти!“
Слыша то и глянувъ гнѣвно,
И отдвинувъ тронъ златой,
Вся зардѣвшися, царевна
Удалилась въ свой покой.
Съ барабаннымъ вышли боемъ
Изъ Кремля мы,—вдругъ приказъ,
Чтобъ къ царевнинымъ покоямъ
Выслать выборныхъ тотчасъ.
Ночью, съ фонарями, ровно,
Тихо вышла на крыльцо;
Такъ-то ласково, любовно
Обратила къ намъ лицо...
Видѣлъ тутъ ее я близко:
Бѣлый съ золотомъ покровъ,
А на лбу-то низко, низко
Вязь изъ крупныхъ жемчуговъ...
„Если мы вамъ неугодны,—
Говоритъ весь царскій домъ,—
Мы объявимъ всенародно,
Что изъ царства вонъ уйдемъ!
„У волоховъ иль цесарцевъ,
Гдѣ-нибудь найдемъ пріютъ...
Вы смѣняли насъ на старцевъ,
Давнихъ сѣятелей смутъ,—
„Пусть на нихъ падетъ и царство!
Но въ вину не ставьте намъ,
Коль сосѣди государство
Все растащутъ по клочкамъ.
„Коль поляки съ ханомъ крымскимъ
Русь подѣлятъ межъ собой,—
Поклоняйтесь папамъ римскимъ!
Басурманьтесь съ татарвой!
„Мы въ церквахъ положимъ вклады
И поклонимся мощамъ,
Да и съ Богомъ!..“ Всей громадой
Пали мы къ ея ногамъ.
„Что ты, матушка, какое
Слово молвишь,—говоримъ,—
Слово — самое пустое,
Нешто мы того хотимъ!
„Знаемъ мы, безъ государей
Каковы дѣла пойдутъ:
Заѣдятъ народъ бояре,
Да въ латинство поведутъ.
„Все тѣ старцы—лиходѣи!
Чтобы пусто было имъ!
Нешто мы архіереи?
Что мы въ книгахъ разглядимъ?
„Ты ужъ смилуйся, пожалуй,
Хоть жалѣючи земли...
А за грубость — насъ до малу
Жестоко казнить вели!“
Ждемъ, что скажетъ... И сказала:
„Встаньте! Вѣрныхъ россіянъ
Вижу въ васъ! Я такъ и знала!..
Бойся-жъ насъ, ты, крымскій ханъ!..

„Пиръ готовъ, а въ гости будемъ!..“
Мы—„ура“! па весь народъ.
А она начальнымъ людямъ
„Выйти, — крикнула, — впередъ!“
И велитъ дьякамъ приказнымъ
Награждать кого казной,
А кого имѣньемъ разнымъ,
Соболями аль землей,
А кого боярскимъ саномъ...
„А для прочихъ молодцовъ,—
Говоритъ,—три дня быть пьянымъ
Съ нашихъ царскихъ погребовъ!..“

И была гульба въ столицѣ!
Будетъ помнить царскій градъ!..
Чернецы-жъ сидятъ въ темницѣ,
И сидятъ, стрѣльцовъ корятъ:
„Такъ-то вѣру отстояли
Вы, стрѣлецкіе полки!
Прогуляли, промѣняли
На царевы кабаки!..“
— „Ладно, братцы! щи вамъ съ кашей!
Что, братъ, скажешь? Хороша?
Лучше нѣтъ царевны нашей!
Вотъ, какъ есть совсѣмъ душа!“

№ 81. *Г. П. Данилевскій.* КАЗНЬ СТРѢЛЬЦОВЪ.

Не сдобровать тебѣ, Москва,
Не долго бунтовать придется.
Ты слышишь, ужъ кипитъ и бьется
Въ тебѣ зловѣщая молва:

Царь Петръ изъ Вѣны возвратился.
Зовутъ стрѣльцовъ, зовутъ народъ,—
Въ Преображенскомъ эшафотъ
Какъ коршунъ въ небо взвился...

Затихъ мятежъ передъ Судьей;
Но хмуритъ бровь стрѣлецъ бунтливый,
Все суевѣрный и кичливый,
Не никнетъ гордой головой.

Не знаетъ онъ, какія раны
Въ груди царевой растравилъ,—
Не видитъ онъ, какъ вьются враны
Надъ массой вырытыхъ могилъ...

Но пробилъ часъ... нѣтъ словъ прощенья,
Отецъ отцовъ махнулъ рукой,—
Стрѣльцы погибли. Поколѣнья
Ихъ не вспомянутъ со слезой...

Когда послѣдняго на плаху
Взвели, и царь вблизи стоялъ
„Прочь, государь,—онъ закричалъ,—
Тебя забрызжу“, — и съ размаху

Въ мѣшокъ скатилась голова,
Глотая дерзкія слова.

№ 82. *Случевскій.* О ПЕРВОМЪ СОЛДАТѢ.

(Пѣснь Семеновскаго полка).

Дѣло было очень просто:
Первый жилъ солдатъ Бухвостовъ
Двѣсти лѣтъ назадъ,
Съ нимъ Петровская бригада
Народилась изъ наряда,
Стала въ первый рядъ!
Непригожи были, малы,
Фузеи да самопалы,
Увалень народъ;
Ну, а все же съ тѣмъ народомъ
Вышли первымъ мы походомъ,
Въ Кожуховъ походъ.
У стрѣльцовъ поднялись смѣхи
Отъ Кожуховской потѣхи;
Стрѣлецъ говоритъ:
„Сочинитель всѣхъ затѣевъ
Бомбардиръ Петръ Алексѣевъ
Чудеса творитъ!“
И потѣшные чудили!
Артикулъ, уставъ учили,
Брали крѣпостцы,
А какъ было все готово,

Очутились у Азова, —
Вотъ такъ молодцы!
Стрѣльцы видятъ, осерчали,
Петру смертью угрожали;
Царь заговорилъ:
„Ну-ка, вы, моя пѣхота,
Вы птенцы, души забота,
Я-ль васъ не любилъ!
Не пора ли кончить разомъ,
Чтобы былъ конецъ приказамъ,
Ковнямъ старины“!
Петръ сказалъ... Замолкли шашни...
Мало ль что видали башни
Кремлевской стѣны!
Лиху было не до смѣха!
Росла царская потѣха,
Росла Божья рать!
И задумалъ король швецкій
Ростъ потѣхи молодецкой,
Русскій ростъ унять!
Самъ онъ былъ малоголовый,
Шустрый, вострый и толковый,—
Далъ Полтавскій бой!
Лейбъ-гвардейцы были точны,
Гнали до Переволочны
Ихъ передъ собой...
Порѣшивъ ништацкимъ миромъ,
Занялись гвардейцы пиромъ, —
Горевалъ сосѣдъ!
Заварили браги, бражки
Въ честь Хмѣльницкаго Ивашки,
Праздникъ дѣлу вслѣдъ.
Петръ тогда болота вытеръ
И поставилъ городъ Питеръ
Двѣсти лѣтъ пазадъ.
Вотъ какъ было дѣло просто
Съ той поры какъ жилъ Бухвостовъ,
Первый нашъ солдатъ.

№ 83. *Пушкинъ.* ПИРЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ Царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ, иль русскій флагъ?
Побѣжденъ ли шведъ суровый?
Мира-ль проситъ грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ навстрѣчу *дѣда*
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ Государь,
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла Русскій Царь?
Родила ль Екатерина?
Имянинница ль Она,
Чудотворца — Исполина
Чернобровая жена?

Нѣтъ! Онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

№ 84. *Сборникъ пѣсенъ Кирѣевскаго.* СБОРЫ ДОНЦОВЪ ПОДЪ АЗОВЪ.

(Земля Войска Донского).

Не ясенъ соколъ леталъ по поднебесью:
Донской есаулъ бѣгалъ по Дону;
Казаковъ-то онъ рѣчью привѣтствовалъ:
— „Вы вставайте, добры молодцы,
Господу Богу помолимтеся,—
Да не пусти, Господь, руки варвара
На Петра, царя бѣлаго, православнаго!
Вы вставайте, други, пробудитесь,
Борзыхъ коней, други, вы сѣдлайте,
Подъ Азовъ городъ, други, поѣзжайте.
Ой, мы городъ разоримъ съ головы до ногъ,
Много казны возьмемъ, много золота,
Войсковую казну знатно поисправимъ.
Атамана своего семъ да послушаемъ,
Послушаемъ да пойдемъ во походъ“!
Самъ сизой орелъ пробуждается:
Самъ Петро царь подымается
Съ своими князьями-боярами,
Съ своими донцами,
Съ своими запорожцами.

№ 85. *Жуковскій.* ВЪ СААРДАМСКОМЪ ДОМИКѢ.

Надъ бѣдной хижиною сей
Витаютъ ангелы святые:
Великій князь, благоговѣй!
Здѣсь колыбель имперіи твоей,
Здѣсь родилась великая Россія!

№ 86. *Пушкинъ.* ОСНОВАНІЕ ПЕТЕРБУРГА.

(Изъ поэмы „Мѣдный всадникъ“).

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ,
Въ туманѣ спрятаннаго солнца
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ:
„Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно.
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда по новымъ имъ волнамъ
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,—
И запируемъ на просторѣ.“
Прошло сто лѣтъ,—и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя волны
Свой ветхій неводъ,—нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова,—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

№ 87. *Пушкинъ.* ИЗЪ ПОЭМЫ „ПОЛТАВА“.

I.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ, тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.
Вѣнчанный славой безполезной,
Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной.
Онъ шелъ на древнюю Москву,
Взметая русскія дружины,
Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
И клонитъ пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ.
Украйна глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась,
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазепы раздавался
Мятежный крикъ: „пора, пора!“
Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
Молвѣ, казалось не внималъ
И равнодушно пировалъ.
— „Что-жъ, гетманъ?—юноши твердили:—
Онъ изнемогъ, онъ слишкомъ старъ;
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній дѣятельный жаръ.
Зачѣмъ дрожащею рукою
Еще онъ носитъ булаву?
Теперь бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко,
Иль Самойловичъ молодой,
Иль нашъ Палѣй, иль Гордѣенко
Владѣли силой войсковой,
Тогда-бъ въ снѣгахъ чужбины дальной
Не погибали казаки,
И Малороссіи печальной
Освобождались ужъ полки“.
Такъ, своеволіемъ пылая,
Роптала юность удалая,
Опасныхъ алча перемѣнъ,
Забывъ отчизны давній плѣнъ,
Богдана счастливые споры,
Святыя брани, договоры
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ:
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдругъ она рѣшитъ.
Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней—
Плоды подавленныхъ страстей—
Лежатъ, погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть-можетъ, зрѣетъ одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ,
Со старцами старикъ болтливый,
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,

Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Немногимъ, можетъ-быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно, и безчестно
Вредитъ онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него!

II.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ...
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то̀, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
— За дѣло съ Богомъ!—Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ—прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ,
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
Ровняясь, строятся полки,
Молчитъ музыка боевая,
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ,
И се—равнину оглашая,
Далече грянуло *ура!*
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могучъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,

Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился;
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье;
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины,—
И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ!

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

№ 88. ЛАДОЖСКІЙ КАНАЛЪ.

Народная пѣсня.

Ахъ далече-далече, въ чистомъ полѣ,
Расплачется травушка зеленая;
Унимаетъ ее мати земля сырая:
Не плачь, не плачь, трава мурава,—
Не одной тебѣ въ чистомъ полѣ тошненько,
И мнѣ еще того тошнѣе.
Какъ ѣхалъ государь-царь изъ подъ Риги,
Белѣлъ меня, землюшку, копати
И рвы, и колодези вырывати,
Ключевую воду испускати.

Кручиненъ добрый молодецъ, кручиненъ,
Печаленъ онъ, отецкой сынъ, печаленъ,
Не отъ радости доброй молодецъ постригся:
Съ великія печали я посхимлюсь,
Житье-бытье отдамъ я во монастырь,
Остатками себѣ келейку поставлю.
Во кельи просѣку я три окошка:
Я первое окошко—къ Божьей церкви,
А другое окошко—во монастырь,
А третіе окошко—въ чистое поле.
Къ Божіей церкви посмотрю ли я,—помолюся;
Въ монастырь посмотрю ли,—спасуся;
Въ чисто полѣ посмотрю я,—заплачу:
Ахъ свѣтъ ты, моя родимая сторонка!
Мнѣ ужъ на тебѣ не бывати,
О молодой женѣ и дѣткахъ не слыхати,
Весь родъ—племя я позабуду.

№ 89. *К. Случевскій.* ПЕТРЪ ВЪ КАНАЛАХЪ.

Какъ по шпилямъ, верхамъ, шатровымъ куполамъ
Лѣтнимъ утромъ огонь разгорался!
Собирался самъ Петръ въ самый мирный походъ,
И съ женой Катериной прощался:

„Будь здорова, жена! Не грусти, что одна:
Много, видишь, каналовъ готово;
Ѣду ихъ осмотрѣть, чтобъ работѣ спорѣть...
Напиши, если что... Будь здорова“.

Глухо дебри лежать, надъ болотами спять...
Много дѣла—да силы-то малы!
Надо дебрь разбудить, чтобъ ей то же служить...
Пусть, молъ, глянуть по дебри каналы!

Гдѣ въ колесномъ возкѣ, гдѣ на бодромъ конѣ
Ѣдетъ царь вѣковыми лѣсами;
Изучаетъ страну, во всю ширь и длину
Наблюдаетъ своими очами...

„Надо, надо взглянуть! Норовятъ все надуть!
Можетъ, даже, совсѣмъ не копаютъ?
Поглядишь — простецы эти жмоты купцы!
А гдѣ страху имъ нѣтъ,—надуваютъ“!

День за ночью идетъ, потеряешь имъ счетъ,
Если ѣхать судьба безъ дороги!
Вотъ каналы пошли и блестятъ вдоль земли,
А землянки людей, что берлоги.

И куда не взгляни, только щепки, да пни,
Да отвалы идутъ земляные!
Гонитъ царская мочь, гонитъ пролежни прочь
Со здороваго тѣла Россіи.

Близокъ царь! Вѣсть бѣжитъ! Привираетъ, мутитъ
И повсюду царя упреждаетъ...
Призадумился воръ! Царь-то больно востеръ!
Знаемъ какъ, если нужно, кончаетъ!

„Ой ужъ какъ-то намъ быть? Какъ нуждѣ пособить?
Вѣдь не вырыто нами и трети
Изъ того, что должно?.. Умирать суждено...
Стукнетъ, гикнетъ: „А ну те-ка, дѣти“!

Нѣтъ, родные, шабашъ, чуть появится нашъ!
Развѣ, братцы, на хитрость пуститься?
Землю вырыть въ длину, подогнать въ ширину,—
Остальное потомъ углубится“.

Собирался весь скопъ. Повалилъ землекопъ.
Ужъ платили-то, знатно платили!
И канавы прошли, какъ имъ быть, вдоль земли,
Провели и воды напустили...

Яркій вѣтеръ горитъ, густо дебрь золотитъ,
И у самой у крайней лопаты
Царь съ дубинкой въ рукѣ, въ распашномъ армякѣ,
Повѣряетъ работы и платы.

И какъ въ небѣ заря—такъ лицо у царя
Все сіяетъ! Онъ жалуетъ смѣхомъ!
И ужъ радостенъ онъ, и ужъ какъ подаренъ
Неожиданнымъ вовсе успѣхомъ!

А поодоль стоитъ молчаливый синклитъ
Хитрецовъ, мудрецовъ на захваты!
„Ужъ вотъ на! Удалось! У Петра сорвалось!
Не замай нашихъ! Мы ли не хваты“!

Не пылать бы зарѣ! Не блестѣть бы водѣ!
Не валиться бы на воду мошкамъ!
Не казну бъ воровать, не Петра надувать,
Не подмѣшивать блюда лукошкомъ!

Головой царь поникъ... Потемнѣлъ его ликъ...
Дума черная радость хоронитъ...
„Отчего тутъ вода,—вздумалъ царь,—не туда,
Куда надо бы ей, мошку то гонитъ“?

По откосу долой сходитъ тяжкой стопой
И, къ водѣ подошедши, нагнулся
И дубинку воткнулъ... Чуть конецъ за-
тонулъ...
Подождалъ это царь... Оглянулся.

Охъ! не небу горѣть! Не царю бы крас-
нѣть!
Всѣ, блѣднѣя, молчанье хранили...

А изъ царскихъ очей, звѣздъ вечернихъ
ярчѣй,
Двѣ слезы, двѣ слезы проступили...

Ну, а тамъ по пятамъ, въ поученье во-
рамъ,
Какъ должно, принялись за расправу...
Правъ былъ воръ, говоря про обычай царя:
Сокрушать, если что не по нраву.

№ 90. *Случевскій.* КЪ 200-ЛѢТІЮ ОТКРЫТІЯ НАВИГАЦКОЙ ШКОЛЫ.

Надлежитъ господину адмиралу надъ нею смотрѣть яко вышнему правителю, ибо или честь или безчестіе симъ учинившееся, никому надлежитъ, точію сей персонѣ.

И сіе подобно, когда слуга, видя тонущаго господина, не хочетъ его избавить, дондеже справится, написано ли то въ уговорѣ, чтобы его изъ воды вынуть, и въ томъ зѣло надо осторожность имѣть, понеже когда исправлено, то всуе деньги потеряны.

Изъ писемъ *Петра Великаго.*

Два вѣка пронеслось блистательныхъ и
славныхъ
Съ тѣхъ поръ какъ въ чаяньи гряду-
щаго добра,
Возникши въ помыслахъ творящихъ и
державныхъ,
Явилось дѣтище любимое Петра.
Какъ все великое родной и свѣжей пашни,
Ты, школа первая, родилась на Москвѣ
И скромно пряталась на Сухаревой
башнѣ
Предъ тѣмъ, чтобъ выглянуть на цар-
ственной Невѣ.
Въ тѣ дни, кипѣвшіе трудомъ и огор-
ченьемъ,
Для непонятнаго и грознаго царя
Ты первымъ, можетъ-быть, бывала утѣ-
шеньемъ,

Науки дѣвственной неясная заря!
Онъ заходилъ сюда мгновеньями досуга,
Уставъ преслѣдовать таинственное зло;
Въ мечтаньяхъ радостныхъ искало сердце
друга
И новымъ творчествомъ туманилось чело...
Но умеръ великанъ, оставивши Гангута,
Побѣду славную, какъ смѣлый образецъ,
Для флота юнаго тяжелая минута:
Въ Петрѣ потерянъ былъ внимательный
отецъ.
Невзгоды многія и цѣлый вѣкъ скп-
танья
Судьба готовила для нашего гнѣзда,
Но нѣтъ въ исторіи морской воспоми-
нанья,
Гдѣ-бъ нужно было намъ закрыться отъ
стыда!

№ 91. *Случевскій.* О ЦАРЕВИЧѢ АЛЕКСѢѢ.

Было то въ странѣ далекой,
Лѣтъ безъ малаго, чай, двѣсти!
На поморьѣ калабрійскомъ,

Гдѣ на самомъ видномъ мѣстѣ
Городъ есть, Бари зовется,
Льнущій къ морю, какъ къ невѣстѣ, —

Яснымъ утромъ, очень рано,
По обѣту и по чести,

Къ Николаю чудотворцу,
Мирликійскому святому,
Караванъ тащился русскій,
А вести пришлось Толстому.
Изъ Сентъ-Эльмской цитадели
Дали крюкъ! Жаль—попустому;
Приближаться-бъ имъ скорѣе
Ближе къ дому, ближе къ дому...

Домъ тотъ—крѣпость въ Петербургѣ,
Еле конченная кладкой;
Казематы чуть просохли,
Появились для порядка
Царства новаго, Петрова...
Въ царствѣ точно лихорадка!
Глухо ходитъ недовольство
И съ Петромъ играетъ въ прятки.

Во Владимірѣ на Клязьмѣ
Въ ночь, къ царицѣ Евдокіи
Ходятъ въ келью, скрытно, тайно,
Люди всякіе лихіе:
На царя куютъ оковы
На погибель всей Россіи,
Ходитъ Глѣбовъ съ Досифеемъ,
Лопухинъ, еще другіе!

Извести Петра имъ надо,
Извести его скорѣе!
Ихъ надежды, всѣ надежды
Въ царскомъ сынѣ Алексѣѣ!
Воцарится, уничтожитъ
Всѣхъ замѣченныхъ въ затѣяхъ,
Иностранцевъ гладко бритыхъ,
Щеголяющихъ въ ливреяхъ!

Потому: царевичъ—постникъ,
Выросъ въ строгомъ древнемъ чинѣ,
Мытъ, и чесанъ по закону,
Бабьей ласкою, и нынѣ
Онъ союзниковъ вербуетъ
На подмогу на чужбинѣ...
Всѣ надежды, всѣ надежды
Въ Алексѣѣ, царскомъ сынѣ!

Къ Николаю-чудотворцу
Караванъ его подходитъ..
Взглядъ царевича больного
Неспокойно робко бродитъ;
Онъ съ чухонки Евфросиньи
Тусклыхъ глазъ своихъ не сводитъ!
Ей одной живетъ и дышитъ,
Раскрасавицей находитъ.

Удивлялись въ храмѣ лики
Византійскихъ преподобныхъ,—
Увидавъ впервые русскихъ,
Кое въ чемъ себѣ подобныхъ,
Хоть и въ платьяхъ непривычныхъ,
Узкихъ, куцихъ, неудобныхъ,
Больше всѣхъ дивилъ царевичъ
Взглядомъ глазъ пугливо злобныхъ!

И царевичъ съ Евфросиньей
Долго рядышкомъ молились,
И, пожертвовавъ на церковь,
Въ дальній путь домой пустились;
Путешествія въ тѣ годы
Часто мѣсяцами длились...
Обѣщалъ имъ Петръ прощенье,
Лишь бы только возвратились!

Не прошло и полугода,
Надъ Невою въ казематѣ
Надъ царевичемъ шли пытки,
Не въ застѣнкѣ—при палатѣ;
Потянули всякихъ грѣшныхъ
Къ объясненью и расплатѣ...
Мало-ль что у насъ бывало
Съ краю свѣта въ нашей хатѣ!

„Замышлялъ ли ты, царевичъ,
Погубить дѣла Петровы
И разрушить въ государствѣ
Всѣ великія основы?
Ты ковалъ ли на Россію
Въ иностранныхъ царствахъ ковы?
Были-ль на цареубійство
Заговорщики готовы?“

Отвѣчалъ царевичъ смутно
Околесныя признанья...
Обратились къ Евфросиньѣ,—
Поддалась на увѣщанья!

Все открыла: какъ, что было,
Въ чемъ имѣлись ожиданья,
Все, что ей царевичъ выдалъ
Темной ночью въ часъ лобзанья!

Черной рабскою душою
Предала, кого любила!
Жизнь не разъ уже рабами
Предстоявшимъ рабству мстила...
Собралъ Петръ большую думу,
И та дума порѣшила:
Казни заслужилъ царевичъ,—
И не тронъ ему,—могила!

А ужъ что за это время
Петръ испытывалъ, словами
Передать нельзя! Въ грядущемъ
Дальнозоркими очами
Ужъ чего не прозрѣвалъ онъ?
Говорятъ, что онъ, часами
Неподвиженъ, недоступенъ,—
Одержимъ былъ столбняками!

Не для сладкихъ сантиментовъ,
Не для временной забавы
Изъ своихъ тесалъ онъ мыслей
Основанія державы!
Не спроста стрѣльцовъ сгубилъ онъ
Въ розливной крови расправы,
И на дубы гналъ крамолу,
Ассамблеей гладилъ нравы!

Погубить ли мнѣ Россію
Или сына!—Богъ съ нимъ, съ сыномъ!
И поставленъ Петръ великій
Надъ другими исполиномъ!
Какъ его, гиганта, мѣрить
Нашимъ маленькимъ аршиномъ?
Гдѣ судить травѣ о тынѣ,
Разростаяся надъ тыномъ.

№ 92. *Сборникъ пѣсенъ Кирѣевскаго.* ПЕТРЪ I КОНЧАЕТСЯ.

Въ славномъ городѣ въ Санъ-Питерѣ
Стояли палаты бѣлокаменныя,
Въ тѣхъ во палатушкахъ бѣлокаменныхъ
Строена тутъ кроватушка тесовая,
На кроватушкѣ изголовьице точеное,
Точеное, позолоченное,
На изголовьицѣ подушечки шелковыя,
Шелковыя и парчевыя,
На подушкахъ одѣяло соболиное,
Того соболя сибирскаго...
Подъ одѣялечкомъ лежитъ удалый добрый молодецъ,
Удалъ добрый молодецъ, нашъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ.
Передъ нимъ стоятъ всѣ князья, бояре,
Всѣ старшіе фельдмаршалы.
Возговорятъ всѣ князья, бояре,
Всѣ старшіе фельдмаршалы:
— „Тебѣ, видно, худо можется,
Худо можется, конецъ близкится.
На кого ты свое царство приказываешь?
На кого ты свое царство отказываешь?
Кому у насъ будетъ сенатъ судить,
Кому у насъ владѣть каменной Москвой,
Каменной Москвой, всей Россіею"?
Какъ не золотая трубонька вострубила,
Какъ не серебряная сиповочка возъиграла,
А возговорилъ нашъ батюшка, православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ:
— „Сенатъ судить вамъ, князьямъ боярамъ,
Каменна Москва и Россія вся—моей государынѣ".
Услыхала государыня,
Изъ палаты идетъ,—сама вопитъ:
— „Ой ты гой еси, мой милъ сердечный другъ,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
На кого ты свое царство приказываешь,
На кого ты свое государство отказываешь"?
Не золота трубонька вострубила.

Не серебряная сиповочка возыграла,
Анъ возговоритъ нашъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ:

—„Сенатъ судитъ князьямъ боярамъ,
Всѣмъ старшимъ фельдмаршаламъ;
Каменная Москва—тебѣ, моя государыня,
Каменная Москва и Россія вся“.

№ 93. *Державинъ.* ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ,

Россія, въ славу облеченна,
Куда свой взоръ ни обратитъ,
Вездѣ, весельемъ восхищенна,—
Вездѣ труды Петровы зритъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Онъ, древній мракъ нашъ побѣждая,
Науки въ полночь водворилъ;
Во тьмѣ свѣтильникъ возжигая,
И въ насъ благіе нравы влилъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Какъ Богъ, великимъ Провидѣньемъ
Онъ все собою озарялъ;
Какъ рабъ, неслыханнымъ раченьемъ
Онъ все собою наполнялъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Прошелъ землями и морями,
Учился самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ:
Звучатъ до днесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Его младенчески забавы
Родили громы, наконецъ,
А посреди военной славы
Онъ былъ отечества отецъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ,
Вождей искусству научая,
Онъ самъ полки на брань водилъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Вселенну храбрость устрашала,
Какъ онъ противныхъ поражалъ;
Вселенну милость утѣшала,
Какъ онъ плѣненныхъ угощалъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Владыка будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Вѣнцы, тріумфы, колесницы
Не для себя онъ учреждалъ:
Отличность, блески, багряницы
Заслугъ въ наградѣ полагалъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Былъ въ вѣрѣ твердъ и ей послушенъ,
Пѣвецъ онъ самъ былъ алтарей;
Средь золъ, средь благъ великодушенъ,
Нелестный другъ своихъ друзей.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Монархамъ возвращалъ короны,
Законы подданнымъ писалъ:
Что должны дѣлать милліоны,
Собой всѣмъ образъ подавалъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Чрезъ горы проточилъ онъ воды,
На блатахъ грады насадилъ:
Довольство ввелъ въ свои народы,
Съ Востокомъ Западъ съединилъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Онъ, истины любя уставы,
Хранилъ нелицемѣрный судъ;
Поднесь его полезны нравы
Ко благоденствію ведутъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Поднесь вселенну изумляетъ
Величіе его чудесъ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ,
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

О, россы, славой лучезарны!
О, родъ героевъ и соборъ,
Петру вы будьте благодарны,
Да ввѣкъ Петру гремитъ вашъ хоръ.

Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

№ 94. *Майковъ.* КТО ОНЪ?

На берегу Невы великой,
По тропиночкѣ лѣсной,
Ѣхалъ всадникъ. Вкругъ все дико:
Ель, сосна, да мохъ сѣдой.
Передъ нимъ рыбачья хата.
Подъ сосной, у синихъ волнъ,
Старый рыбарь бородатый
Колотилъ дырявый челнъ.
Всадникъ молвилъ: „Дѣдъ, здорово!
Богъ на помощь! Какъ живешь?
Много-ль ловишь ты, и лова
Гдѣ добычу продаешь?“
Отвѣчалъ старикъ сердито:
„Рыбы мало ли въ рѣкѣ...
Только нѣтъ иного сбыта,
Какъ въ сосѣднемъ городкѣ.
Да теперь мнѣ что въ ловитвѣ.
Вишь, какая здѣсь возня.
Вы дрались, а бомбой въ битвѣ
Челнъ прошибло у меня“.
Всадникъ прочь съ коня, безмолвно
Взялъ топоръ и млатъ съ пилой,
Мигомъ сбилъ борты у челна,
Руль привѣсилъ за кормой.
„Ну, старинушка, готово!
Смѣло въ воду челнъ содвинь
И, на счастіе Петрово,
Сѣти на море закинь“.
„На Петрово? Эко слово
Молвилъ! думаетъ рыбакъ:—
Съ топоромъ, гляди, какъ ловокъ,
А по рѣчи... Какъ же такъ!“
И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

№ 95. *Пушкинъ.* СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,—
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

№ 96. *А. Толстой.*

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Что ты изволишь въ котлѣ варить?
— Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

— Государь ты нашъ батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А гдѣ ты изволилъ крупы достать?—
— За моремъ, матушка, за моремъ,
За моремъ, сударыня, за моремъ!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Нешто своей крупы не было?
— Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А чѣмъ ты изволишь мѣшать ее?
— Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ крутенька?
— Крутенька, сударыня, крутенька.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ солона?
— Солона, матушка, солона,
Солона, сударыня, солона!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А кто-жъ будетъ ее расхлебывать?
— Дѣтушки, матушка, дѣтушки,
Дѣтушки, сударыня, дѣтушки.

№ 97. *Розенгеймъ.* СТАРЫЙ ДОМЪ.

Вотъ здѣсь-то, скажетъ, царь надежа,
Не на боку лишь только лежа,
Трудился самъ и строилъ ботъ.
Вотъ здѣсь онъ имъ изволилъ править,
Умѣлъ - ста родину поставить,
Стоять горазды былъ за народъ.
Кн. Долгорукій.

Въ далекомъ уголкѣ, роскошномъ Петроградѣ,
Есть старый домъ одинъ. Не пышенъ съ виду онъ:
Ни фресокъ, ни гербовъ на низенькомъ фасадѣ,
Внутри ни мраморовъ, ни бронзы, ни колоннъ,
Не тянется рядъ залъ въ немъ амфиладой длинной,—
Три бѣдныхъ комнатки всего-то въ домѣ томъ.
Ихъ красить только ликъ Спасителя старинный
Да память про того, кто жилъ когда-то въ немъ.
Есть, правда, и еще одно въ немъ украшенье,
По виду странное: то старый, ветхій ботъ...

Но русскій человѣкъ всегда въ благоговѣньи,
Всегда съ молитвою вступаетъ въ домикъ тотъ.
И чтитъ его вся Русь и свято, и глубоко...
Дороже для нея онъ пышныхъ всѣхъ палатъ!
Его заботливо, какъ бы зеницу ока,
Гордясь имъ, бережетъ роскошный Петроградъ,
И не напрасны тѣ заботы и почтенье,
И не напрасно—нѣтъ—признательный народъ
Толпой сбирается сюда на поклоненье,
Не даромъ любитъ такъ онъ бѣдный домикъ тотъ.
Въ тѣ дни, когда еще весь край, гдѣ блещетъ
Роскошный градъ Петра надъ чудною Невой,
Покрытый дебрями, былъ мертвою пустыней,
Былъ чуждой, вражеской, не русскою землей,—
Въ тѣ дни пришелъ сюда великій въ родъ и роды,
Всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ и царь и человѣкъ,
И міру онъ изрекъ: „Да вѣдаютъ народы,
Отнынѣ это—Русь! И Русью будетъ ввѣкъ!“
И собственной своей державною десницей
Срубилъ онъ этотъ домъ, срубилъ онъ этотъ ботъ,—
И старый, бѣдный домъ сталъ гордою столицей.
И старый утлый ботъ разросся въ русскій флотъ.
Въ тѣ дни, когда еще надъ русскою землею
Повсюду тяготѣлъ невѣжества покровъ,
И спалъ, окаменѣвъ, народъ, объятый тьмою,—
Изъ дома этого къ труду и свѣту зовъ
Гремѣлъ, какъ благовѣстъ надъ Русью усыпленной,
Гремѣлъ безъ умолку и поднималъ народъ.
И онъ воспрянулъ весь, внезапно пробужденный,
Какъ-будто ожилъ вдругъ и двинулся впередъ,
Осиливая все: труды, бѣды, невзгоды,
Ломя тьму преградъ въ пути со всѣхъ сторонъ.
И раздались предъ нимъ смущенные народы,
И мѣсто въ ихъ средѣ съ почетомъ занялъ онъ.

Да, бѣденъ этотъ домъ, но чудно-величавы
Воспоминанія витаютъ въ немъ толпой:
Здѣсь занялась заря могущества и славы,
Надъ Русью нашею великою, святой!..
Отсюда ей блеснулъ лучъ первый просвѣщенья,
Лучъ свѣта Божьяго, лучъ правды и добра,
Здѣсь нашей родины алтарь преображенья,
Здѣсь было жилище безсмертнаго Петра.
Изъ дома этого повсюду разносились:
Труду—почетъ и честь, бездѣйствію—гроза,
Здѣсь много славнаго и страшнаго свершалось,
Добра и ужаса творились чудеса.

Не думать о Петрѣ, а только о Россіи
Онъ заповѣдывалъ, и самъ—примѣръ всему:
Ей въ жертву приносилъ всѣ чувства дорогія,
Нещадный самъ въ себѣ, нещадный ни къ кому.

Прошли съ тѣхъ поръ вѣка. Давно, ты, безпримѣрный,
Въ ряду земныхъ владыкъ, Великій нашъ, почилъ,
Усталый по трудахъ въ борьбѣ неимовѣрной,
Отчизнѣ прослуживъ до истощенья силъ.
Народъ простилъ тебѣ суровыя расправы,
Народъ забылъ уже твой страшный, грозный судъ!..
Но все, что ты свершилъ для счастія и славы
Земли его родной, но твой кровавый трудъ,
Подъятый для нее, твои о ней старанья,—
Онъ ихъ,—и только ихъ,—онъ въ памяти хранитъ.
О нихъ лишь въ немъ живутъ чудесныя преданья,
И только въ нихъ тебя и знаетъ онъ, и чтитъ!
Любовь его къ тебѣ, твой домикъ незатѣйный,
Подъ крѣпкій вѣры щитъ укрыла навсегда,
И каждый Божій день толпой благоговѣйной
Молиться русскій людъ сбирается сюда.
Въ порывахъ чувствъ своихъ правдивый и свободный,
Народъ признательность здѣсь съ вѣрой сочеталъ,—
И сталъ твой бѣдный домъ святынею народной,
Народу домъ царя молитвы домомъ сталъ.
Здѣсь память о тебѣ идетъ изъ рода въ роды,
Здѣсь ею вѣчно живъ въ своемъ народѣ ты,
Сюда приходитъ онъ во дни своей невзгоды,
Сюда несетъ свои онъ, бѣдный, тяготы,
Какъ-будто вѣруя, что милосердье Бога
Доступнѣе ему изъ дома твоего,
Что, потрудившися здѣсь для него такъ много,
И тамъ стоишь ходатаемъ ты за него.

№ 98. *Державинъ.* НА ИЗОБРАЖЕНІЕ ФЕОФАНА.

Россійской церкви столпъ, совѣта мудрый мужъ,
Филосовъ, богословъ, историкъ, пастырь душъ.
Витійствомъ словъ его доднесь Россія блещетъ;
Петровымъ похваламъ вселенна совоплещетъ.

№ 99. *Рылѣевъ.* ВОЛЫНСКІЙ.

„Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто—рабъ презрѣннаго тщеславья.
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій безъ боязни...

„Пусть будетъ онъ, дыша войной,
Врагамъ въ часы кровавой брани
Неотразимою грозой,
Какъ покорители Казани;
Пусть удивляетъ... Но когда
Онъ все творитъ то изъ тщеславья,—
Бѣда несчастному, бѣда!
Онъ сынъ не славы, а безславья.

Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу,
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

Повсюду честный человѣкъ,
Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ,
Какъ другъ добра, безъ укоризны.
Ковать ли станетъ на гражданъ
Пришлецъ иноплеменный цѣпи,—
Онъ—на него, какъ хищный врагъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи...

И пусть падетъ! Но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной
И онъ, и пламенный порывъ
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народъ.
Пѣвцы герою въ воздаянье,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянье.

Вражда къ тиранству закипитъ
Неукротимая въ потомкахъ,
И Русь священная узритъ
Власть чужеземную въ обломкахъ!“
Такъ, сидя въ крѣпости, въ цѣпяхъ,
Волынскій думалъ справедливо;
Душою чистъ и правъ въ дѣлахъ,
Свой жребій несъ онъ горделиво.

Странъ сѣверныхъ отважный сынъ,
Презрѣвъ и казнью, и Бирономъ,
Дерзнулъ на пришлеца одинъ
Всю правду высказать предъ трономъ:
Открылъ царицѣ корень зла,
Любимца гордаго пороки,
Его ужасныя дѣла,
Коварный умъ и нравъ жестокій.

Свершилъ, исполнилъ долгъ святой,
Открылъ вину народныхъ бѣдствій
И ждалъ съ безтрепетной душой
Дѣянью правому послѣдствій.
Надолго вольности лишенъ,
Герой влачилъ свои оковы.
Однажды вдругъ запоровъ звонъ,
И входитъ стражъ къ нему суровый.

Приникъ и, осѣнясь крестомъ,
Сказалъ: „За истину святую
И казнь мнѣ будетъ торжествомъ:
Я мнилъ спасти страну родную.
Пусть жертвой клеветы умру.
Что мнѣ враговъ коварныхъ злоба?
Я посвящалъ себя добру
И вѣренъ правдѣ былъ до гроба“.

Въ его очахъ при мысли сей
Сверкнула съ гордостью отвага;
И бодро изъ тюрьмы своей
Шелъ другъ общественнаго блага.
Притекъ... увидѣлъ палача
И... голову склонилъ безъ страха...
Сверкнуло лезвіе меча,—
И кровью освятилась плаха.

Сыны отечества, въ слезахъ,
Ко храму древнему Самсона,—
Тамъ за оградой, при вратахъ,
Почіетъ прахъ врага Бирона.
Отецъ семейства, приведи
Къ могилѣ мученика-сына:
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина,

Любовью къ родинѣ дыша,
Да все для ней онъ переноситъ,—
И благородная душа
Пусть личность всякую отброситъ.
Пусть будетъ чести образцомъ,
За страждущихъ—желѣзной грудью,
И вѣчно заклятымъ врагомъ
Постыдному неправосудью...

№ 100. ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, 1747 ГОДА.

Царей и царствъ земныхъ отрада,—
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ,
И класы на поляхъ желтѣютъ:
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою:
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты,
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ:
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты, кромѣ той, всего превыше,
Душа ея зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.
Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ:
Тебя пріявъ, облобызала.
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ—сказала
Для коихъ крови льется токъ,
Я россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый Западъ и Востокъ.
Божественнымъ устамъ приличенъ
Монархиня, сей кроткій гласъ:
О, коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ собою
Добротъ твоихъ прекрасный ликъ.
Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ.
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ:
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мірѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но громко разглашайте
Прекрасны наши времена!
Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.
Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна,
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?
Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки
Къ сему монарху, говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Плодить въ россійскомъ родѣ новы,

Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
Но, ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верхи Парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь;
И токмо, шествуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, если-бъ жизнь ея продлилась;
Давно-бъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!
  Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнасъ?
О, коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь.
  Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ:
Но ратники ему подвластны,
Всегда хвалы ему причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
  Сія тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ;
Пространная твоя держава,
О, какъ тебя благодаритъ!
Воззри на горы превысоки!
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтетъ.
  Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія.
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ,
Сіе злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
  Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ, народы напояетъ
И бреги, наконецъ, теряетъ,
Сравнившись морю шириной.
  Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животныхъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней,
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.
  Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать
Твоей великодушной волѣ!
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ манджуръ.

Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ
И море тщится уступить;
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить.
Тамъ, тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ;
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежды нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.
И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.
О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ.
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать!
Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму, наединѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.
Тебѣ, о милости источникъ,
О, ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ твоихъ сравнитъ.

№ 101. *Пушкинъ.* ОТРОКЪ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. „Отрокъ, оставь рыбака.
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять. Будешь помощникъ царямъ“.

№ 102. *Полонскій.* ХАНДРА И СОНЪ.

Читано на юбилеѣ Ломоносова 7 апрѣля 1865 года.

Среди машинъ, ретортъ, моделей кораблей,
У пыльнаго станка съ начатой мозаикой,
Предъ грудою бумагъ, проектовъ, чертежей
Сидѣлъ онъ, бѣглый сынъ поморскихъ рыбарей,

Слуга имперіи и въ ней борецъ великій
За просвѣщеніе страны ему родной,
Борецъ—измученный безплодною борьбой
Съ толпой пришельцевъ, принесшихъ въ край нашъ темный
Корысть и спѣсь учености наемной.
Больной, не могъ онъ спать,—сидѣлъ, облокотясь,
Близъ недоконченной работы,
И унывающимъ его на этотъ разъ
Застала ночь. Куранты били часъ.
Огарокъ догорѣлъ, лампада у кіоты
Одна по вѣнчикамъ иконъ дробила свѣтъ
И озаряла темный кабинетъ.
Ни милой дочери вечернія заботы,
Ни предстоящій трудъ, ни отдаленный бой
Курантовъ не могли души его больной
Отвлечь отъ тысячи печальныхъ размышленій:
Знать, въ этотъ часъ, унылый и глухой,
Страданьями съ судьбой расплачивался геній.
Недаромъ головой онъ на руки поникъ
И тихо вздрагивалъ, безпомощный старикъ.
Въ какомъ-то безпорядкѣ смятомъ
Лежалъ камзолъ его въ углу на грудѣ книгъ,
И брошенъ былъ на стулъ, знакомый меценатамъ,
Парадный, пудренный парикъ.
— „Эхъ, Ломоносовъ, бѣдный Михаилъ
Васильичъ!—самъ съ собой онъ съ грустью говорилъ:
—Ты родины своей ничѣмъ не могъ прославить
отъ за то, что ты не любишь уступать,
За то, что ты привыкъ все только съ бою брать,
Отъ академіи хотятъ тебя отставить...
. Пора тебѣ молчать, глупѣть и умирать!“

Такъ онъ хандрилъ,—и вотъ отъ темнаго начала
До темнаго конца вся жизнь предъ нимъ предстала:
Удача странная, капризная судьба
И съ неудачами тяжелая борьба.
И думалъ онъ: „Ни шумныхъ бурь порывы,
Ни холодъ бурныхъ волнъ, ни эти массы льдовъ,
Плывущихъ сквозь туманъ загородить проливы
И не пускать домой насъ, бѣдныхъ рыбаковъ,
Ни даль безвѣстная, ни старовѣровъ толки,
Ни брань, ни страхъ,—ничто осилить не могло
Того, что съ юныхъ лѣтъ меня сюда влекло.
Бывало, помню: воютъ волки,
Преслѣдуя въ лѣсу блуждающій обозъ,—
Ночь,—боръ кругомъ,—лицо деретъ морозъ,
А ты лежишь себѣ на дровняхъ подъ рогожей,
Пусть воютъ, думаешь, отдавшись волѣ Божьей,
Да задаешь себѣ мучительный вопросъ:
Мужикъ, ты можешь ли извѣдать всѣ науки?
Затѣмъ ли данъ тебѣ и разумъ, и языкъ,
Что-бъ ты, какъ самоѣдъ, къ однимъ звѣрямъ привыкъ,
И, если неучъ ты, умнѣй ли будутъ внуки?
И вотъ рѣшился ты бѣжать,
И, не простясь ни съ кѣмъ, пошелъ Москвы искать,
И прибылъ ты въ Москву... На молодыя страсти,
На злые помыслы желѣзную узду
Ты наложилъ, переносилъ нужду,
Терпѣлъ великія обиды и напасти
И чуть не въ рубищѣ скитался, безъ сапогъ,
Зубрилъ и голодалъ, все вынесъ, Богъ помогъ,

Через Германію и оды, понемногу,
Съ латинскимъ языкомъ, ты вышелъ на дорогу.
Теперь-то, думалъ я, мы школы заведемъ,
О просвѣщеньѣ похлопочемъ,
Способныхъ къ грамотѣ россійской пріурочимъ,
Способнѣйшихъ въ народъ пошлемъ.
Расколъ наукою на правду наведемъ,
Неволѣ волю напророчимъ.
Недаромъ я писалъ, вникая въ сотни книгъ,
Недаромъ похвалы мой стихъ, какъ бисеръ нижетъ,
И что-жъ увидѣлъ я межъ козней и интригъ?
Увидѣлъ, что мой умъ ничьи умы не движетъ.
Такъ, валъ безъ колеса и даже безъ зубцовъ,
Ворочаясь, другихъ не двигаетъ валовъ.
Кричатъ, я выродокъ славянскій! Нѣтъ, бывало,
По деревнямъ встрѣчалъ немало я головъ...
И Ломоносовыхъ явилось бы немало;
Но къ свѣту нѣтъ пути и свѣтъ ихъ не влечетъ.

. . . .

На то ли грозный Петръ державною сохой
Россію бороздилъ и всюду вѣхи ставилъ,
Чтобъ русскій сѣятель тѣ борозды оставилъ
И не задумался надъ нивою родной?..
Стою, какъ пахарь, я надъ нивой, гдѣ я сѣялъ,
И вижу: жатвы нѣтъ, все вражій духъ разсѣялъ,
И, какъ работникъ, я не нуженъ никому."
Такъ долго онъ хандрилъ и все сидѣлъ. Казалось,
Онъ спалъ, склонясь къ рукѣ, или ему дремалось.
Но мысль: „ненуженъ я, негоденъ ни къ чему,
Ненуженъ никому,"—въ него стрѣлой вонзилась,
И безпрестанно шевелилась
Она въ его мозгу, противная уму,
Росла, росла и въ грезы превратилась
И облеклась въ видѣнья: то ему
Казалось, рушится громада, повалилось
Все, что Петромъ сколочено, и онъ
Надъ этими развалинами бродитъ,
Ни жизни, ни могилъ знакомыхъ не находитъ,—
Не можетъ самъ найти, гдѣ былъ похороненъ
Рабъ Божій Михаилъ—піита Ломоносовъ...

. . . .

То грезилось ему,—пришелъ онъ на совѣтъ
И засѣдаетъ съ мертвецами,
И громко говоритъ, и споритъ съ нимъ скелетъ
Съ напудренной косой, въ кафтанѣ съ галунами,
И говоритъ ему: „Молчи, народа нѣтъ,
Одинъ ты, выродокъ живой, достоинъ съ нами
Быть въ Академіи! Доволенъ будь, молчи!
О средствахъ, о женѣ, о чинѣ хлопочи...
Но, вѣдай, университета
Не будетъ въ Питерѣ до преставленья свѣта!.."
Такъ слышалось ему, такъ мрачно грезилъ онъ;
Такъ страшно въ эту ночь, борясь съ толпой видѣній,
Страданьями съ судьбой расплачивался геній.
Но муза сжалилась.
Богиня, Геликонъ
Покинувъ, для него сошла въ нашъ край суровый,
Съ поникшаго чела сняла вѣнецъ лавровый
И подошла къ нему,—и погрузился онъ
Въ пророческій, глубоко ясный сонъ.
И вотъ ему, шумя, сверкая и пестрѣя,
Приснился этотъ залъ и праздникъ юбилея.

Горятъ огни. Во время торжества
Играетъ музыка и раздается пѣнье.
И посреди иного поколѣнья
Въ рѣчахъ шумитъ о немъ столѣтняя молва,—
И русскій стихъ, набравшись русской силы,
О имени его звонитъ среди гостей,
Тѣнь Ломоносова зовутъ изъ-за могилы,—
Хотятъ вѣнчать ее, сказать „спасибо“ ей
За трудный подвигъ начинанья,
За первый русскій стихъ, ласкавшій русскій слухъ,
За честную борьбу, за вѣру въ русскій духъ,
За первый лучъ народнаго сознанья...
Хотятъ сказать ему... И самъ онъ увидалъ,
Что лавръ, его рукой посаженный межъ терній,
Возросъ, и бюстъ его прикрылъ и увѣнчалъ...
И сонъ исчезъ...

№ 103. *Державинъ.* ФЕЛИЦА.

Богоподобная царевна
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна,
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ,—
Подай найти ее совѣтъ.

Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ,
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа своимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь,
Подобно, въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клубъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнасска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на Востокъ;
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ персовъ похищаю,
То стрѣлы къ туркамъ обращаю;
То, возмечтавъ, что я—султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ:
Тамъ славный окорокъ вестфальскій,
Тамъ звенье рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ;
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ.

Или великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ или другомъ,
Или съ красавицей какой

Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ.
Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ.
Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю,
Полкана и Бову читаю,
За Библіей, зѣвая, сплю.
Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ:
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами
Между Лѣнтяемъ и Брюзгой,
Между Тщеславьемъ и Порокомъ
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.
Нашелъ... Но льзя-ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ итти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ-жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?
Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ, кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять...
Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законѣ ихъ.
Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только рифмы можетъ плесть.
А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.
Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ неложно,
Что будто завсегда возможно,
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ и въявь, и подъ рукой
И знать, и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быль, и небыль говорить;

Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.
Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить,
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить.
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ.
Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь правы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
„Не дѣлай ничего худаго—
И самаго сатира злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь“.
Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть:
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны-ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно-ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?
Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ;
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки
И счастье дома находить;
Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!
Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ—Смирнѣ—Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живешь,—
Хвалы мои тебѣ, примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешмета
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какое Крезъ не собиралъ.
Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь!
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря, сапфирны крылы
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

№ 104. *Державинъ.* НА ПОБѢДЫ ЕКАТЕРИНЫ II НАДЪ ТУРКАМИ.

Со ужасомъ дѣла вселенная внимаетъ,
Какъ падшу Грецію Минерва поднимаетъ.
Не можетъ скрыться врагъ въ пустыняхъ и горахъ,—
Побѣда на земли, побѣда на моряхъ.
Дрожитъ Дунайскій брегъ, трепещутъ Дарданеллы,
Колеблется востокъ и южные предѣлы.
Вездѣ твои орлы, монархиня, парятъ;
Вездѣ твой громъ гремитъ и молніи горятъ;
Отвсюду „Божій внукъ“, бичъ царствъ земныхъ, темнѣетъ [1]),
Отвсюду Мустафа въ loseралѣ цѣпенѣетъ:
Въ началѣ счастливыхъ, торжественныхъ судьбинъ,
Голицинъ, утѣснивъ, повергъ тебѣ Хотинъ.
Съ стремленьемъ сильный вихрь во слѣдъ его пустился;
Румянцевъ, какъ перунъ, по туркамъ разразился;
Какъ древле Юпитеръ гигантовъ поразилъ,
Такъ подъ Кагуломъ онъ визиря разгромилъ.
Упадши, гордыя предъ Панинымъ Бендеры,
Сомнительны вѣкамъ оставили примѣры:
Быть долженъ Геркулесъ, чтобъ стрясть столь твердый градъ,
Который защищалъ всей злобой злобный адъ.
Что сдѣлать грозные возмогутъ элементы?
Россійскимъ флотомъ вмигъ флотъ Агаряновъ стертый
Исчезнулъ при Чесмѣ и свѣту показалъ,
Что влагой и огнемъ Орловъ повелѣвалъ.
Вступилъ лишь въ Херсонесъ, пошелъ лишь Долгоруковъ,
Единой славою его гремящихъ звуковъ
Отверзся Перекопъ, пришелъ въ подданнство Крымъ.
И вѣки что творятъ, то лѣтомъ лишь однимъ
Екатеринѣ, знать, положено судьбами,
Чтобъ не стеналъ Босфоръ Магмета предъ рабами.
Гряди, гряди, о рокъ,—и орлею рукой
Возстань, Палеологъ, поверженный луной.

№ 105. ПУГАЧЕВЪ.

Народная пѣсня.

Ужъ при славной было при царицѣ,
При матушкѣ при царицѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ,
Ужъ весь-то народъ русскій жилъ во счастьицѣ,
Во счастьицѣ, во раздольицѣ, во богатыемъ житьѣ.
Ужъ какъ всѣ-то купцы себѣ домъ накопляли,
А бѣдные-то и въ чемъ нужды не видали:
Всѣ жили и молили за царицу,
За матушку Катерину Алексѣевну.
Но вдругъ настало время злое,
Время злое, несчастливое:
Ужъ какъ нанесло-то вихремъ
На святую Русь бѣду пагубную,
Бѣду пагубную, неминуемую.
Проявился у насъ на славной на землѣ,
На славной на землѣ, на святой Руси,—
Проявился воръ-собака, проклятый человѣкъ,
Проклятый человѣкъ, Пугачевъ, казацкій сынъ.

[1]) „Божій внукъ“—такъ называли себя султаны.

Ужъ какъ этотъ-то собака вздумалъ по Руси гулять,
Вздумалъ по Руси гулять, а себя царемъ казать.
Много казнилъ, много вѣшалъ, много головы рубилъ,
Много головы рубилъ и во ямушку валилъ.

Какъ пымали-то собаку во чистомъ полѣ,
Привезли эту собаку во Москву-городъ гостить,
Во Москву-городъ гостить, буйну голову рубить,
Какъ казнили-то собаку на главной площади,
Ужъ казнили, пытерили, буйну голову срубили.

№ 106. *Байронъ.* ИЗЪ „ДОНЪ-ЖУАНА“.—„ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА“. Пер. *Козлова.*

Пѣснь седьмая.

Октава 9.

Построенный на отмели Дуная,
Въ восточномъ стилѣ, городъ Измаилъ
Стоялъ, весь лѣвый берегъ защищая,
И крѣпостью перворазрядной былъ.
Но крѣпость ту постигла участь злая:
Разбивъ враговъ, ее Суворовъ срылъ.
Верстъ шесть считалось крѣпостного вала,
Она-жъ отъ моря въ ста верстахъ стояла.

10.

Предмѣстье помѣщалось съ нею въ рядъ.
Хотя фортификаціи законы
Такъ размѣщать построекъ не велятъ.
Въ защиту стѣнъ какой-то грекъ ученый
Возвелъ искусно массу палисадъ
И тѣмъ ослабилъ средства обороны.
Онъ ими наносилъ лишь вредъ себѣ,
Врагамъ давая перевѣсъ въ стрѣльбѣ.

11.

Плохой Вобанъ для правильной защиты
Не въ силахъ былъ принять надежныхъ мѣръ;
Онъ не сумѣлъ устроить „путь прикрытый“,
Постройкамъ надлежащій дать размѣръ;
Форпосты были имъ совсѣмъ забыты
(Простите, что пишу, какъ инженеръ);
Но стѣны были крѣпки и высоки,
А рвы вкругъ нихъ, какъ океанъ, глубоки.

12.

Еще одинъ громадный бастіонъ,
Съ проходомъ узкимъ, возвышался съ края;
Въ себѣ вмѣщалъ двѣ батареи онъ:
Одна была съ барбетомъ, а другая
Стояла въ казематахъ; съ двухъ сторонъ
Онѣ громили берега Дуная;
А справа, на горѣ крутой, редутъ
Орудьямъ крѣпостнымъ давалъ пріютъ.

13.

Все-жъ Измаилъ открытымъ оставался
Со стороны Дуная. Этотъ входъ
Оберегать никто и не старался:
Вѣдь тамъ не могъ явиться русскій флотъ.
Когда-жъ онъ на Дунаѣ показался,
Неисправимъ былъ промахъ: гдѣ же бродъ
Найти въ рѣкѣ глубокой! Полны страха,
На помощь турки стали звать Аллаха.

14.

Хочу воспѣть, войны и славы Богъ,
Я храбрыхъ русскихъ, къ приступу готовыхъ.
Я былъ бы радъ, коль описать бы могъ
Дѣла людей въ цивилизацьи новыхъ,

Ахиллъ въ крови отъ головы до ногъ
Не могъ страшнѣе быть бойцовъ суровыхъ,
Чьи имена полны слоговъ такихъ,
Что невозможно выговорить ихъ.

15.

Все-жъ назову иныхъ, чтобъ васъ плѣнили
Созвучья этихъ мелодичныхъ словъ
Съ двѣнадцатью согласными. Тутъ были:
Арсеньевъ, Майковъ, Львовъ и Чичаговъ,
И о другихъ газеты говорили.
Я многихъ бы еще назвать готовъ,
Но славы не хочу тревожить слуха:
У ней труба, такъ вѣрно есть и ухо.

16.

Поэтому именъ прервалъ я нить,
Которыхъ даже молвить трудъ чертовскій;
Подумайте, легко-ль въ стихи вклеить
Фамиліи на: ишкинъ, ускинъ, овскій.
Все-жъ объ иныхъ я долженъ говорить:
Шихматовъ, Шереметевъ, Разумовскій,
Куракинъ, Мусинъ-Пушкинъ были тамъ,
Погибель и позоръ суля врагамъ.

17.

То были люди чести и совѣта,
Которымъ былъ извѣстенъ къ славѣ путь;
Ни муфтіевъ они, ни Магомета,
Конечно, не страшилися ничуть
И были бы готовы—вѣрно это—
Ихъ шкурой барабаны обтянуть,
Явися вдругъ нужда въ телячьей кожѣ
Иль при покупкѣ стань она дороже.

18.

Здѣсь находились люди разныхъ странъ,
Которыхъ страсть къ добычѣ привлекала;
Дрались они, чтобъ свой набить карманъ
Иль крупный чинъ схватить, заботясь мало
О тронѣ и отчизнѣ; англичанъ
При русскомъ войскѣ масса состояла;
Вы Томсоновъ могли-бъ шестнадцать счесть
И девятнадцать Смитовъ въ списокъ внесть.

19.

Всѣ Томсоны, въ честь славнаго поэта,
Носили имя Джемми, чѣмъ судьба
Ихъ крайне обласкала; имя это
Казалось имъ почетнѣе герба.
Сюда стеклась со всѣхъ окраинъ свѣта
Почтенныхъ Смитовъ цѣлая гурьба.
Одинъ изъ нихъ былъ тотъ полковникъ бравый,
Что въ Галифаксѣ увѣнчался славой.

20.

По именамъ всѣхъ Смитовъ перечесть
Я не берусь. Петры межъ ними были
(О трехъ изъ нихъ у насъ извѣстья есть);
Затѣмъ встрѣчались Джеки, Вили, Били.
Въ реляціяхъ вы можете прочесть
О Смитахъ, что отличья получили.
Славнѣйшаго изъ нихъ родной отецъ
Извѣстный въ Кумберлэндѣ былъ кузнецъ.

21.

Хоть къ Марсу отношуся я съ почтеньемъ,
Но не могу блестящій аттестатъ
Достаточнымъ признать вознагражденьемъ
За то увѣчье, что нанесъ снарядъ.
Шекспиръ вполнѣ съ моимъ согласенъ мнѣньемъ;
Изъ драмъ его цитаты—сущій кладъ;
За нихъ такъ любимъ мы Шекспира драмы,—
Патентъ на умъ готовы дать всегда мы.

22.

При арміи была французовъ рать,
Красивыхъ, остроумныхъ и веселыхъ,
Но смѣю-ль я о нихъ упоминать.
Пожалуй, доживешь до дней тяжелыхъ.
Французовъ вѣдь привыкъ на части рвать

Джонъ Буль,—и разъ, что за враговъ
онъ счелъ ихъ,
Пусть миръ давно ужъ съ ними заклю-
ченъ,
Съ враждебностью на нихъ все смотритъ
онъ.

23.

Преслѣдовали русскіе двѣ цѣли:
На островѣ, построивъ бастіонъ,
Они, во-первыхъ, Измаилъ хотѣли
Орудьями громить со всѣхъ сторонъ,
Ни зданій не щадя, ни цитадели.
Амфитеатромъ былъ построенъ онъ,
А потому легко до основанья
Они могли его разрушить зданья.

24.

Еще у нихъ коварный былъ расчетъ:
Воспользоваться города пожаромъ,
Чтобъ въ щепки обратить турецкій флотъ.
На якорѣ, теряя время даромъ,
Безпечно онъ стоялъ близъ этихъ водъ,
Сраженный непредвидѣннымъ ударомъ;
При этомъ врагъ легко бы сдаться могъ,
Не будь онъ только бѣшенъ, какъ буль-
догъ.

25.

Не слѣдуетъ пренебрегать врагами.
Зато погибли Чичаговъ и Смитъ,
Одинъ изъ тѣхъ, что ужъ воспѣты нами,
Чье имя дружно съ рифмами на „итъ";
Вездѣ вы Смитовъ видите толпами;
И мысль меня совсѣмъ не удивитъ,—
Такъ много ихъ разбросано по свѣту,
Что самъ Адамъ носилъ фамилью эту.

26.

Не удалась постройка батарей,
Воздвигнутыхъ войсками недалеко
Отъ крѣпости. Старались поскорѣй
Устроить ихъ, а въ спѣшкѣ мало прока.
(Стихи, и тѣ врага встрѣчаютъ въ ней).
Пришлося приступъ отложить до срока;
Тяжелъ былъ для вождя такой ударъ.
Одна рѣзня приноситъ славу въ даръ.

27.

Отсрочка боя—грустное событье;
Ошибся ли въ расчетахъ инженеръ,
Хотѣлъ ли уменьшить кровопролитье
Подрядчикъ непринятьемъ нужныхъ
мѣръ,
Спасая этимъ душу,—объяснить я
Вамъ не берусь,—но батарей размѣръ
Мѣшалъ громить враговъ, стѣнами скры-
тыхъ,
И съ каждымъ днемъ росло число уби-
тыхъ.

28.

Флотъ тоже мало пользы приносилъ;
Стрѣлялъ онъ неудачно, хоть и рьяно;
Два брандера погибли въ цвѣтѣ лѣтъ,—
Ихъ фитили сгорѣли слишкомъ рано,
И взрывъ среди рѣки не причинилъ,
Конечно, ни малѣйшаго изъяна
Противникамъ. Съ зарей раздался
взрывъ,
Отъ сна однако-жъ ихъ не пробудивъ.

29.

Лишь въ семь часовъ, въ минуту про-
бужденья,
Замѣтили они плывущій флотъ,
Что продолжалъ отважное движенье
Въ виду всѣхъ вражьихъ силъ. Несясь
впередъ,
Онъ къ девяти часамъ, безъ затрудненья,
На якорь сталъ близъ крѣпости. И вотъ
Бомбардировку начала эскадра,
И ей въ отвѣтъ посыпалися ядра.

30.

Полдня ее громилъ турецкій станъ,
Но и она отстрѣливалась ловко
И, мѣтко поражая мусульманъ,
Давила ихъ геройскою сноровкой;
Однако отступить приказъ былъ данъ,—
Нельзя взять верхъ одной бомбардиров-
кой:
Къ тому же непріятель захватилъ
Одинъ корабль, другой же взорванъ
былъ.

31.

И мусульмане—также вскользь замѣчу—
Здѣсь понесли значительный уронъ;
Но, видя, что враги бросаютъ сѣчу,
Накинулись на нихъ со всѣхъ сторонъ;
Тутъ графъ Дамасъ понесся къ нимъ навстрѣчу,
И столькихъ потопилъ въ Дунаѣ онъ,
Что описаньемъ жаркой схватки этой
Наполнить можно-бъ цѣлый листъ газеты.

32.

— Я исписалъ бы нѣсколько томовъ.
Передавая подвиги флотильи,—
Гласитъ историкъ. Русскихъ удальцовъ
Успѣхомъ увѣнчалися усилья.
О русскихъ онъ не тратитъ много словъ,
Зато приводитъ громкія фамильи
Тѣхъ иностранцевъ, что сражались тамъ,
И называетъ Ланжерона намъ

33.

Съ Дамасомъ и де-Линемъ. Безпристрастья
Примѣръ историкъ долженъ подавать:
Имъ очень помогло участье,
А то о нихъ могли бы не слыхать.
Какъ видно, и для славы нужно счастье.
Но впрочемъ принцъ де-Линь пустилъ въ печать
Записки, что полны самохваленья,
Чѣмъ, можетъ-быть, онъ спасся отъ забвенья.

34.

Героевъ многихъ видѣлъ этотъ день;
Но многихъ ли въ вѣнкахъ, изъ лавровъ свитыхъ,
Укрыла отъ забвенья славы сѣнь?
Не счесть именъ, напрасно позабытыхъ;
Забвенія на всѣхъ ложится тѣнь.
И много-ль нихъ, сограждамъ именитыхъ,
Героевъ современныхъ эпопей,
Что слѣдъ оставятъ въ памяти людей?..

35.

Не привела блестящая атака
Къ желанной цѣли: крѣпость не сдалась;
Чтобъ врагъ не видѣлъ въ томъ безсилья знака,
Взять приступомъ ее старикъ Рибасъ
Совѣтовалъ. Съ нимъ многіе однако
Заспорили, на штурмъ не согласясь,
Произнесли рѣчей при этомъ кучу,
Но повтореньемъ ихъ вамъ не наскучу.

36.

Тогда жилъ мужъ, по силѣ Геркулесъ,
За это безпримѣрно отличенный,
Какъ метеоръ блеснулъ онъ и исчезъ,
Внезапною болѣзнью пораженный.
Одинъ, въ степи, подъ куполомъ небесъ,
Онъ кончилъ вѣкъ въ странѣ, имъ разоренной.
Такъ гибнетъ саранча среди полей,
Безжалостно опустошенныхъ ей.

37.

То былъ Потемкинъ. Въ этотъ вѣкъ отличья
Стяжались чрезъ убійства и развратъ,
Когда чины даютъ въ удѣлъ величье.
Онъ былъ великъ и славою богатъ.
Хоть попиралъ онъ совѣсть и приличья,
А всякій былъ предъ нимъ склоняться радъ,
Своей царицы былъ онъ вѣрнымъ другомъ,
Она-жъ людей цѣнила по заслугамъ.

38.

Пока совѣтъ рѣшалъ, какъ поступить,
Рибасъ послалъ къ Потемкину курьера,
И князя онъ сумѣлъ уговорить
Одобрить имъ предложенныя мѣры.
Не знаю я, чѣмъ это объяснить.
Межъ тѣмъ подъ грохотъ пушекъ инженеры
Воздвигли, чтобы крѣпость взять вѣрнѣй,
На берегу рядъ новыхъ батарей.

39.

Отвѣтъ пришелъ почти чрезъ двѣ недѣли,
Когда ужъ съ частью войска флотъ отплылъ
И отступить отъ крѣпости хотѣли.

Полученный указъ воспламенилъ
Бойцовъ, что отличиться не успѣли:
Назначенъ былъ вождемъ всѣхъ русскихъ силъ
Любимецъ битвъ и врагъ интригъ и споровъ -
Фельдмаршалъ, знаменитый князь Суворовъ.

40.

Ему письмо Потемкинъ написалъ,
Достойное спартанца. Долгъ тяжелый
Когда бы то письмо продиктовалъ
Въ защиту воли, родины, престола,-
Оно бы удостоилось похвалъ.
Но срамъ ему, какъ чаду произвола.
„Во что бы то ни стало,—такъ гласилъ
Потемкина указъ,—взять Измаилъ".

41.

Богъ рекъ: „Да будетъ свѣтъ" — и съ тьмою въ спорѣ
Свѣтъ озарилъ весь міръ. „Чтобъ кровь лилась"—
Рекъ смертный, и ея пролилось море.
Сынъ ночи молвилъ: „Фіатъ",—и стряслась
Нежданная бѣда, рождая горе
И сѣя зло. Какъ буря проносясь,
Все вкругъ себя война нещадно губитъ,
И не одни сучки, но корни рубитъ.

42.

Увидѣвъ уходящія войска,
Обрадовались турки непомѣрно..,
Но какъ была ихъ радость коротка.
Побѣду надъ врагомъ считая вѣрной,
Мы на него взираемъ свысока,
И часто результатъ выходитъ скверный.
Недолго ликовалъ турецкій станъ,
Принявшій за дѣйствительность обманъ.

43.

Разъ увидали мчавшихся дорогой
Двухъ всадниковъ вдали. Наружность ихъ
Величія являла такъ немного,
Что ихъ сочли за казаковъ простыхъ:
Въ поту, въ пыли, снаряжены убого,
Они неслися на коняхъ лихихъ,
Безъ багажа въ нарядѣ небогатомъ:
То ѣхалъ самъ Суворовъ съ провожатымъ.

46.

....Лагерь ликовалъ...
Перомъ не описать такой картины.
Суворовъ славы вѣстникомъ предсталъ.
Какъ метеоръ, что свѣтитъ надъ трясиной
И манитъ въ топь, фельдмаршалъ засіялъ
Предъ войскомъ и восторговъ былъ причиной:
Всѣ вѣрили, что онъ непобѣдимъ,
И были рады слѣдовать за нимъ.

47.

Лишь появился вождь, одушевленье
Неудержимо охватило всѣхъ;
Все измѣнило видъ; воскресло рвенье;
Войскамъ предсталъ давно желанный брегъ,
Къ атакѣ начались приготовленья
Съ надеждою на славу и успѣхъ.

48.

Великій человѣкъ толпу ведетъ
И безконтрольно управляетъ ею.
Такъ стадо за быкомъ всегда идетъ;
Такъ за собачкой маленькой своею
Ползетъ слѣпецъ; такъ вѣтру лоно водъ
Послушно, съ нимъ въ борьбу вступить не смѣя;
Такъ, потрясая колокольчикъ свой,
Баранъ ведетъ овецъ на водопой.

49.

Воскресшій лагерь въ радостномъ порывѣ,
Казалось, свадьбу весело справлялъ,
Метафоры нельзя найти счастливѣй:
Мнѣ кажется, въ ошибку я не впалъ,—
Гдѣ свадьба, тамъ и ссора въ перспективѣ.
Геройскій духъ все войско обуялъ.

Переворота кто же былъ виною,—
Старикъ, умѣвшій управлять толпою.

50.

Весь лагерь былъ въ работу погруженъ,
Приготовляясь къ штурму, бредя славой,
Отрядъ передовой, изъ трехъ колоннъ,
Лишь знака ждалъ, чтобъ въ бой вступить кровавый.
Вторымъ отрядомъ былъ поддержанъ онъ
Такого же значенья и состава;
Затѣмъ отряда третьяго полки
Готовились атаку весть съ рѣки.

51.

По возведеньи новыхъ укрѣпленій
Совѣтъ военный тотчасъ созванъ былъ;
На этотъ разъ безъ личностей и преній
Онъ все единогласно утвердилъ.
(Плодитъ единогласіе рѣшеній
Лишь крайность). Все Суворовъ обсудилъ,
Все взвѣсилъ и, готовясь къ битвѣ славной,
Училъ солдатъ штыкомъ владѣть исправно.

52.

Училъ онъ рекрутъ, какъ простой капралъ,
Нигдѣ минуты не теряя;
Водилъ ихъ черезъ рвы и пріучалъ
Къ огню ихъ, въ саламандры превращая;
По лѣстницамъ ихъ лазить заставлялъ,
Готовясь къ штурму (Лѣстница такая,
Сказать ли надо, не сходна вполнѣ
Съ той, что Іаковъ увидалъ во снѣ).

53.

Убравъ рядъ фашинъ алыми чалмами,
Приказывалъ солдатамъ онъ своимъ
Тѣ чучела атаковать штыками,
Вступая въ бой, какъ бы съ врагомъ своимъ.
Онъ шелъ къ побѣдѣ разными путями.
Иные мудрецы, труня надъ нимъ,
Усматривали въ этомъ лишь нелѣпость.
Суворовъ прервалъ споры, взявши крѣпость.

54.

Насталъ канунъ атаки. Лагерь стихъ.
Не слышалось ни возгласовъ, ни шума:
Когда борьбы тяжелой близокъ мигъ,
Предчувствуя успѣхъ, молчатъ угрюмо
Тѣ, что хотятъ цѣной всѣхъ силъ своихъ
Побѣду одержать: за думой дума
Къ нимъ крадется. Былые вспомнивъ дни,
О милыхъ сердцу думаютъ они.

55.

Молясь, остря, весь преданный причудамъ,
То ловкій шутъ, то демонъ, то герой,
Суворовъ былъ необъяснимымъ чудомъ.
За всѣмъ слѣдя, онъ планъ готовилъ свой
И ничего не оставлялъ подъ спудомъ.
Какъ арлекинъ, носясь передъ толпой,
Онъ міръ давилъ то шуткой, то погромомъ,
И былъ сегодня Марсомъ, завтра — Момомъ.

58.

Суворовъ..., горячась,
Въ одномъ бѣльѣ производилъ ученье.
Уча рѣзнѣ, надъ трусами глумясь,
Онъ расточалъ и брань и наставленья.
Смотря на плоть людскую, какъ на грязь,
Съ горячностью отстаивалъ онъ мнѣнье,
Что смерть, когда причиной ей война,
Отставкѣ съ полной пенсіей равна.

Пѣснь восьмая.

2.

Какъ вышедшій изъ логовища левъ,
Шла армія въ безмолвіи суровомъ.
Она ждала (до крѣпости успѣвъ
Добраться незамѣтно, подъ покровомъ
Глубокой тьмы), чтобъ пушекъ грозный ревъ
Ей подалъ знакъ къ атакѣ. Строемъ новымъ

Безстрашно замѣщая павшій строй,
Людская гидра вступитъ въ смертный
бой.

3.

Когда сочтемъ тѣ страшныя затраты,
Что золотомъ и кровью дѣлалъ свѣтъ
На войны, какъ ничтожны результаты
Окажутся одержанныхъ побѣдъ!
Онѣ одною славою богаты,
Но сколько расплодили горькихъ бѣдъ.
Слезу страданья осушить съ любовью
Славнѣе, чѣмъ весь міръ забрызгать
кровью.

4.

Да, благодатны добрыя дѣла,
Тогда какъ слава тягостна народу;
Онъ—въ нищетѣ, и жертвамъ нѣтъ числа,
Что приносить онъ долженъ ей въ угоду.
Лишь честолюбцы въ ней не видятъ зла.
Война священна только за свободу,
Когда-жъ она лишь честолюбья плодъ,
Кто бойнею ее не назоветъ?

5.

Борьба за волю—только подвигъ громкій,
Зато и Леонидъ и Вашингтонъ
Безсмертны, и позднѣйшіе потомки
Не позабудутъ славы ихъ именъ.
О нихъ гласятъ не жалкіе обломки
Разрушенныхъ міровъ, не плачъ и стонъ
Порабощенныхъ, но дары свободы,
Что черезъ нихъ пріобрѣли народы.

6.

Зловѣщая царила тьма вокругъ.
Лишь пушки, искры грозныя бросая,
Свои огни сливали въ яркій кругъ,
Что отражался волнами Дуная,
Какъ адскимъ зеркаломъ. Тревожа слухъ,
Пальба не прерывалась роковая.
Огня небесъ страшнѣй огонь земной:
Одинъ щадитъ, безжалостенъ другой.

7.

Едва успѣлъ, подъ сѣнью тьмы безмолв-
ной,
До стѣнъ добраться посланный отрядъ,
Какъ мусульмане разомъ, злобы полны,
Стрѣляя мѣтко, вышли изъ засадъ.
Земля и воздухъ, крѣпость, горы, вол-
ны,—
Все превратилось вмигъ въ кромѣшный
адъ;
Вся мѣстность стала огненнымъ вулка-
номъ,
Какой-то Этной, взорванной титаномъ.

8.

Въ то время, словно громъ, раздался
крикъ:
„Аллахъ“, и, потрясая тучи дыма,
Шумъ битвы заглушилъ, свирѣпъ и дикъ,
Какъ вызовъ онъ звучалъ неумолимый.
Суля погибель,—всюду онъ проникъ,
Какъ ураганъ, несясь неудержимо.
Чу... въ крѣпости, въ волнахъ, на берегу,
Вездѣ звучитъ: „Аллахъ!“ и „Алла гу!“

9.

Врасплохъ не захватили оборону,—
Давно ужъ крѣпость приступа ждала.
Огонь ужасный встрѣтилъ ту колонну,
Что отъ рѣки атаку повела.
Она подверглась тяжкому урону
И вся почти на мѣстѣ полегла.
Командовалъ безстрашно частью той
Арсеньевъ—вождь, прославленный мол-
вой.

10.

Въ колѣно принцъ де-Линь былъ пора-
женъ.
У графа Шапо-Бра, въ началѣ дѣла,
Лишь началось движеніе колоннъ,
Межъ головой и шляпой пролетѣла
Шальная пуля. Чудомъ спасся онъ.
Аристократа-ль пощадить хотѣла
Та пуля, или вѣдала о томъ,
Что лобъ свинцовый не пробить свин-
цомъ!

11.

Марковъ хотѣлъ во что бы то ни стало,
Чтобъ раненаго принца унесли,
Хотя кругомъ простыхъ солдатъ немало

Безпомощно валялось тутъ въ пыли.
Ихъ стоны не смущали генерала,—
Онъ думалъ лишь о принцѣ; но пошли
Ему не впрокъ заботы о вельможѣ:
Вертясь предъ нимъ, Марковъ былъ ра-
ненъ тоже.

12.

Десятки тысячъ ружей, словно громъ,
Тремъ стамъ орудьямъ вторили, смя-
тенье
Внося въ ряды (вѣрнѣй всего свинцомъ,
Гдѣ нужно, возбуждать кровотеченье).
О, люди, вы знакомы съ тяжкимъ зломъ,
Что причиняютъ голодъ, моръ, лишенья,
Но какъ значенье слабо бѣдъ такихъ,
Коль съ полемъ битвы вы сравните ихъ!

13.

Тамъ на-лицо ужаснѣйшія муки.
Онѣ вездѣ, куда ни бросишь взглядъ;
Здѣсь раненый, крича, ломаетъ руки;
Другіе, закативъ глаза, лежатъ,
И видны лишь бѣлки ихъ; скорби звуки
И стоны къ небу жалобно летятъ.
Инымъ лишь смерть отъ ранъ прино-
ситъ слава;
Другимъ, быть-можетъ, дастъ на крестикъ
право.

15.

Межъ тѣмъ впередъ пустились грена-
деры,
Чтобъ брустверъ взять (онъ ихъ одолѣ-
валъ),
И впрокъ пошли ихъ храбрости примѣры:
Другой отрядъ за ними не отсталъ.
Какъ дѣти рвутся къ матери, такъ, съ
вѣрой
Въ успѣхъ, вползли они на скользкій
валъ
И, не волнуясь, словно на парадѣ,
Мгновенно очутились въ палисадѣ.

16.

Невѣроятенъ подвигъ былъ такой.
Вулканъ нанесъ бы меньше злыхъ увѣ-
чій,
Бросая лаву огненной струей,
Чѣмъ встрѣтившій героевъ градъ картечи.
Треть офицеровъ пала подъ грозой;
Ужъ о побѣдѣ не было и рѣчи:
Когда охотникъ падаетъ, никакъ
Въ порядокъ привести нельзя собакъ.

69.

Палъ Измаилъ. Одинъ отрядъ сначала
Въ немъ проложилъ кровавый путь. За
нимъ
Другой ворвался слѣдомъ. Смерть зіяла,
И острый штыкъ, какъ рокъ неумолимъ,
Въ толпу врѣзался. Все кругомъ стонало.
Какъ облако, носился сѣрный дымъ,
Тяжелымъ смрадомъ воздухъ отравляя.
А турки все дрались, не отступая:

70.

Кутузовъ, что при помощи снѣговъ
Впослѣдствіи отпоръ далъ Бонапарту,
Съ солдатами попалъ въ глубокій ровъ,
Благодаря излишнему азарту.
Предъ другомъ и врагомъ онъ былъ го-
товъ
Всегда шутить и, ставя жизнь на карту,
Острилъ надъ всѣмъ, веселый тѣша нравъ;
Но тутъ онъ пріунылъ, въ бѣду попавъ.

71.

Безумною отвагою согрѣтый
И храбрости желая дать примѣръ,
Онъ бросился къ подножью парапета,
Но турки смяли храбрыхъ гренадеръ,
Что съ нимъ пошли въ атаку. Въ схват-
кѣ этой
Въ числѣ убитыхъ былъ и Рибопьеръ,
Что палъ, оплаканъ всѣми въ русскомъ
станѣ.
Загнали въ ровъ обратно мусульмане

72.

На парапетъ взобравшихся солдатъ;
Но ихъ спасла нежданная подмога:
Какой-то заблудившійся отрядъ,
Что проплуталъ невѣдомой дорогой,
Пришелъ на помощь къ нимъ, а то-бъ
наврядъ
Подъ градомъ пуль ихъ уцѣлѣло много

И храбрый весельчакъ Кутузовъ самъ
Съ колонною своей погибъ бы тамъ.

73.

Отрядъ, прибывшій послѣ жаркой схватки,
Оплотомъ овладѣлъ турецкихъ силъ.
Когда бѣжали турки въ безпорядкѣ,
Провелъ онъ за собою въ Измаилъ
Киллійскими воротами остатки
Отряда, что Кутузовъ погубилъ.
Во рву, среди кроваваго болота,
Пріютъ нашла разбитая пѣхота.

74.

Каза́ки иль, пожалуй, казакі́
(На правильность и точность удареній
Мнѣ обращать вниманье не съ руки,
Лишь избѣгаю фактовъ искаженій),—
Всѣ полегли, изрублены въ куски,
Не знатоки по части укрѣпленій,
Привыкшіе сражаться лишь верхомъ,
Не въ силахъ были справиться съ врагомъ.

75.

Хоть ихъ огонь преслѣдовалъ жестоко,
Толпой они вскарабкались на валъ
И думали, покорны волѣ рока,
Что грабежа отрадный мигъ насталъ;
Но зубъ порой нейметъ, хоть видитъ око:
Предъ ними непріятель отступалъ
Лишь для того, чтобъ ихъ, собравши вмѣстѣ,
Всѣхъ окружить и положить на мѣстѣ.

76.

Когда разсвѣтъ, алѣя, заблестѣлъ,
Никто изъ нихъ въ живыхъ не оставался;
Но слава имъ досталася въ удѣлъ...
Погибли всѣ, но ни одинъ не сдался.
По грудѣ ихъ окоченѣвшихъ тѣлъ
Есуцкій, какъ по лѣстницѣ, взобрался
И въ крѣпость ворвался таким путемъ
Съ неустрашимымъ Полоцкимъ полкомъ.

77.

Отважный вождь налѣво и направо
Рубилъ враговъ, но скоро палъ отъ ранъ.
Хоть стѣны были взяты, бой кровавый
Все длился, не разстроивъ мусульманъ.
Кого побѣда увѣнчаетъ славой,
Никто-бъ сказать не могъ. Со станомъ станъ
Боролись на-смерть; храбро янычары
Ударами платили за удары.

78.

Не меньше пострадалъ отрядъ другой
Подъ выстрѣлами турокъ. Здѣсь замѣчу,
Что лишнее имѣть запасъ большой
Патроновъ тамъ, гдѣ, направляясь въ сѣчу,
Въ виду имѣютъ рукопашный бой.
Солдатъ, боясь къ врагу итти навстрѣчу,
Стрѣляетъ второпяхъ, издалека,
Не прибѣгая къ помощи штыка.

79.

Отрядъ Мехнова (что въ бою сначала
Отъ выстрѣловъ немало потерпѣлъ
И своего лишился генерала)
На выручку удачно подоспѣлъ
Къ тѣмъ храбрецамъ, что добрались до вала,
И взялъ редутъ, гдѣ сераксиръ засѣлъ
И защищался съ бѣшеной отвагой,
Не устрашенъ нагрянувшей ватагой.

80.

Когда онъ былъ врагами окруженъ,
Ему была предложена пощада,
Но сераксиръ былъ этимъ возмущенъ:
Вождю-герою милости не надо;
Какъ мученикъ, погибъ безстрашно онъ,
Отчизны скорбь была его награда.
Морякъ, что взять его хотѣлъ живымъ,
Былъ наповалъ убитъ мгновенно имъ.

81.

На предложенье сдаться пистолетомъ
Отвѣтилъ онъ; тогда приказъ былъ данъ:
Всѣхъ турокъ перерѣзать. Въ дѣлѣ этомъ
Три тысячи погибло мусульманъ;
Рѣзня была немедленнымъ отвѣтомъ
На выстрѣлъ сераксира, что отъ ранъ

Окончилъ вѣкъ. Онъ палъ передъ вой-
скамп,
Пронизанный шестнадцатью штыками.

82.

Сдавался шагъ за шагомъ Измаилъ
И превращался въ мрачное кладбище;
Дрались турки изъ послѣднихъ силъ,
Отстаивая каждое жилище.
Лучъ солнца, согрѣвая нильскій илъ,
Чудовищамъ даетъ и жизнь и пищу:
Такъ породилъ зловѣщій битвы адъ
Безжалостныхъ дѣяній цѣлый рядъ.

87.

Нѣтъ, не сдались твердыни Измаила,
А пали подъ грозой. Тамъ ручьемъ,
Алѣя, кровь свои струи катила;
Безъ страха передъ смертью и врагомъ
Валились турки. Верхъ брала лишь сила.
Хоть все, пылая, рушилось кругомъ,
Они не прекращали обороны,
Побѣды крики превращая въ стоны.

88.

Штыки вонзались, длился смертный бой;
И здѣсь, и тамъ людей валились кучи.
Такъ, осенью, уборъ теряя свой,
Въ объятьяхъ бури стонетъ лѣсъ дре-
мучій.
Руины представляя лишь собой,
Палъ Измаилъ, онъ палъ какъ дубъ мо-
гучій,
Взлелѣянный вѣками великанъ,
Что вырвалъ съ корнемъ грозный ура-
ганъ.

122.

Въ крови купаясь, рухнулъ Измаилъ...
И рогъ луны, утратившій значенье,
Пурпурный крестъ собою замѣнилъ;
Но не была символомъ искупленья
Та кровь, которой бой его покрылъ.
Въ волнахъ луны сіяетъ отраженье:
Такъ, кровью, что стеклась со всѣхъ сто-
ронъ,
Пожара блескъ былъ грозно отраженъ.

127.

Но кончить тороплюсь я: крѣпость сда-
лась,
И зарево пылающихъ домовъ
Въ Дунаѣ, полномъ крови, отражалось.
Гремѣлъ побѣдный крикъ, но пушекъ
ревъ
Среди развалинъ смолкъ. Въ живыхъ
осталась
Лишь горсть людей, а тысячи бойцовъ
Въ кровавомъ снѣ лежали распростерты,
Съ лица земли рукою смерти стерты.

133.

Суворовъ побѣдилъ, затмивъ собой
Тимура. Лишь пальбы умолкли громы,
Онъ написалъ кровавою рукой,
Въ виду домовъ, горѣвшихъ, какъ со-
лома,
Императрицѣ первый рапортъ свой,
Ей сообщая результатъ погрома:
„Благодаренье Богу, слава вамъ,—
Писалъ онъ:—крѣпость взята и я тамъ“.

134.

Ужасныя слова. Лишь изреченье,
Что прочиталъ на пирѣ Даніилъ,
Съ словами тѣми выдержитъ сравненье;
Хоть смыслъ его иной, конечно, былъ:
Пророкъ, читая Божье откровенье,
Надъ бѣдствами народа не трунилъ,
Тогда какъ русскій вождь, съ Нерономъ
пара,
Острилъ въ стихахъ при заревѣ пожара.

136.

Читая съ страхомъ лѣтопись разврата,
О, внуки, на героевъ прежнихъ лѣтъ
Смотрите, изумленіемъ объяты,
Какъ смотримъ мы на мамонта скелетъ,
Дивясь тому, что могъ онъ жить когда-то;
Какъ созерцаемъ пирамиды свѣтъ,
Желаніемъ объяты—хотя-бъ случайно
Понять ихъ смыслъ и разгадать ихъ тайны.

№ 107. *Шевченко.* ГАЙДАМАКИ.

Поэма.

Прологъ.

Была прежде шляхетчина
Важной госпожею,
Вела борьбу съ москалями,
Султаномъ, ордою
И съ нѣмцами... Была, была...
Да что не бываетъ?
Прежде шляхта знай кичится,
День и ночь гуляетъ,
Королями, какъ пѣшками,
Гордо помыкаетъ.
Не скажу того про Яна
Собіесскаго, Степана.
А другими!.. Тѣ, бѣдняги,
Молча пановали.
Сеймы, семики ревѣли,
Сосѣди молчали.
И смотрѣли, какъ изъ Польши
Короли уходятъ;
Удивлялись, какъ шляхетство
Кричитъ, оретъ, воетъ:
— Не позволямъ, не позволямъ!—
Кричитъ всякъ, кто хочетъ.
А магнаты палятъ хаты,
Свои сабли точатъ.
Долго, долго былъ у ляховъ
Порядокъ таковскій,
Пока не сѣлъ на престолѣ
Храбрый Понятовскій.
Зацарствовалъ и думалъ шляхту
Къ рукамъ прибрать, но не сумѣлъ,
Хотѣлъ добра онъ всѣмъ, какъ дѣтямъ,
Еще чего-нибудь хотѣлъ,—
Одно словечко: „не позволямъ"
Хотѣлъ у шляхты отобрать.
Потомъ... Вся Польша запылала,
Поляки начали кричать:
Слово гоноро дарма праца *)
Слуга, наемникъ москаля!
На зовъ Пулавскаго и Паца
Встаетъ шляхетская земля
И разомъ сто конфедерацій.

Разбрелись конфедераты
Въ Польшѣ, Волыни,
По Молдавіи, Литвѣ
И по Украинѣ;
Разбрелися и забыли
Волю защищать:
Подружилися съ жидами,
Стали пировать;
Разрушали, убивали,
Церкви жгли, палили,
Въ это время гайдамаки
Ножи освятили.

Праздникъ въ Чигиринѣ.

Гетманы, гетманы, когда бы вы встали,
Встали, посмотрѣли на тотъ Чигиринъ,
Что вы создавали, гдѣ вы пановали,
Заплакали-бъ тяжко. Вы бы не узнали
Славы казацкой убогихъ руинъ.
Базары, гдѣ войско, какъ синее море
Передъ бунчуками, бывало, горитъ,
А ясновельможный на конѣ удаломъ
Блеснетъ булавой,—море закипитъ...
Закипитъ и разольется
Степями ярыми...
Горе бѣжитъ передъ ними,

*) Честное слово, напрасный трудъ.

А за казаками...
Лучше молчать! Прошло уже!
А то, что проходитъ—
Забыть лучше...

Изъ-за лѣса, весь въ туманѣ,
Мѣсяцъ выплываетъ.
Покраснѣлъ онъ, блѣднолицый,
Горитъ—не сіяетъ;
Словно знаетъ, что ненужно
Людямъ его свѣта;
Что пожары Украину
Нагрѣютъ, освѣтятъ.
Ужъ стемнѣло; въ Чигиринѣ
Будто бы въ могилѣ,
Страшно, страшно. (Вотъ такъ было
Во всей Украинѣ
Наканунѣ Макковея,
Какъ ножи святили).
Нѣтъ людей, и надъ домами
Кожанъ жестокрылый
Пролетаетъ; на выгонѣ
Сова завываетъ.
Гдѣ же люди?.. Надъ Тясминомъ
Въ лѣсу отдыхаютъ.
Собралися,—старый, малый,
Бѣднякъ и богатый,—
Побратались, ожидаютъ
Страшнаго набата.

. . . .

—„Молитесь, братія, молитесь!—
Такъ благочинный говорилъ,—
Вокругъ родного Чигирина
Обступитъ стража Бога силъ,
Не дастъ Украйну распинать.
А вы отчизну защищайте:
Не дайте, матери, не дайте
Въ рукахъ у ляховъ погибать.
Отъ Конашевича донынѣ
Пожаръ не гаснетъ, люди мрутъ,
Страдаютъ въ тюрьмахъ, голы, босы...
И некрещеными растутъ
Казачьи дѣти, а дѣвицы...
Отчизны, родины краса,
У ляховъ вянутъ, бѣлолицы,
И непокрытая коса
Стыдомъ сѣчется; кари очи
Въ неволѣ гаснутъ; расковать
Казакъ сестру свою не хочетъ,
Самъ не стыдится онъ страдать
Въ ярмѣ у ляха... Горе, горе!
Молитесь, братья, страшный судъ
Въ Украйну ляхи намъ несутъ,—
И зарыдаютъ черны горы.
Забыли праведныхъ гетмановъ:
Гдѣ ихъ могилы? Гдѣ лежатъ
Останки славнаго Богдана?
Гдѣ Остраницина могила?
Гдѣ Наливайкина? Увы!—
Живого бѣднаго сожгли.
Тоскуетъ Корсунь нашъ старинный,
И не съ кѣмъ грусть ему дѣлить.
И Альта плачетъ: „Тяжко жить!
Я сохну, сохну!“ Гдѣ Тарасъ?
Не плачьте, братія, за насъ
И души праведныхъ, и сила
Архистратига Михаила.
Не за горами кары часъ.
Молитесь, братія!“
Молились,
Молились слезно казаки...

. . . .

Вотъ ножи вамъ освятили,
И сердце холонетъ,—
Освятили, освятили!
Гибнетъ шляхта, гибнетъ!
Разобрали, заблестѣли
По всей Украинѣ.

Третьи пѣтухи.

Одинъ послѣдній день терзали
Украйну ляхи; и одинъ,
Одинъ послѣдній горевали
Украйна вся и Чигиринъ,
И тотъ прошелъ день Макковея;
Великій праздникъ въ Украинѣ
Прошелъ,—и ляхъ и жидовинъ
Горѣлку съ кровію мѣшали,

Кляли казаковъ, распинали,
Кляли, что нечего ужъ взять.
А гайдамаки, молча, ждали,
Пока поганцы лягутъ спать.
Всѣ улеглись, никто не думалъ,
Что имъ ужъ завтра не вставать.
Уснули ляхи, а Іуды
Считаютъ золото въ ночи,
Въ итоги сводятъ барыши,
Чтобы не видѣли ихъ люди.
И тѣ на золото легли
И сномъ нечистымъ задремали.
И дремлютъ... на вѣки бы вамъ задремать!..
Въ это время мѣсяцъ выплылъ наблюдать
И небо, и звѣзды, и землю, и море,
И послушать, люди о чемъ говорятъ,
Чтобы утромъ Богу о томъ разсказать.
Свѣтитъ блѣднолицый на всю Украину...

Загремѣла по Украйнѣ
Гроза,—загремѣла;
Долго кровь лилась степями,
Лилась и краснѣла.
Лилась, лилась и высохла,
Степи зеленѣютъ.
Лежатъ дѣды, а надъ ними
Могилы синѣютъ.
Что за нужда, что высоки?
Никто ихъ не знаетъ,
Никто горько не заплачетъ,
Никто не вспомянетъ.
Только вѣтеръ тихохонько
Повѣетъ надъ ними,
Только роса ранехонько
Горькими слезами
Ихъ умоетъ. Взойдетъ солнце,
Осушитъ, пригрѣетъ.
Что же внуки... Имъ-то что же,—
Жито себѣ сѣютъ.
Много ихъ, а кто же скажетъ,
Гдѣ Гонты могила.
Желѣзнякъ гдѣ, казакъ храбрый,
Гдѣ онъ почиваетъ?
Тяжко... Тяжко.

Загремѣла по Украйнѣ
Гроза, загремѣла,
Долго кровь лилась степями,
Лилась и краснѣла.
И день, и ночь стоны, крики...
Земля стонетъ, гнется.
Страшно, страшно, когда-жъ вспомнишь,—
Сердце засмѣется.
. . . .
Ой Днѣпръ ты мой, Днѣпръ, широкій, да сильный.
Много ты крови въ море носилъ,
Крови казачьей, и понесешь снова,
Красилъ ты синее, да не напоилъ:
Сегодня-жъ упьешься. Вѣдь адское пламя
По родной Украйнѣ ночью потечетъ;
И прольется много, и много, и много
Крови шляхетской. Казакъ оживетъ;
Оживутъ гетманы въ золотыхъ жупанахъ,
И проснется доля,—казакъ запоетъ:
Ни жида, ни ляха, а въ степяхъ Украйны
Снова, быть-можетъ, булава блеснетъ.

Кровавый пиръ.

Зазвонили, зазвонили
По всей Украинѣ;
Закричали гайдамаки:
—Гибнетъ шляхта, гибнетъ,
Гибнетъ шляхта! Погуляемъ
И тучу нагрѣемъ.
Загорѣлась Смилянщина,
Туча багровѣетъ.
Прежде всего Медвѣдевка
Небо нагрѣваетъ.
Горитъ Смила, Смилянщина
Кровью подплываетъ.
Горитъ Корсунь, Каневъ горитъ,
Чигиринъ, Черкасы.
Разлилося моремъ пламя,
И кровь полилася

Даже въ Волынь, по Полѣсью,
Гонта гдѣ гуляетъ.
Желѣзнякъ же въ Смилянщинѣ
Ляховъ убиваетъ,
И въ Черкасахъ, гдѣ Ярема
Пробуетъ священный.
Вотъ такъ славно, славно, дѣти!
Бейте ихъ проклятыхъ!
Славно, славно гайдамаковъ
Желѣзнякъ сзываетъ.

Гупалѣвщина.

Взошло солнце. Вся Украйна
Пылала и тлѣла.
Въ домахъ шляхта, запершися,
Тряслася, блѣднѣла.
Вездѣ въ селахъ висѣлицы,
На нихъ труповъ тучи
Лишь магнатовъ, просто шляхта
Валялася въ кучѣ.
На улицахъ, на распутьяхъ
Собаки, вороны
Ѣдятъ шляхту, клюютъ очи;
Никто не хоронитъ.
И некому: остались лишь
Дѣти да собаки:
Бабы, взявши вилы, грабли,
Пошли въ гайдамаки.

Пиръ въ Лисянкѣ.

Зашло солнце, и Лисянка
Вокругъ засвѣтила:
Это—Гонта съ Желѣзнякомъ
Трубки закурила.
Страшно, страшно закурили!..
Въ адѣ не умѣютъ
Такъ курить. И гнилой Тыкичъ
Кровію краснѣетъ—
Шляхетской, жидовской;
А надъ нимъ пылаетъ
И дворецъ, и просто хата:
Доля то караетъ
Богатаго и бѣднаго.
А среди базара
Стоитъ Гонта съ Желѣзнякомъ,
Кричатъ: ляхамъ кара,
Кара ляхамъ, чтобъ каялись,
И дѣти карютъ.
Стонутъ, плачутъ; одинъ проситъ,
Другой проклинаетъ;
Тотъ молится и кается
Въ грѣхахъ передъ братомъ,
Ужъ убитымъ. Не милуютъ,
Караютъ проклятыхъ.
Какъ смерть лютая, не смотрятъ
На красоту годы
Шляхтяночекъ, жидовочекъ...
Кровью красятъ воду.
Старый, бѣдный, и богатый,
И малыя дѣти
Не спаслися отъ казаковъ,—
Лежатъ всѣ убиты.
Улеглися всѣ бѣдняги;
Души не осталось
Ни шляхетской, ни жидовской...
Пожаръ разгорался,
Разгорѣлся, разыгрался,
Достигаетъ тучи.
Галайда же кричитъ только:
—Мучьте ляховъ, мучьте!
Какъ бѣшеный, мертвыхъ рѣжетъ,
Вѣшаетъ, сжигаетъ.—
Дайте ляха, жида дайте!
Мало крови, мало!
Дайте ляха, дайте крови
Наточить поганой.
Крови море... мало крови...

Гонта въ Умани.

Проходятъ дни, проходитъ лѣто,—
Украйна, знай себѣ, горитъ;
Повсюду плачутъ, стонутъ дѣти,—
Отцевъ ихъ нѣтъ. И шелеститъ
Листъ пожелтѣвшій по дубравѣ;
Гуляютъ тучи; солнце спитъ,
И не слыхать людского слова;
Лишь воетъ звѣрь, идя въ село,
Гдѣ чуетъ трупъ. Не хоронили,
Волковъ поляками кормили,
Пока ихъ снѣгомъ занесло.
Не уняли снѣгъ и вьюга
　　Отчаянной кары:
Ляхи мерзли, а казаки
　　Грѣлись на пожарѣ.
Пришла весна и всю землю
　　Отъ сна разбудила,
Увѣнчала всю цвѣтами,
　　Травой подарила.
Всюду въ полѣ и въ дубравѣ
　　Птички распѣваютъ,
Землю всю въ цвѣтахъ роскошныхъ
　　Весело встрѣчаютъ.
Рай—и только! Для кого же?
　　Для людей. А люди?
И взглянуть па рай имъ трудно,
　　А взглянутъ—осудятъ.
Нужно кровью дорисовать,
　　Нужны труповъ кучи;
Солнца мало, цвѣтовъ мало,
　　За-то дыма—тучи.
Ада мало... Люди, люди!
　　Когда же миръ будетъ
Между всѣми, какъ братьями?
　　Чудны, страшны люди...
　　　　Гайдамаки
　　Рѣжутъ и гуляютъ;
Гдѣ пройдутъ—земля горитъ,
　　Кровью подплываетъ.
Словно тучи, Гайдамаки
　　Умань обступили,
О полуночи, съ зарею,
　　Ее подпалили.
Подпалили, закричали:
　　—Давай польской крови!
Покатились по базару
　　Конны народови;
Покатились панны, дѣти,
Бѣдные калѣки,
Старики и молодые
　　Уснули на вѣки.
Кричатъ и плачутъ. На базарѣ,
Словно среди моря
Кроваваго, Максимъ съ Гонтой
　　Кладутъ труповъ горы.
Стоятъ они на базарѣ,
　　Бьютъ враговъ заклятыхъ;
Льютъ ихъ кровь, кричатъ казакамъ:
　　— Такъ ихъ, такъ, проклятыхъ!
Но вотъ тащатъ гайдамаки
　　Ксендза-езуита
И двухъ мальчиковъ:—Эй, Гонта!
　　Это—твои дѣти!
Ты насъ рѣжешь, зарѣжь и ихъ:
　　Католики—знаешь.
Зарѣжь теперь, а выростутъ—
　　Тебя же зарѣжутъ...
— Убейте пса!.. Щенятъ-то
　　Я и самъ зарѣжу.
Кличь громаду. Признавайтесь,
　　Вы, католики?
　　　　— Да, тятя...
Вѣдь насъ мать крестила...
　　— Замолчите... знаю, знаю!..
Лучше-бъ утопила!
Собралися гайдамаки.
　　— Не дамъ я пощады
Своимъ дѣтямъ-католикамъ,
　　Господа громада.
Присягнулъ я, взялъ священый...
　　Дѣти католички...
Дѣти мои, дѣти мои!
　　Что вы не величкп?
Зачѣмъ ляховъ не рѣжете?
　　— Будемъ рѣзать, тятя!
—Нѣтъ, неправда, не будете!
　　Пусть мое проклятье
Убьетъ польку, что васъ, дѣти,
　　Жизнью подарила!
Лучше-бъ васъ она съ зарею

Въ рѣкѣ утопила.
Лучше-бъ было: вы-бъ умерли
Не еретиками;
Не сегодня... дѣти, дѣти,
Тяжело мнѣ съ вами!
Ну... прощайте! Знайте, что васъ
Не я убиваю,
А присяга.
Махнулъ ножомъ—
И... дѣтей не стало!
Покатились убитыя...
— Тятя!—простонали:—
Тятя, тятя... мы—не ляхи,
Мы...—и замолчали.
—Хоронить ихъ?
— Нѣтъ, не нужно!
Дѣти католички,
Дѣти мои, дѣти мои,
Что вы не велички?
Зачѣмъ ляховъ не рѣзали,
И мать не убили,
Проклятую католичку,
Что васъ породила?

Взявъ Максима,
Пошли вдоль базара,
И казакамъ закричали:
— Кара ляхамъ, кара!
И карали: страшно, страшно
Умань запылала;
Живыхъ въ домахъ и костелахъ
Нигдѣ не осталось,—
Всѣхъ убили. Нѣтъ, не будутъ
Защищать такъ волю,
Какъ казаки защищали.
Базиліанъ школу,
Гдѣ учились дѣти Гонты,
Гонта разрушаетъ.
Погубила моихъ дѣтокъ,
Злу ихъ научила;
Ломай стѣны.
Гайдамаки
Стѣны развалили,—
Развалили и объ камни
Ксендзовъ разбивали.
А питомцевъ всѣхъ въ колодезь
Живыхъ побросали.
До глубокой ночи ляховъ убивали;
Души не осталось. А Гонта кричитъ:
— Гдѣ вы, людоѣды? Гдѣ вы поскрывались?
Вы сгубили дѣтокъ, охъ, какъ тяжко жить...
Дѣти мои, дѣти мои чернобровы,
Что мнѣ безъ васъ дѣлать? Дайте крови, крови!
Дайте польской крови, мнѣ хочется пить,
Мнѣ хочется видѣть, какъ она краснѣетъ,
Хочется напиться!.. Что-жъ вѣтеръ не вѣетъ,
Что-жъ не несетъ ляховъ? Тяжело мнѣ жить!
Тяжело мнѣ плакать! Праведныя звѣзды!
Скройтесь вы за тучу, вѣдь я васъ не звалъ,
Я дѣтей зарѣзалъ... О, горе мнѣ, горе.
Гдѣ мнѣ приклониться!..—
Такъ Гонта кричалъ.
По Умани бѣгалъ. А среди базара
Въ крови гайдамаки ставили столы;
Гдѣ что захватили—все сюда несли,
И сѣли за ужинъ. Послѣдняя кара—
Послѣдній и ужинъ.
— Гуляй, казаки!
Пейте, пока пьется; бейте, пока бьется!—
Желѣзнякъ кричитъ имъ:—Ну-ка, затяни
Веселую пѣсню; пусть же земля гнется,
Пусть теперь гуляютъ мои казаки.

Эпилогъ.

Погуляли гайдамаки,
Славно погуляли:
Чуть ли не годъ шляхетскою
Кровью поливали
Всю Украйну, и замолкли,—
Ножи иззубрили.
Нѣту Гонты, и нѣтъ ему
Креста и могилы.
Буйны вѣтры разметали
Пепелъ гайдамаковъ,
И некому помолиться,
Некому заплакать.

№ 108. *Державинъ.* СУВОРОВЪ.

Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла;
Вихрь полуночный—летитъ богатырь!
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль!
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы—горы трещатъ;
Ляжетъ на воды—воды кипятъ;
Граду коснется—градъ упадетъ;
Башни рукою за облакъ кидаетъ;
Дрогнетъ природа, блѣднѣя предъ нимъ;
Слабыя трости щадятся лишь имъ.
Ты-ль, Геркулесъ нашъ, новый, полночный,
Бурѣ подобный, быстрый и мощный?
Твой ли, Суворовъ, се образъ побѣдъ?
Трупы враговъ да лавры—твой слѣдъ!

№ 109. *Навроцкій.* ЧУДО-БОГАТЫРЬ.

Ростъ немалъ, дородствомъ тонокъ, неказистъ на видъ,
Но въ очахъ орла могучесть явственно горитъ.
Былъ чудакъ, не брезгалъ шуткой, пѣлъ и пѣтухомъ—
Для того, чтобъ правду-матку рѣзать прямикомъ.
Зналъ онъ силу русской мощи, зналъ, чѣмъ живъ народъ.
Для него сермяжный воинъ былъ дитя заботъ.
Ордена не скрыли сердца отъ него солдатъ:
Съ ними жилъ онъ, съ ними вмѣстѣ умирать былъ радъ.
Озиралъ орлинымъ окомъ онъ стезю побѣдъ.
Для него, съ его полками, пораженья нѣтъ.
Въ битвахъ съ турками, гдѣ трупы заполняли рвы,—
Подъ Варшавой, гдѣ поляки билися, какъ львы,
На равнинахъ итальянскихъ въ омутѣ враговъ,
Иль на высяхъ Санъ-Готарда въ облакахъ снѣговъ,
Иль въ родной своей деревнѣ, гдѣ читалъ псалтырь,—
Былъ онъ тотъ же неизмѣнный чудо-богатырь.

№ 110. *Лермонтовъ.* ДВА ВЕЛИКАНА *).

Въ шапкѣ золота литого
Старый Русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ!
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ:
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою,—
Ахнулъ дерзкій и упалъ...
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

---

*) Александръ I и Наполеонъ.

№ 111. *Полонскій.* ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ НѢМАНЪ *).

Вотъ Руси граница, вотъ Нѣманъ, [французы
Наводятъ понтоны; работа кипитъ...
И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
И стонетъ земля отъ копытъ.

Чу!—бьютъ въ барабаны... Склоняютъ знамена;
Какъ громъ, далеко раздается „Vivat“:
За кѣмъ на коняхъ короли, адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?

Надвинувъ свою треугольную шляпу,
Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,
На бѣломъ конѣ проскакалъ императоръ
Съ подзорною трубкой въ рукѣ.

Чело его ясно, движенья спокойны,
Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ.
Коня на скаку осадилъ онъ и видитъ,—
За Нѣманомъ туча встаетъ.

И думаетъ онъ: „Эта темная туча
Моей свѣтозарной звѣзды не затмитъ“.
И мнится ему въ то же время: сверкая,
Изъ тучи перстъ Божій грозитъ...

И, душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
Сомнетъ знамена твои русскій народъ.
Впередъ, говорятъ ему слава и геній.
Впередъ, императоръ, впередъ.

И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ,—
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки
И стонутъ мосты отъ копытъ.

№ 112. *Тютчевъ.* ПРОѢЗЖАЯ ЧЕРЕЗЪ КОВНО.

Ты-ль это, Нѣманъ величавый?
Твоя-ль струя передо мной?
Ты столько лѣтъ, съ такою славой—
Россіи вѣрный часовой!
Одинъ лишь разъ, по волѣ Бога,
Ты супостата къ ней впустилъ,
И цѣлость русскаго порога
Ты тѣмъ навѣки утвердилъ.

Ты помнишь ли былое, Нѣманъ,—
Тотъ день годины роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой,
Онъ самъ,—могучій, южный демонъ,—
И ты, какъ нынѣ, протекалъ,
Шумя подъ вражьими мостами,
И онъ струю твою ласкалъ
Своими чудными глазами?

Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли,—
И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
Казалось, онъ парилъ надъ ними,
И двигалъ всѣмъ и все стерегъ
Очами чудными своими.

Лишь одного онъ не видалъ:
Не видѣлъ онъ, воитель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной,
Стоялъ другой,—стоялъ и ждалъ...
И мимо проходила рать—
Все грозно боевыя лица,
И неизбѣжная десница
Клала на нихъ свою печать.

И такъ побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались,
Струились молніей штыки,
И барабаны заливались...
Несмѣтно было ихъ число...
И въ этомъ безконечномъ строѣ
Едва-ль десятое чело
Клеймо минуло роковое.

---

*) Въ хрестоматіи по русской исторіи мы помѣстили о Наполеонѣ лишь то, что относится къ русскому походу. О Наполеонѣ и о другихъ его походахъ см. нашу хрестоматію по общей исторіи.

№ 113. ОТРЫВКИ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ МИЦКЕВИЧА „ПАНЪ ТАДЕУШЪ“.

Изъ 1 пѣсни.

. . . . Кровью и слезами
Весь міръ былъ залитъ. То была
Година бурная, гдѣ оный
Великій мужъ, богъ браней злыхъ,
Какъ тучей, войскомъ окруженный,
Среди орудій громовыхъ,
Подъ всеуправную десницу
Серебряныхъ и золотыхъ
Орловъ впрягая въ колесницу,
На орлихъ крыльяхъ возлеталъ
Отъ жгучихъ странъ съ песковъ Ливійскихъ
Къ снѣгамъ и льдамъ вершинъ Альпійскихъ
И всюду громъ на громъ металъ.
Тамъ пирамиды, тамъ—пустыни,
А тамъ—Фаворъ, гора святыни,
Здѣсь—Ульмъ, Маренго, Аустерлицъ,
Нигдѣ не вѣдалъ онъ границъ;
Ему предтеча—пламя боя;
Завоеванье—слѣдъ героя;
И слава превзошла себя:
Она неслась на сѣверъ съ юга,
О силѣ доблестнаго круга
Его сподвижниковъ трубя;
Отъ береговъ горячихъ Нила
На Нѣманъ путь она склонила;
Лишь стѣны ратныя Москвы
Претили входъ ей въ дверь Литвы.
. . . .

№ 114. УЧАСТІЕ ПОЛЯКОВЪ ВО ФРАНЦУЗСКИХЪ ПОХОДАХЪ.

Солдаты-ветераны, бродившіе по Литвѣ, разсказывали народу про дѣла поляковъ за границей.

Какъ храбрый генералъ Домбровскій—
Заклятый врагъ земли Московской—
Пробить намѣренъ какъ-нибудь
Отъ Влошскихъ странъ въ отчизну путь,
И земляковъ, какъ можно болѣ,
Сбираетъ на Ломбардскомъ полѣ.
Разсказывалъ онъ, какъ герой
Князевичъ, ставъ на Капитолій
Своею воинской пятой,
Гремитъ въ приказахъ величавыхъ;
И какъ онъ сто знаменъ кровавыхъ,
Отбивъ у кесарей земныхъ,
Къ ногамъ французовъ бросилъ ихъ;
Какъ Яблоновскій въ даль такую
Завелъ Дунайскій легіонъ,
Что круглый годъ тамъ видитъ онъ
Весну роскошно-золотую;
Природа вѣчно тамъ цвѣтетъ;
Тамъ перецъ, сахаръ тамъ растетъ,—
А онъ бьетъ негровъ, все вздыхая
О красотѣ родного края.
Что старецъ говорилъ тайкомъ,
Изъ устъ въ уста текло потокомъ,
И послѣ парню молодому
Случалось вдругъ пропасть изъ дому:
Бывало, хлопецъ вдругъ уйдетъ,
Украдкой пробѣжитъ полями,
А тамъ между лѣсовъ, болотъ,
Преслѣдуемый москалями,
Бухъ—прямо въ Нѣманъ и нырнетъ,—
А тамъ тотъ берегъ шлетъ ужъ слово
Ему родное: „Братъ, здорово“!
Посмотришь: выплылъ. Онъ ужъ тамъ
Въ варшавскомъ герцогствѣ; желанья
Его свершились: москалямъ,
Припавъ къ береговымъ холмамъ,
Кричитъ чрезъ Нѣманъ: „До свиданья“!
Такъ нѣкогда тайкомъ ушли
Горецкій, Пацъ и Обуховичъ,
Пьетровскій, Годыминъ, Яновичъ
И много душъ родной земли,
Оставивъ все—свои владѣнья,
Родныхъ и кровную страну;
Они ушли,—а ихъ имѣнья
Вступили въ царскую казну.

№ 115. *Лермонтовъ*. БОРОДИНО.

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
  Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
  Про день Бородина!
  Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
  Богатыри--не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
  Не отдали-бъ Москвы!
Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
  Ворчали старики:
„Что-жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
  О русскіе штыки?“
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
  Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
  Французы тутъ-какъ-тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
  Постой-ка, братъ-мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй, къ бою,
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
  За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
  Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи!“
И вотъ на полѣ грозной сѣчи
  Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
  Какъ ликовалъ французъ.

Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
  Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
  Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хва-
томъ,
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да жаль его: сраженъ булатомъ,
  Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! Не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
  Какъ наши братья умирали!“
  И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
  Мы въ бородинскій бой.
Ну-жъ, былъ денекъ! Сквозь дымъ ле-
тучій
Французы двинулись, какъ тучи—
  И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,—
Всѣ промелькнули передъ нами,
  Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
  Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
  Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
  Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась—какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
  Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
  И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—

И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля—
Не отдали-бъ Москвы!

№ 116. *Майковъ.* СКАЗАНІЕ О 1812 ГОДѢ.

(Бѣгство Наполеона изъ Москвы).

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя мятели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой,
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, въ разбродъ взбираясь
На подъемъ оледенѣлый...
Гдѣ пройдутъ — по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;
Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея [1]), привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ на жалкихъ клячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно,
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...
Гдѣ-жъ вы, пышныя мечтанья!
Гордый замыселъ!.. Надежды
И глубокіе расчеты
Прахомъ стали,—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..
И поникъ онъ, и въ дремотѣ
Видитъ, какъ въ пріемномъ залѣ —
Незадолго до похода—
Въ Тюльери [2]), стоитъ онъ гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ,
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой...
И, вспыливши, Императоръ —
— Князь, вы видите!—воскликнулъ,—
Мнѣ никто во всей Европѣ
Не дерзаетъ поперечить:
Императоръ вашъ,—на что же
Онъ надѣется,—на что же?
— Государь!—въ отвѣтъ посланникъ,—
Взять въ расчетъ вы позабыли,
Что за русскимъ государемъ
Русскій весь стоитъ народъ!
Онъ тогда расхохотался,—
А теперь—теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...

---

1) Наполеонъ.
2) Во дворцѣ французскихъ королей въ Парижѣ.

Вспомнилъ онъ дворецъ Петровскій,
Гдя бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—
Мира нѣтъ!.. И днемъ, и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...

Спра́ва, слѣва—ихъ мильоны
Тамъ въ лѣсахъ,.. „Такъ вотъ что́ значить—
Весь народъ!“
И безнадежно
Въ даль онъ взоры устремляетъ:
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...

№ 117. *Жуковскій.* ОТРЫВОКЪ ИЗЪ „ПѢВЕЦЪ ВЪ СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ“.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь, и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О, сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О, диво! Се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины...
Могучій вождь главу склонилъ.
„Ура!“ кричатъ дружины.

Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
Довѣренность къ герою!..
Нѣтъ, други, нѣтъ, не предана
Москва на расхищенье!
Тамъ стѣны!.. Въ россахъ вся она!
Мы здѣсь—и Богъ нашъ мщенье!

Хвала сподвижникамъ-вождямъ!
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты—жизнь полкамъ
И страхъ—твои перуны!
Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! Передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.

Нашъ Милорадовичъ,—хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.

Нашъ Витгенштейнъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель,—
Хвала!.. Онъ щитъ странѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
О, сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устроетъ,
И вдругъ... движеніемъ ру́ки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.

Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!..
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламень боя...
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ ге́роя;
Себя забылъ... Однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ, и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье.

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ,

Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу,—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплють стрѣлы;
Они лишь къ мосту,—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ,—пышутъ селы.

Хвала, нашъ Несторъ-Бенингсонъ!
И вождь, и мужъ совѣта,
Блюдетъ враговъ не дремля онъ,
Какъ змѣй, орелъ съ полета.
Хвала, нашъ Остерманъ-герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!
И Багговутъ, среди громовъ,
Средь копій безмятежный!
И Дохтуровъ, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!

Нашъ твердый Воронцовъ,—хвала!
О, други, сколь смутилась
Вся рать славянъ, когда стрѣла
Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда полмертвъ, окровавленъ,
Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
Къ постели пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
Увѣчныхъ окруженный.

Ему возглавье бранный щитъ;
Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
„Друзья, бѣдамъ презрѣнье!“
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
Веселье пробуждаетъ,
И, оживясь, до полы мечъ
Рука ихъ обнажаетъ:
Спѣши-жъ, о, витязь нашъ, воспрянь,
Ужъ ангелъ истребленья
Горѣ подъялъ ужасну длань,
И близокъ часъ отмщенья.

Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.
О, витязь, ободрись... она
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы
Любви и скорби—оживитъ.
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы!

Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ!
Какъ бурею носимый,
Вездѣ впереди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгановъ,—хвала!
Онъ жаждетъ чистой славы;
Она изъ мира увлекла
Его на путь кровавый...
О, храбрыхъ сонмъ,—хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: „месть!“
Вселенная—„спасенье!“

Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ
Вослѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи
Страшатъ, какъ привидѣнья;
Блистаютъ смертью ихъ мечи;
Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
Невидимы и зримы,
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь, прокрался вкругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи...
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ,—
А онъ ужъ, витязь, на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ.

Сеславинъ—гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками:
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И устланъ путь врагами.

Давыдовъ, пламенный боецъ,
Онъ вихремъ—въ бой кровавый;
Онъ въ мирѣ—счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.
Кудашевъ скокомъ черезъ ровъ
И летомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ Чернышовъ
На мечъ, и громъ, дружину;
Орловъ—отважностью орелъ;
И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ—Кайсаровъ.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ, главу на щитъ склонилъ
И стиснулъ мечъ во длани.
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери, угасъ
Герой нашъ незабвенной.

А ты, Кутайсовъ, вождь младой...
Гдѣ прелести? Гдѣ младость?
Увы!—онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ, какъ радость!
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ,—
Бросали смерть перуны;
Во струны-ль арфы ударялъ,—
Одушевлялись струны...
О, горе, вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
И нѣтъ на немъ героя.

И гдѣ же твой, о витязь, прахъ?
Какою взятъ могилой?..
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милый...
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день пріятнѣй;
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни;
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружной тѣни.

И ты... и ты, Багратіонъ?
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнитъ: съ одра возстанетъ.
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
„Увы намъ! Скоро грянетъ“.
А онъ... на-вѣки взоръ смежилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ-Суворовъ.

И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни!
Тамъ ваша вѣрная семья—
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды.
„Отъ нихъ учитесь умирать!“ —
Такъ скажутъ внукамъ дѣды!
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
И водрузитъ тамъ знамя.

№ 118. *Пушкинъ.* ПОЛКОВОДЕЦЪ (БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ).

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,

Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.
Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ — густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье,—
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О, вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой,
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною;
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ...
И долго укрѣпленъ могучимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще! —

. . . .
. . . .

О люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

№ 119. *Пушкинъ.* КЪ ТѢНИ ПОЛКОВОДЦА (КУТУЗОВА).

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ—и спасъ...
Внемли-жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ...
Возстань, спасай царя и насъ,
О, старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой,—
Явись, вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!
Явись и дланію своею
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ моленье погруженъ...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ...

№ 120. Изъ сборника пѣсенъ *Кирѣевскаго.* ПѢСНЬ НА НАШЕСТВІЕ ФРАНЦУЗОВЪ.

(Переведена на многія европ. яз.).

За горами, за долами,
Бонапарте съ плясунами
Вздумалъ вровень стать.
Конь куда съ копытомъ мчится,
Ракъ туда-жъ съ клешней тащится,
И давай плясать.
Не впопадъ пошелъ англезу,
Вздумалъ, бросивъ экосезу,
Польскую пройтить.
Не видавши пыли русской,
Кверху вздернулъ носъ французскій
И давай кружить.
А сарматы-пустословы
Подыграть ему готовы:
„Гостикъ дорогой!“
Скрипки, басы заревѣли,
Звонки трубы загремѣли:
То-то пиръ горой!
Скоро польскимъ онъ наскучилъ,
Музыкантовъ перемучилъ:
— „Сѣмъ, на Русь пойду!“
Тамъ я „барыню“ пройдуся,
Фертомъ въ боки подопруся,
Пляску заведу!
Бородинскія заботы
Не отбили въ немъ охоты
Въ матушку Москву:
— „Тамъ мнѣ есть гдѣ разойтиться,
А, чтобы повеселиться,
Барынь позову!“
Побывать-то удалося,
Да не такъ отозвалося:
Не съ кѣмъ поплясать.
Только проложилъ дорогу,
Занозилъ скоренько ногу:
Пришлось отдыхать.
Князь Кутузовъ помнилъ слово:
Хоть не скоро, да здорово.
Старый воробей!
Знавши вывертки французски,
Заиграть велѣлъ по-русски
Музыкѣ своей:
Наши грянули по-свойски,—
Мы не знаемъ по-заморски,—
Нутка казачка!
Чуть прослышалъ корсиканецъ:
— „Провались проклятый танецъ.
Дастъ онъ мнѣ толчка!

То-ли дѣло по-нѣмецки
Танцовать по-молодецки
Старый алемандъ!
Эта пляска мнѣ сходнѣе
И для ногъ моихъ споснѣе:
Ну, назадъ, назадъ!“
— „Видно, хватъ ты, изъ французовъ“,—
Говоритъ ему Кутузовъ:
„Нѣтъ, братъ, погоди!
Шаркать мастеръ ты ногою:
Сѣмъ, попляшемъ мы съ тобою,
Нутка, выходи!
Захотѣлъ плясать по-русски,
Присѣдай-ка по-французски
Ты, Наполеонъ!“
Бонапарту не до пляски:
Растерялъ свои подвязки,
Хоть кричать „пардонъ“.
Сталъ онъ въ стороны кидаться,
Мелкимъ бѣсомъ извиваться,
Дрогнула нога.
Его музыки не стало,
Скрипокъ будто не бывало:
Пляска дорога!
Морганулъ онъ Коленкуру:
— „Сѣмъ-ка, выкинемъ фигуру
На цыганскій ладъ!“
Бросивъ пышныя ухватки,
По-цыгански безъ оглядки
Шаркнули назадъ.
Не соваться было въ воду,
Не спросяся прежде броду,
Хватъ-богатырю!
Мать россійская держава,—
Силы много! Слава, слава
Бѣлому царю.

№ 121. ФРАНЦУЗСКІЙ ПОХОДЪ. (НАРОДНАЯ ПѢСНЯ).

Французъ вступилъ въ Москву въ гости,
Оставилъ свои кости;
Сдѣлалъ въ Москвѣ пожаръ,
Москва дала смертный ударъ.
Всемилостивый Спасъ
Всѣхъ французовъ потрясъ.
Князь Кутузовъ побилъ французовъ:
Нареченъ Смоленскій князь,
Потопталъ французовъ въ грязь.
Платовъ генералъ
Послѣднихъ покаралъ.
Собирались мы, ребятушки удаленьки,
Въ дорожку въ Прагу,
Варить брагу:
Собирались съ пушками, съ ружьями,
Съ пистолетами, съ бомбами, съ ядрами,
Со всей пороховой казной.
Во имя отца
Подымаютца
Наши храбрыя сердца
На французскія тѣла.
Наши рубятся, палятся,
Французы какъ столбы валятся.
Былъ князь Ветгинштейнъ:
Вступилъ въ Парижъ,
Сдѣлалъ Наполеону крыжъ.
Маршъ, маршъ, правой, лѣвой,
Во фрунтъ!
Закричимъ: „Ура, ура!“

№ 122. *Батюшковъ.* ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ РЕЙНЪ.

Межъ тѣмъ, какъ воины вдоль идутъ по полямъ,
Завидя вдалекѣ твои, о Рейнъ, волны,
Мой конь, веселья полный,
Отъ строя отдѣлясь, стремится къ берегамъ,
На крыльяхъ жажды прилетаетъ,
Глотаетъ хладную струю
И грудь усталую въ бою
Желанной влагой обновляетъ.

О, радость, я стою при рейнскихъ водахъ
И, жадные съ холмовъ въ окрестность бросяя взоры,
Привѣтствую поля и горы,
И замки рыцарей въ туманныхъ облакахъ,
И всю страну, обильну славой,
Воспоминаньемъ древнихъ дней,
Гдѣ съ Альповъ вѣчною струею
Ты льешься, Рейнъ величавый.

Свидѣтель древности, событій всѣхъ временъ,
О, Рейнъ, ты поилъ несчетны легіоны,
Мечемъ писавшіе законы
Для гордыхъ Германа кочующихъ племенъ;
Любимецъ счастья, бичъ свободы,
Здѣсь кесарь бился, побѣждалъ,
И конь его переплывалъ
Твои священныя, Рейнъ, воды.

Вѣка мелькнули; міръ крестомъ преображенъ,
Любовь и честь въ душахъ суровыхъ пробудились.
Здѣсь витязи вооружились
Копьемъ за жизнь сиротъ, за честь прелестныхъ женъ;
Тутъ совершались ихъ турниры,
Тутъ бились храбрые, и здѣсь
Не умеръ, мнится, и поднесь
Звукъ сладкой трубадуровъ лиры.

Такъ, здѣсь подъ тѣнію смоковницъ и дубовъ,
При шумѣ сладостномъ нагорныхъ водопадовъ,
Въ тѣни цвѣтущихъ селъ и градовъ,
Восторгъ живетъ еще средь избранныхъ сыновъ.
Здѣсь все питаетъ вдохновенье:
Простые нравы праотцовъ,
Святая къ родинѣ любовь
И праздной роскоши презрѣнье.

Все, все, и видъ полей, и видъ священныхъ водъ,
Туманной древности и бардамъ современныхъ,
Для чувствъ и мыслей дерзновенныхъ
И силу новую, и крылья придаетъ.
Свободны, горды, полудики,
Природы вѣрные жрецы,
Тевтонски пѣли здѣсь пѣвцы...
И смолкли ихъ волшебны лики.

Ты самъ, родитель водъ, свидѣтель всѣхъ временъ,
Ты самъ, до нашихъ дней, спокойный, величавый,
Съ паденіемъ народной славы
Склонилъ чело,—увы,—позналъ и стыдъ и плѣнъ.
Давно ли брегъ твой подъ орлами
Аттилы новаго стоналъ,
И ты уныло протекалъ
Между враждебными полками.

Давно ли земледѣлъ вдоль красныхъ береговъ,
Средь виноградниковъ завѣтныхъ и священныхъ,
Полки встрѣчалъ иноплеменныхъ
И ненавистный взоръ зарейнскихъ сыновъ.
Давно-ль они, кичася, пили
Вино изъ синихъ хрусталей,
И кони ихъ среди полей
И зрѣлыхъ нивъ твоихъ бродили.

И часъ судьбы насталъ. Мы здѣсь, сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и съ громами,
Стеклись съ морей, покрытыхъ льдами,
Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала.

Стеклись, нагрянули за честь своихъ гражданъ,
За честь твердынь и селъ, и нивъ опустошенныхъ,
И береговъ благословенныхъ,
Гдѣ расцвѣло въ тиши блаженство россіянъ,
Гдѣ ангелъ мирный, свѣтозарный
Для странъ полуночи рожденъ
И провидѣньемъ обреченъ
Царю, отчизнѣ благодарный.

Мы здѣсь, о Рейнъ, здѣсь. Ты видишь блескъ мечей,
Ты слышишь шумъ полковъ и новыхъ коней ржанье,
„Ура" побѣды и взыванье
Идущихъ, скачущихъ къ тебѣ богатырей.
Взвивая къ небу прахъ летучій,
По трупамъ вражескимъ летятъ
И вотъ коней лихихъ поятъ,
Кругомъ заставя доль зыбучій.

Какой чудесный пиръ для слуха и очей.
Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдь сіяетъ за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древніе средь копій и мечей.
Тамъ шлемы воевъ оперенны,
Тяжелой конницы строи
И легкихъ всадниковъ рои
Въ текущей влагѣ отраженны.

Тамъ слышенъ стукъ сѣкиръ, и палъ угрюмый лѣсъ,
Костры надъ Рейномъ дымятся и пылаютъ,
И чаши радости сверкаютъ,
И клики воиновъ восходятъ до небесъ.
Тамъ ратникъ ратника объемлетъ,
Тамъ точитъ пѣшій штыкъ стальной,
И конный грозною рукой
Крылатый дротикъ свой колеблетъ.

Тамъ всадникъ, опершись на свѣтлу сталь копья,
Задумчивъ и одинъ, на берегѣ высокомъ
Стоитъ и жаднымъ ловитъ окомъ
Рѣки излучистой послѣдніе края.
Быть-можетъ, онъ воспоминаетъ
Рѣку своихъ родимыхъ мѣстъ
И на груди свой мѣдный крестъ
Невольно къ сердцу прижимаетъ...

Но тамъ готовится, по манію вождей,
Безкровный жертвенникъ средь гибельныхъ трофеевъ,
И Богу сильныхъ Маккавеевъ
Колѣнопреклоненъ служитель алтарей.
Его, шумя, пріосѣняетъ
Знаменъ отчизны шумный лѣсъ,
И солнце юное съ небесъ
Алтарь сіяньемъ осыпаетъ.

Всѣ крики бранные умолкли, и въ рядахъ
Благоговѣніе внезапну воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь, и ратники чело склонили въ прахъ:
Поютъ Владыкѣ вышней силы:
— Тебѣ, подателю побѣдъ,
Тебѣ, незаходимый свѣтъ,
Дымятся мирныя кадила.

И се подвигнулись: валитъ за строемъ строй,
Какъ море шумное, волнуется все войско,
И эхо вторитъ кликъ геройскій,
Досель не слыханный, о Рейнъ, надъ тобой.
Твой стонетъ брегъ гостепріимный,
И мостъ подъ воями дрожитъ,
И врагъ, завидя ихъ, бѣжитъ
Отъ глазъ, вдали теряясь дымной.

№ 123. *Пушкинъ.* НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПАРИЖА ВЪ 1815 г.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось: Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще впреди знаменъ безчисленныхъ дружинъ
Въ могучей дерзости вѣнчанный исполинъ
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою!
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ.
Содрогся счастья сынъ, и, брошенный судьбою,
Онъ землю Русскую не взвидѣлъ подъ собою.
Бѣжитъ... И мести громъ слетѣлъ ему вослѣдъ;
И съ трона гордый палъ... И вновь возсталъ... И нѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей, и гордыя сердца
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ Отца.
И смертью роковой горѣли и дрожали,
И Россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!
—Къ мечамъ!—раздался кликъ, и вихремъ понеслись;
Знамена, возшумѣвъ, по вѣтру развились,
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились: воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!
А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,—
Я тихо расцвѣталъ безпечный, безмятежный!
Увы! Мнѣ не судилъ таинственный предѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ!..
Сыны Бородина, о Кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ;
Почто-жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ!
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ!
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился;
И челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали

И съ робкой радостью другъ-друга вопрошали:
— Ужель свободны мы. Ужели грозный палъ...
Кто смѣлый! Кто въ громахъ на сѣверѣ возсталъ?
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣна окружила,
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!
И нынѣ ты къ сынамъ, о царь нашъ, возвратился.
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ!
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество!
И ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины;
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о Русскій царь, оставь же шлемъ стальной
И грозный мечъ войны, и щитъ—ограду нашу;
Излей предъ Янусомъ священну мира чашу
И, брани сокрушивъ могучею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!
И придутъ времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучіе, торговлей окрыленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
И юные сыны воинственныхъ славянъ
Спокойной праздности съ досадой предадутся
И молча нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ. И ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними,
Словами истины, свободными простыми,
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

№ 124. *Жуковскій.* БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Русскій царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена;
Кровь на ней была святая;
Тамъ, престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло,
И престолъ, и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождемъ,
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
Благовонно золотая
Жатва блещетъ по холмамъ,
Гдѣ упорнѣй бились, тамъ

Мирныхъ инокинь обитель.
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ,
Всѣхъ рѣшитель браней,—крестъ.

И на пиръ поминовенья
Рать другого поколѣнья
Новымъ, славнымъ ужъ царемъ
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Такъ же рать числомъ обильна;
Такъ же мужество въ ней сильно;
Тѣ-жъ орлы, тѣ-же знамена
И полковъ тѣ-жъ имена...
А въ рядахъ другіе стали;
И серебряной медали,
Прежнимъ данной имъ царемъ,
Не видать ужъ ни на комъ.

И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій вождь спасенья?
Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ, Барклай?
Гдѣ и свой и чуждый край.
Дерзкой бодростью дивившій
И подъ старость сохранившій
Все, что въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь

Неподкупный, неизмѣнный
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ Вихорь-Атаманъ,

Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ;
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ,
Милорадовичъ? Гдѣ славный
Дохтуровъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ Святомъ Бородинѣ?

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сенъ-При; Ланскій нашъ палъ;
Кончилъ Тормасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Бенингсонъ.

И боецъ, сынъ Аполлоновъ,
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино...
Той награды не дано;
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ.

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ царскимъ словомъ спасъ;
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій императоръ,
Міра свѣтлая звѣзда,
И твоя пришла чреда!

О, година русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ!
Какъ спасительно онъ ввелъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился русскій имъ!

Вдругъ отъ всѣхъ частей далеко,
Въ бѣдномъ краѣ одиноко,
Передъ плачущей женой,
Нашъ владыка, нашъ герой,

Гаснетъ царь благословенный;
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся имперія идетъ.

И его какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало!..
Есть далекая скала;
Вкругъ скалы морская мгла
Съ моремъ степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ,
Тамъ лежитъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ временъ столь чудныхъ,
Дней блистательныхъ и трудныхъ
Съ новымъ зрѣли мы царемъ;
До Стамбула русскій громъ
Былъ доброшенъ по Балкану;
Миромъ мстили мы султану;
И вскатилъ на Араратъ
Пушки храбрый нашъ солдатъ.

И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ,
Русскій гранью сталъ Араксъ;
Эрзерумъ сдался намъ дикій;
Закипѣлъ мятежъ великій;
Предъ Варшавой сталъ нашъ фрунтъ,
И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И нежданная ограда,
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;
И съ турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфорѣ,
Отразясь въ завѣтномъ морѣ,
Мавзолей нашъ говоритъ:
„Здѣсь былъ русскій станъ разбитъ".

Всходитъ дневное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина;
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесный благодатью,
И подъ нимъ въ виду колоннъ
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ

Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И, далеко умирая,
Слышалъ вѣсть: „Москвы ужъ нѣтъ!"
И опять онъ здѣсь одѣтъ
Въ гробѣ дивною бронею,
Бородинскою землею;
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.

Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились!
И враги, ярясь, молились
На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина,
Небомъ полная, объемлетъ
И какъ-будто бы подъемлетъ
Изъ-за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.

Несказанное мгновенье!
Лишь изрекъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:
„Память вѣчная царю"!—
Вдругъ обгрянулъ залпъ единый
Бородинскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Вся съ нимъ армія слилась.

Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой;
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена.

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

№ 125. СПЕРАНСКІЙ. (НАРОДНАЯ ПѢСНЯ).

Былъ князь Сперанскій:
Природы не дворянской,
Сынъ поповъ,
Изъ большихъ плутовъ.
Летитъ гусь
На святую Русь:
Русь, не трусь!
Воробей, не робѣй!
Бей, колоти,
Одинъ до десяти!
Онъ глядитъ на русскую корону,—
Съ нашего императора
Хотѣлъ снять русскую корону:
Ощипали русскіе
Какъ мокрую ворону.
Онъ высоко взлетѣлъ,
Жизнь свою продать хотѣлъ,
Былъ въ почести лентъ,—
Сталъ послѣдній студентъ.
Былъ сосланъ въ Сибирь
Читать псалтирь.
Французъ вступилъ въ Москву въ гости,
Оставилъ свои кости...

№ 126. АРАКЧЕЕВЪ. (НАРОДНАЯ ПѢСНЯ).

Бѣжитъ рѣчка по песку
Во матушку во Москву,
Въ разорену улицу,
Къ Аракчееву двору.
У Ракчеева двора
Тутъ рѣчка протекла.
Бѣда-рыба пущена;
Тутъ и плавали-гуляли
Девяносто кораблей,
Во всякіемъ кораблѣ
По пятисотъ молодцовъ,
Гребцовъ-пѣсенничковъ:
Сами пѣсенки поютъ,
Разговоры говорятъ,
Все Ракчеева бранятъ:
— „Ты, Ракчеевъ-господинъ,
Всю Россію разорилъ,
Бѣдныхъ людей прослезилъ,
Солдатъ гладомъ поморилъ,
Дороженьки проторилъ,
Онъ канавушки прорылъ,
Березами усадилъ,
Бѣдныхъ людей прослезилъ."

№ 127. *А. С. Пушкинъ.* ПОСЛАНІЕ ВЪ СИБИРЬ.

Въ глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастья вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье,—
Придетъ желанная пора:
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя поры
Доходитъ мой свободный гласъ.
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

№ 128. *Одоевскій.* ЖЕНАМЪ ДЕКАБРИСТОВЪ.

Былъ край, слезамъ и скорби посвященный,
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.

Вдругъ ангелы съ лазури налетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены.
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ, съ улыбкой утѣшенья,
Любовь и миръ душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нея небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады...
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта,
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного:
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

№ 129. *Пушкинъ.* КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это—споръ славянъ между собою,—
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,—
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ иль вѣрный россъ?
Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ,
Оно-ль изсякнетъ?—вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага,—
И ненавидите вы насъ...
За что-жъ, отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, предъ кѣмъ дрожали вы.
За то-ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ!
Вы грозны на словахъ. Попробуйте на дѣлѣ.
Иль старый богатырь, покойный на постели,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ,
Иль русскаго царя уже безсильно слово,
Иль намъ съ Европой спорить ново,
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ,
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?..
Такъ высылайте-жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

№ 130. *Мицкевичъ.* СМЕРТЬ ПОЛКОВНИКА.

Передъ хатою въ пущѣ стояли
Егеря въ самомъ строгомъ порядкѣ,
Часовые же входъ охраняли:
Умиралъ ихъ полковникъ въ той хаткѣ.
Изъ селеній крестьяне сбѣгались.
О здоровьѣ его всѣ справлялись.
И простой народъ плакалъ повсюду.

Приказавши коня боевого
Осѣдлать, жизни чуя утрату,

Вождь хотѣлъ увидать его снова
И велѣлъ привести его въ хату.
Также саблю, мундиръ свой стрѣлковый
Онъ потребовалъ, что ни случится,
Онъ хотѣлъ, какъ Чарнецкій суровый,
Предъ кончиною съ ними проститься.

Только конь уведенъ былъ изъ хаты,
Ксендзъ съ Святыми Дарами явился;
Поблѣднѣли отъ горя солдаты,
И народъ на колѣняхъ молился.
Даже старые воины края,
Что съ Костюшкой дѣлили всѣ битвы,
Вмѣсто слезъ только кровь проливая,—
Въ хатѣ, плача, творили молитвы.

На зарѣ звонъ въ часовнѣ раздался,
Но солдаты давно уже скрылись,
А въ окрестностяхъ врагъ показался...
Вкругъ покойника люди толпились.
Распростертъ трупъ холодный,
Крестъ недвижныя руки сжимали,
Въ изголовьѣ сѣдло, плащъ походный,
Съ боку мечъ и двустволка лежали.

Но по-женски красивъ отчего же
Этотъ воинъ почившій? О, Боже,
Что за грудь! Ахъ, сомнѣній нѣтъ больше:
Хорошо всѣмъ извѣстная въ Польшѣ,
Это—дѣва, герой-агитаторъ,
Вождь повстанцевъ—Эмилія Платеръ.

№ 131. *Тютчевъ.* НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

Какъ дочь родную на закланье
Агамемнонъ богамъ принесъ,
Прося попутныхъ бурь дыханья
У негодующихъ небесъ,
Такъ мы надъ горестной Варшавой
Ударъ свершили роковой,
Да купимъ сей цѣной кровавой
Россіи цѣлость и покой.

...Нѣтъ, насъ одушевляло къ бою
Не чревобѣсіе меча,
Не звѣрство янычаръ ручное
И не покорность палача!

Другая мысль, другая вѣра
У русскихъ билася въ груди:
Грозой спасительною—мѣра—
Державы цѣлость соблюсти;
Славянъ родныя поколѣнья
Подъ знамя русское собрать
И весть на подвигъ просвѣщенья
Единомысленную рать.

И это высшее сознанье
Вело нашъ доблестный народъ;
Путей небесныхъ оправданье
Онъ смѣло на себя беретъ.
Онъ чуетъ надъ своей главой
Звѣзду въ незримой высотѣ
И неуклонно за звѣздой
Идетъ къ таинственной мечтѣ.

Ты-жъ, братскою стрѣлой пронзенный,
Судебъ свершая приговоръ,
Ты палъ, орелъ одноплеменный,
На очистительный костеръ!
Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пеплъ мы свято сбережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ фениксъ, возродится въ немъ.

№ 132. *Лермонтовъ.* СПОРЪ.

Какъ-то разъ передъ толпою
Соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шатъ горою
Былъ великій споръ.
—„Берегись,—сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ,—
Покорился человѣку
Ты не даромъ братъ.
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.

Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари—орлы.
Люди хитры. Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ,—
Берегися: многолюденъ
И могучъ востокъ."
—„Не боюся я востока,—
Отвѣчалъ Казбекъ,—
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима
Богомъ сожжена
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше: вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня...
Нѣтъ, не дряхлому востоку
Покорить меня."
—„Не хвались еще заранѣ,—
Молвилъ старый Шатъ,—
Вонъ на сѣверѣ, въ туманѣ,
Что-то видно, братъ."

Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньи
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Поднимая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамена,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой,
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно медленны, какъ тучи,
Прямо на востокъ.
И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ
И на вѣкъ затихъ.

№ 133. *Полонскій.* ИМЕРЕТИНЪ.

О, было время, трудъ полезный
Имеретинъ позабывалъ,
Мѣняя плугъ и серпъ желѣзный
На ружья, шашку и кинжалъ.

Вражда стучалась въ наши двери.
Мы прятались, куда кто могъ,
Иль кровожадные, какъ звѣри,
Шли на врага, взведя курокъ.

Въ ножи играли дѣти наши
И бѣгали обнажены.
И, дна не видя горькой чаши,
Не ждали мы конца войны,
Жилища наши стали бѣдны,
И обѣдняли алтари,
Гдѣ передъ битвами молебны
Служили нѣкогда цари.
Но, закаленные бѣдами,
Не закалили мы сердецъ...
Какъ надъ младенцами, надъ нами
Небесный сжалился Отецъ.
Потухло зарево пожаровъ,
Угомонилася вражда:
Плѣнопродавцевъ янычаровъ
Исчезли грозныя суда.
Единовѣрному народу
Вручили мы свою судьбу;
Онъ далъ намъ полную свободу
Начать безкровную борьбу,—
Борьбу съ сохой, борьбу съ лопатой,
Съ шелкомотальнымъ колесомъ...
И сталъ богатъ нашъ домъ досчатый—
Мотками, шелкомъ и виномъ.
Рубли въ карманахъ завелися,
Висятъ замки на сундукахъ,
И съ пѣснями до Кутаиса
Мы русскихъ возимъ въ каюкахъ.

№ 134. *Пушкинъ.* ЭПИЛОГЪ КЪ „КАВКАЗСКОМУ ПЛѢННИКУ".

...Муза, легкій другъ мечты,
Къ предѣламъ Азіи летала
И для вѣнка себѣ срывала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее плѣнилъ нарядъ суровый
Племенъ, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ.
Богиня пѣсенъ и разсказа,
Воспоминанія полна,
Быть-можетъ, повторитъ она
Преданья грознаго Кавказа;
Разскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,
Мстислава древній поединокъ,
Измѣны, гибель россіянъ
На лонѣ мстительныхъ грузинокъ;
И воспою тотъ славный часъ,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующій Кавказъ
Подъялся нашъ орелъ двуглавый;
Когда на Терекѣ сѣдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ русскихъ барабановъ,
И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
Явился пылкій Цыціановъ.
Тебя я воспою, герой,
О, Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой,
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена...
Но се востокъ подъемлетъ вой!..
Поникни снѣжной головой,
Мирись, Кавказъ: идетъ Ермоловъ!
И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ наша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Измѣнитъ прадѣдамъ Кавказъ,
Забудетъ алчной брани гласъ,
Оставитъ стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

№ 135. *Лермонтовъ.* НА СМЕРТЬ ПУШКИНА.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.

Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ:
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта,
Одинъ, какъ прежде, и убитъ.
Убитъ. Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья!—
Судьбы свершился приговоръ.
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ?
Что жъ... Веселитесь... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ...
Его убійца хладнокровно
Нанесъ ударъ,—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво. Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ,
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что онъ руку подымалъ.
И онъ погибъ, и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей.
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и клятвамъ ложнымъ,
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей?
И, прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ, съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...
Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять:
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ,
И на устахъ его печать.
А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ,
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи,—
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда,—все молчи.
Но есть и божій судъ,—наперстники разврата,
Есть грозный Судія. Онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла Онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

№ 136. *Полонскій.* А. С. ПУШКИНЪ.

Читано въ Москвѣ, въ день открытія памятника Пушкину, въ засѣданіи О. Л. Р. С. 6 іюня 1880 г.

1.

Пушкинъ, это—возрожденье
Русской музы, воплощенье
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ,
Это—незапечатлѣнный
Ключъ поэзіи, священный
Въ свѣтлой области искусствъ.

Это—эллиновъ стремленье
Къ красотѣ и лицезрѣнье
Ихъ божествъ безъ покрывалъ.
Это—голосъ Немезиды,
Это—дѣвы Эвмениды
Окровавленный кинжалъ...

Это—вѣщаго баяна
Струнный говоръ... свистъ Руслана...
И русалокъ голоса...
Это—арфа Серафима,
Въ часъ, когда душа палима
Жадной вѣрой въ небеса;

Это—старой няни сказка,
Это—молодости ласка,—
Огонекъ въ степной глуши...
Это—слезы умиленья...
Это—смутное влеченье
Вѣчно жаждущей души...

2.

Свой въ столицахъ, на пирушкѣ,
Въ саклѣ, въ таборѣ, въ лачужкѣ,
Пушкинъ чуткою душой
Слышитъ друга голосъ дальній—
Пѣсню Грузіи печальной...
Бредъ цыганки кочевой...

Слышитъ крикъ орла призывный,
Слышитъ ропотъ заунывный
Океана въ бурной мглѣ,
Видитъ небо безъ лазури
И—что краше волнъ и бури,—
Видитъ дѣву на скалѣ...

Знаетъ горе намъ родное:
И разгулье удалое,
И сердечную тоску,
Но не падаетъ усталый,—
И, какъ путникъ запоздалый,
Самъ стучится къ мужику.

Ничего не презирая,
Въ дымныхъ избахъ изучая
Духъ и складъ родной страны,
Чуя русской жизни трепетъ,
Пушкинъ—правды первой лепетъ,
Первый проблескъ старины...

3.

Пушкинъ это—эхо славы
Отъ Кавказа до Варшавы,
Отъ Невы до всѣхъ морей...
Это—сѣятель пустынный,
Другъ свободы, неповинный
Въ лжи и злобѣ нашихъ дней.

Это—геній, все любившій,
Все въ самомъ себѣ вмѣстившій—
Сѣверъ, Западъ и Востокъ!..
Это—тотъ ничтожный міра,
Что, когда бряцала лира,
Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ.

Это—врагъ гордыни праздной,
Въ жертву сплетни неотвязной
Свѣтомъ преданный,—враждой,
Словно терніемъ, повитый,
Оскорбленный и убитый
Святотатственной рукой...

Поэтическій Мессія
На Руси, онъ, какъ Россія,
Всеобъемлющъ и великъ.
Нынѣ мы воспоминаемъ
И торжественно вѣнчаемъ
Прославляющій насъ ликъ.

№ 137. *Некрасовъ.* ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ІЮНЯ 1854 ГОДА.

(Въ день появленія соединеннаго флота вблизи Кронштадта).

Великихъ зрѣлищъ, міровыхъ событій
Поставлены мы зрителями нынѣ:
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идутъ противъ Россіи.
Пожаръ войны полміра обхватилъ.
И заревомъ зловѣщимъ освѣтились
Дѣянія державъ миролюбивыхъ...
Обращены въ позорище вражды

Моря и суша... Медленно и глухо
Къ намъ двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И, наконецъ, приблизились; стоятъ
Предъ укрѣпленной русскою твердыней...
И нынѣ въ урнѣ роковой лежатъ
Два жребія... и наступаетъ время,
Когда рѣшитель мира и войны
Исторгнетъ ихъ всесильною рукой
И свѣту потрясенному покажетъ.

№ 138. *Розенгеймъ.* СТАРИКИ МОЛОДЫМЪ.

Исполать вамъ, удалые,
Молодые моряки!
Шлютъ привѣтъ вамъ боевые
Черноморцы-старики.
Исполать вамъ, дѣти, слава!
Какъ послушаешь про васъ,—
Не нарадуешься, право,
Вашей доблести подчасъ!
Нелегка была работа
Вамъ безъ флота, такъ сказать,
Противъ панцырнаго флота
Русскій флагъ нашъ поддержать,—
Флагъ, что съ многой бранной славой
Завѣщали вамъ отцы,
Но задачей небывалой
Не смутились молодцы!
Вы взялись за дѣло смѣло,
Изумляя міръ не разъ,
И несбыточное дѣло
Стало сбыточнымъ для васъ!
Вы пошли противъ броневыхъ
Кораблей на катерахъ,
На посудинахъ торговыхъ,
На промышленныхъ судахъ.
Средь морей и средь становищъ
Нападая, не одно
Изъ желанныхъ тѣхъ чудовищъ
Вы отправили на дно.
И предъ вашею погоней
Эти чудища отъ васъ
Со своей желѣзной броней
Удирали ужъ не разъ.
Вы творите, други, дѣло,
Небывалое нигдѣ,
Вашимъ подвигамъ міръ цѣлый
Удивляется вездѣ,
Разобидѣли вы Порту,
И, изъянъ считая свой,
Шлетъ она васъ прямо къ чорту
Съ вашей удалью лихой.
Съѣсть готовый васъ давно бы,
Изумленъ и раздраженъ,
Задыхается отъ злобы
Гнусный скаредъ Альбіонъ.
Но за-то благословляя
Васъ, лихихъ своихъ сыновъ,
Русь родная въ край изъ края
Славословитъ молодцевъ.
Исполать вамъ, други, братья,
Молодые моряки!
Жмутъ сердечно васъ въ объятья
Черноморцы-старики.

№ 139. *Бенедиктовъ.* И ТУДА

И туда—на грань Камчатки
Ты зашла для бранной схватки,
Рать британскихъ кораблей,
И, приставъ подъ берегами,
Яро грянули громами
Пришельцы изъ-за морей.
И, прикрытъ звѣриной кожей,
Камчадалъ на нихъ глядитъ:
Гости странные похожи
На людей—такой же видъ.
Только чуденъ ихъ обычай:
Знать, не вѣдая приличій,
Съ злостью выѣхали въ свѣтъ,
Въ гости ѣдутъ незнакомы
И, пріѣхавъ, мечутъ громы
Здѣсь хозяевамъ въ привѣтъ.
Огнедышащихъ орудій
Навезли—дымятъ, шумятъ.
А вѣдь все-же это—люди,—
Камчадалы говорятъ.

Камчадалъ, пускай въ нихъ стрѣлы,
Ну, прицѣливайся, бей,
Не зѣвай. Въ твои предѣлы,
Видишь, вторгнулся злодѣй!
И дикарь въ недоумѣньи
Слышитъ странное велѣнье:

Какъ? Стрѣлять? Въ кого? Въ людей?
И, ушамъ своимъ не вѣря:
„Нѣтъ,—сказалъ.—Стрѣлу мою
Я пускаю только въ звѣря;
Человѣка я не бью.“

№ 140. *Апухтинъ.* СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ О СЕВАСТОПОЛѢ.

Не веселую, братцы, вамъ пѣсню спою,
Не могучую пѣсню побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды.
Я спою вамъ о томъ, какъ отъ южныхъ полей
Поднималося облако пыли,
Какъ сходили враги безъ числа съ кораблей
И пришли къ намъ, и насъ побѣдили.
А и такъ побѣдили, что долго потомъ
Не совались къ намъ съ дерзкимъ вопросомъ;
А и такъ побѣдили, что съ кислымъ лицомъ
И съ разбитымъ отчалили носомъ.
Я спою, какъ, покинувъ и домъ, и семью,
Шелъ въ дружину помѣщикъ богатый,
Какъ мужикъ, обнимая бабенку свою,
Выходилъ ополченцемъ изъ хаты.
Я спою, какъ росла богатырская рать,
Шли бойцы изъ желѣза и стали,—
И какъ знали они, что идутъ умирать,
И какъ свято они умирали!
Какъ красавицы наши сидѣлками шли
Къ безотрадному ихъ изголовью;
Какъ за каждый клочекъ нашей русской земли
Намъ платили враги своей кровью;
Какъ подъ грохотъ гранатъ, какъ сквозь пламя и дымъ,
Подъ немолчные, тяжкіе стоны,
Выходили редуты одинъ за другимъ,
Грозной тѣнью росли бастіоны.
И одиннадцать мѣсяцевъ длилась рѣзня,
И одиннадцать мѣсяцевъ цѣлыхъ
Чудотворная крѣпость, Россію храня,
Хоронила сыновъ ея смѣлыхъ...
Пусть не радостна пѣсня, что вамъ я пою,
Да не хуже той пѣсни побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды.

№ 141. *Некрасовъ.* ТИШИНА.

(Изъ стихотворенія).

Пора! За рожью колосистой
Лѣса сплошные начались,
И сосенъ ароматъ смолистый
До насъ доходитъ... „Берегись!“
Уступчивъ, добродушно смиренъ
Мужикъ торопится свернуть...
Опять пустынно тихъ и миренъ
Ты, русскій путь, знакомый путь!
Прибитая къ землѣ слезами
Рекрутскихъ женъ и матерей,
Пыль не стоитъ уже столбами
Надъ бѣдной родиной моей.
Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны
И врядъ ли самъ припоминаешь,
Каковъ ты былъ во дни войны,—
Когда надъ Русью безмятежной
Возсталъ немолчно скрипъ тележный,
Печальный, какъ народный стонъ!
Русь поднялась со всѣхъ сторонъ,
Все, что имѣла, отдавала
И на защиту высылала

Со всѣхъ проселочныхъ путей
Своихъ покорныхъ сыновей.
Войска водили офицеры,
Гремѣлъ походный барабанъ,
Скакали бѣшено курьеры;
За караваномъ караванъ
Тянулся къ мѣсту ярой битвы;
Свозили хлѣбъ, сгоняли скотъ;
Проклятья, стоны и молитвы
Носились въ воздухѣ... Народъ
Смотрѣлъ довольными глазами
На фуры съ плѣнными врагами,
Откуда рыжихъ англичанъ,
Французовъ съ красными ногами
И чалмоносныхъ мусульманъ
Глядѣли сумрачныя лица...
И все минуло... все молчитъ...
Такъ мирныхъ лебедей станица,
Внезапно спугнута, летитъ
И, съ крикомъ обогнувъ равнину
Пустынныхъ, молчаливыхъ водъ,
Садится дружно на средину
И осторожнѣе плыветъ...

Свершилось! Мертвые отпѣты.
Живые прекратили плачъ,
Окровавленные ланцеты
Отчистилъ утомленный врачъ.
Военный попъ, сложивъ ладони,
Творитъ молитву небесамъ,
И севастопольскіе кони
Пасутся мирно... Слава вамъ!
Вы были тамъ, гдѣ смерть летаетъ,
Вы были въ сѣчахъ роковыхъ
И, какъ вдовецъ жену мѣняетъ,
Мѣняли всадниковъ лихихъ.
. . . .
. . . .

Война молчитъ — и жертвъ не проситъ;
Народъ, стекаясь къ алтарямъ,
Хвалу усердную возноситъ
Смирившимъ громы небесамъ.
Народъ-герой! Въ борьбѣ суровой
Ты не шатнулся до конца,
Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца!

Молчитъ и *онъ...*[1]) какъ трупъ безглавый,
Еще въ крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась,
Его снесли огнемъ и лавой;
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства передъ ней стояло.
Передъ одной... Такихъ громовъ
Еще и небо не метало
Съ нерукотворныхъ облаковъ!
Въ ней воздухъ кровью напоили,
Изрѣшетили каждый домъ,
И вмѣсто камня намостили
Ее свинцомъ и чугуномъ.
Тамъ по чугунному помосту
И море подъ стѣной течетъ.
Носили тамъ людей къ погосту,
Какъ мертвыхъ пчелъ, теряя счетъ...
Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругомъ пустыня,
Могилы... Люди въ той странѣ
Еще не вѣрятъ тишинѣ.
Но тихо... Въ каменныя раны
Заходятъ сизыя туманы,
И черноморская волна,
Еще густа, еще красна,
Бездушно въ берегъ славы плещетъ...

№ 142. *Тютчевъ.* ПРІѢЗДЪ АВСТРІЙСКАГО ЭРЦГЕРЦОГА НА ПОХОРОНЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Нѣтъ, мѣра есть долготерпѣнью,
Безумству также мѣра есть...
Клянусь его вѣнчанной тѣнью,
Не все же можно перенесть.

[1]) Севастополь.

И какъ не грянетъ отовсюду
Одинъ всеобщій кличъ тоски:
„Прочь, прочь австрійскаго Іуду
Отъ гробовой его доски!

Прочь съ ихъ предательскимъ лобзаньемъ!
И весь предательскій ихъ родъ
Будь заклейменъ однимъ прозваньемъ:
Искаріотъ, Искаріотъ“.

№ 143. *Розенгеймъ.* ДУМЫ НА РАЗВАЛИНАХЪ СЕВАСТОПОЛЯ. (1856).

I.

Гордись,—льстецы тебѣ сказали,—
Страна съ увѣнчаннымъ челомъ.
Не вѣрь, не слушай, не гордись!
Хомяковъ.

1.

Стою средь развалинъ, какъ древле пророкъ!
Мысль черная душу мнѣ гложетъ:
Исполнена кара, свершился урокъ
Достойно и праведно, Боже!
Стою удрученный, подъ гнетомъ стыда,
Тоскливо кругомъ озирая.
Сюда, въ комъ есть сердце, кто русскій,—сюда,
Кому дорога Русь святая!
Сюда, на колѣни,—и плачьте со мной
Въ глубокомъ и горькомъ сознаньи:
Здѣсь лобное мѣсто, гдѣ край нашъ родной
За насъ воспріялъ поруганье!..
Да, горе странѣ, гдѣ нечестью почетъ,
Гдѣ правда и доблесть въ загонѣ,
Гдѣ крѣпокъ надъ правомъ безправія гнетъ,
Гдѣ кривда въ судѣ и въ законѣ!
Часъ грозный возмездья придетъ, — и страна
Познаетъ всю горечь паденья,
Иль рано, иль поздно осушитъ до дна
Фіалъ роковой униженья!

2.

Исполнилось, братья. Созрѣли плоды
Всѣхъ похотей нашихъ лукавыхъ!
И вотъ, передъ нами, смотрите, слѣды
И дѣлъ, и стремленій неправыхъ:
И стыдъ, и уступка предъ гордымъ врагомъ,
И русскія земли въ неволѣ!

Смотрите, о братья, смотрите кругомъ,
Какъ все измѣнилось! Давно ли
Средь Чернаго моря широкихъ равнинъ,
Блистая старинною славой,
Одинъ полновластный его господинъ —
Носился нашъ флагъ величавый?
Давно ли, давно ли весь міръ трепеталъ
Россіи орловъ благородныхъ,
И голосъ ея самовластно рѣшалъ
Въ совѣтахъ и спорахъ народныхъ?
Давно ли, смотрите, вотъ здѣсь подъ горой,
Надъ рейдомъ кипучимъ когда-то,
А нынѣ пустынномъ, гдѣ флотъ нашъ лихой
На днѣ погребенъ безъ возврата,
Гдѣ прахомъ разметаны доки и валъ,
Въ развалинахъ храмовъ святыни,—
Давно ли здѣсь городъ красавецъ стоялъ,
И высились гордо твердыни?
На рейдѣ широкомъ тѣснились суда,
Покрытыя славой Синопа,
И съ завистью злобной смотрѣла сюда
Враждебная Руси Европа,
А братья по вѣрѣ, и кровные намъ
Родные страдальцы народы,
Съ горячей надеждой, съ мольбой къ небесамъ,
Отъ насъ ожидали свободы?
Давно-ль это было?.. И вотъ, будто дымъ,
Все это исчезло, распалось
Все, все, что отъ дѣдовъ наслѣдьемъ святымъ
Отъ славныхъ отцовъ намъ досталось,

Что куплено было ихъ тяжкимъ трудомъ,
Ихъ потомъ кровавымъ добыто,
Къ чему шла Россія столь долгимъ путемъ,
За что столько крови пролито:
Значенье въ народахъ, великая честь,
Могущество, слава и сила...
О, русскіе люди, то Божія месть,—
Не вражія мощь насъ сразила!
О, Русь наша, кто бы сломить тебя могъ,
Когда бы не наше растленье? —
За наши неправды судилъ тебя Богъ,
За наши казнилъ преступленья!
За то, что, какъ тати, отчизну свою
Мы сами кругомъ расхищали,
Что бремя неправды въ родимомъ краю
Постыдно несли и молчали!..
Да, все здѣсь читаю въ чертахъ роковыхъ,
Всю бытопись нашихъ пороковъ!
О, сколько изъ этихъ обломковъ нѣмыхъ
Мнѣ слышится горькихъ упрековъ...
Предъ ихъ обличеньемъ невольно главой
Клонюсь я въ печальномъ сознаньи:
Да, сами мы, сами, о, край нашъ родной,
Тебя обрекли поруганью!

3.

Межъ тѣмъ, какъ въ Европѣ все двигалось, шло,
Трудомъ все полезнымъ кипѣло,
Умъ бойко работалъ, богатство росло,
Громадно свершалося дѣло.
И, свергнувъ съ себя въ чудодѣйный нашъ вѣкъ
Безсилья природнаго бремя,
Владыкой стихіямъ тамъ сталъ человѣкъ,
Владыкой пространства и время...
А мы? Мы, которымъ огромный запасъ
Судьба этихъ благъ подарила?
Мы проспали время; пространство же насъ,—
Пространство насъ, братья, сгубило.
Открытья, успѣхи народовъ,—они
Сочувствія въ насъ не встрѣчали,
Средь общей работы мы спали одни,
Иль дѣтски въ игрушки играли...
И шло все у насъ какъ-нибудь, на-авось,
Бездарность вездѣ пробивалась,
Бездѣліе дѣломъ открытымъ звалось,
А низость усердьемъ считалась;
Успѣхъ освящалъ и коварство, и ложь,
Кичился сановникъ надменный,
Законъ у судьи былъ разбойничій ножъ,
Не мечъ правосудный, священный;
А русскою силой и русской казной
Творилось нерусское дѣло,
Надъ русскимъ въ Россіи пришлецъ и чужой
Глумились открыто и смѣло...
И въ этомъ хаосѣ неправедныхъ дѣлъ,
И въ этой горячкѣ мытарства
Забитый народъ обнищалъ, отупѣлъ,
Обнищало во всемъ государство,—
Подъ лоскомъ наружнымъ скрывался недугъ,
Безсилье предъ прежнею силой...
Но вотъ испытанье нагрянуло вдругъ
И, строгое, все обличило.

4.

Да, все обличило... Во всей наготѣ
Дѣйствительность грозная встала,
О, мать наша Русь!.. О, въ какой нищетѣ
Предъ нами тогда ты предстала!
Въ лохмотья порвался мишурный завѣсъ,
И правда глянула намъ въ очи:
Кругомъ неурядья безвыходный лѣсъ
И тьма непроглядная ночи...
За что ни возьмется, то старо, а въ томъ
Нѣтъ толка, хоть ярко и ново;
Безпутье вездѣ, недостатокъ во всемъ,
Повсюду и все неготово!
И въ грозный нужды и въ опасности часъ,
Въ защиту родимаго края
Осталась послѣдней надеждой для насъ
Лишь доблесть отцовъ боевая!
Одна лишь она, неизмѣнно вѣрна,
Не сгибла подъ чуждымъ вліяньемъ, –
Одна уцѣлѣла, какъ прежде сильна,
И вышла на бой съ испытаньемъ.

И съ нею одной мы пошли на отпоръ
Европѣ на насъ ополченной,
И разъ еще равнымъ неравный сталъ
споръ,
И разъ еще міръ удивленный
Увидѣлъ, какъ, край свой спасая, народъ
Одной своей вѣрною грудью
Пытался пополнить во всемъ недочетъ,
Помочь роковому безлюдью,
И скрыть передъ міромъ родной стороны
Упадокъ,—увы!—заслуженный,
Какъ несъ онъ сугубую тяжесть войны,
Отвсюду врагомъ окруженный...

5.

Безсмертный Синопъ, Кадыкъ Ларъ вы-
соты,
Далекій камчатскій Петрополь,
И Карсъ, и Чита, и Одесса, и ты,
Нашъ грозный, нашъ злой Севасто-
поль,—
Вы скажете міру, что русскій народъ,
Униженный, бѣдный, забытый,
Одинъ неповинный въ созданьи невзгодъ,
Во дни ихъ—одинъ былъ защитой...
Вы скажете міру, что русскій солдатъ
Былъ тотъ же, что въ пору иную,
И такъ же умѣлъ отражать супостатъ
И гибнуть за землю родную.
Да... некому было водить ихъ впередъ,
Какъ въ славные годы былые,
Да мало нашлося лихихъ воеводъ,
Да рано слегли удалые...

И Божьею карой упала бѣда
Надъ грѣшною русской землею,—
Знать много неправдъ ужъ скопилось
тогда,
Родимый мой край, надъ тобою!

6.

Простите мнѣ, братья, въ упрекахъ
моихъ,
Простите мнѣ горькое слово,
Но сердце, средь этихъ развалинъ свя-
тыхъ,
Отъ боли порваться готово...
И краска стыда пробиваетъ чело
При видѣ могилъ благородныхъ,
Въ которыхъ такъ много, такъ много
слегло
И силы, и крови народныхъ,—
Слегло въ безнадежно неравной борьбѣ,
Нашъ общій позоръ искупая
Великою жертвою мстящей судьбѣ
За славу родимаго края.
Простите, я знаю, жестоко оно,
Мое откровенное слово,
Нашъ слухъ къ самохвальству привыкъ
ужъ давно,
И правда звучитъ намъ сурово.
Но въ этихъ упрекахъ, — прислушай-
тесь,—въ нихъ
Отечества плачъ раздается!
Пускай же не звученъ, не гладокъ мой
стихъ,—
Онъ въ русской душѣ отзовется...

II.

Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды;
Отъ нихъ учитесь умирать!
Такъ скажутъ внукамъ дѣды.
Жуковскій.

1.

Стою средь развалинъ, какъ древле про-
рокъ!—
Повсюду кругомъ разрушенье!..
Здѣсь грозно гнѣвъ Божій надъ Русью
протекъ,—
Да будетъ ей казнь въ искупленье!
Стою средь развалинъ... Вдали предо
мной
Слѣды непріязненныхъ становъ:
Ихъ рвы, батареи, ихъ валъ земляной
И строй невысокихъ кургановъ.

Нѣтъ счета курганамъ? Зачѣмъ?
Противнымъ они не защита!
Кто поднялъ здѣсь землю холмами кру-
гомъ,
Какія подземныя силы?
Насыпаны, взрыты тѣ холмы кругомъ,
Тѣ холмы—то вражьи могилы...
Безъ мѣры и счета здѣсь врагъ схоро-
нилъ
И силы, и крови, и злата,
И длинны ряды этихъ чуждыхъ могилъ,
Кровавая распри уплата!
Да, здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, подъ этой
стѣной
Великое дѣло свершилось:
Здѣсь русская доблесть за край свой
родной
Съ Европою цѣлой схватилась.
И схватки подобной не видывалъ свѣтъ!
Казалося, смерть съ разрушеньемъ
Здѣсь дали другъ-другу кровавый обѣтъ—
Весь міръ удивить истребленьемъ.
И міръ устрашенный съ томленьемъ слѣ-
дилъ
За ходомъ борьбы небывалой,
Гдѣ грозную массу невиданныхъ силъ
Народная грудь отбивала.
И долго, и страшно тянулась борьба...
Грядущаго темной завѣсой,
Какъ-будто, колеблясь, закрыла судьба,
Кого подарить перевѣсомъ.
И чуденъ былъ этотъ неслыханный споръ,
Мѣнялась въ немъ роль воевавшихъ:
Не разъ осажденный, отбросивъ напоръ,
Въ осадѣ держалъ осаждавшихъ,
Разимый жестоко, жестоко отмщалъ
Онъ гибель поверженныхъ братій...
И Западъ надменный не разъ трепеталъ
За участь имъ посланныхъ ратей.
И все, что отчаянье, зависть и страхъ
Могли изобрѣсть къ истребленью,—
Все это придумалъ и выполнилъ врагъ
Надъ грознымъ ему укрѣпленьемъ.
Всей силой, всей мощью грозы боевой
Европа надъ нимъ разразилась,
По воздуху, моремъ, съ земли, подъ зем-
лей,—
Отвсюду погибель стремилась,
Несчетныхъ орудій и ночью, и днемъ
Огонь свирѣпѣлъ неисходный,—
Но твердъ и спокоенъ подъ смертнымъ
дождемъ
Стоялъ нашъ солдатъ благородный.
Когда же, разбитый, обрушился валъ,
Онъ, грудью его замѣняя,
Еще отбивался, еще поражалъ,
Отвагой враговъ изумляя.
Среди разрушеній, пожаровъ, могилъ,
Тѣснимый все болѣй и болѣй,
Онъ такъ же былъ грозенъ. Когда-жъ усту-
пилъ
Предъ тяжкой упорной недолей,
Не городъ, не крѣпость достались вра-
гамъ,
А груды развалинъ и праха;
Не радость побѣды ихъ встрѣтила тамъ,
А думы сомнѣнья и страха.
Предъ ними, растерзанъ, въ обломкахъ
лежалъ
Могучаго остовъ избитый,
Но падшій, казалось, еще угрожалъ
Какою-то гибелью скрытой.
Изъ каждаго камня глядѣла бѣда,
Угрозой имъ въ очи сверкая...
О, вѣрно, на память пришла имъ тогда
Невольно Москва роковая!
И съ ужасомъ вспомнилъ ликующій
врагъ,
Спѣша удалиться въ смущеньи,
Что часто въ Россіи и въ самыхъ стѣ-
нахъ
Таится для недруговъ мщенье.

2.

Такъ палъ Севастополь. Паденія гулъ
Отгрянулъ, какъ громъ, въ отдаленьи,
И Западъ враждебный впервые вздохнулъ
По долгомъ и тяжкомъ томленьи...
Такъ палъ Севастополь... И рухнуло съ
нимъ
Надолго значенье Россіи,
И хвалятся гордо успѣхомъ своимъ
Его супостаты лихіе.
И шумно, и весело празднуетъ врагъ

Могучей грозу и паденье...
Но горько родные народы въ цѣпяхъ
Оплачутъ надежду спасенья.

3.

А вы, ратоборцы за русскую честь,
Герои великой защиты!
Вѣковъ достоянье—чудесная вѣсть
О нашей борьбѣ знаменитой!
Хвала вамъ. Отчизнѣ о васъ не забыть:
Вы честно родной послужили.
И что человѣку возможно свершить,
Могучіе, все вы совершили!..

4.

Смиримся же, други: въ паденьи своемъ
Повинны мы всѣ безъ изъятья,
Прощенье другъ-другу, — и честно пойдемъ
Путемъ покаянія, братья!
Возстань же, Россія! Родная, возстань
На трудъ трисвятой обновленья,
На честную битву, на славную брань:
Настала пора пробужденья!
Кто-бъ ни былъ ты, — воинъ, купецъ, селянинъ,
Художникъ, судья, воевода,—
Въ комъ русское сердце, кто родинѣ сынъ,
Кому дорога честь народа,—
Возстанемте дружно, забывъ о себѣ,
На общую требу спасенья.
Всѣмъ дѣло найдется въ суровой борьбѣ,
Въ работѣ святой возрожденья!..

№ 144. *Бенедиктовъ.* ВЕЛИКОЕ ДѢЛО.

— Нѣтъ болѣе рабства!—владыка сказалъ.
И царское слово пошло, загудѣло,
И тамъ, гдѣ былъ рабъ,—человѣкъ тамъ возсталъ.
Великое слово. Великое дѣло.

Во храмѣ Господнемъ, въ виду алтаря,
При дымѣ кадилъ и молитвахъ народа,
Даримое людямъ устами царя
Гремитъ благодатное слово „свобода“.

И принялъ народъ отъ царя своего,
Въ смиреніи, милость его безъ предѣла.
Бояре, содѣйствуйте-жъ волѣ его
Въ грядущемъ устройствѣ великаго дѣла!

Не взрывъ своеволья, не дикая страсть,
Здѣсь вольности призракъ являютъ народу:
Здѣсь любящимъ сердцемъ державная власть
Покорному міру даруетъ свободу...

Встань, новая сила, для вольныхъ трудовъ.
Дай, Боже, чтобъ дивною жатвой созрѣло,
Торжественно шествуя въ роды родовъ,
Великое слово, великое дѣло!

№ 145. *Майковъ.* КАРТИНКА. (19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.).

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;
И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.
Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.
Что-жъ такъ слушаютъ малютку,—
Аль ужъ такъ умна?..
Нѣтъ! Одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.
И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.
Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!
Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.
Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!
Воля, братья, это—только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день!

№ 146. *Аксаковъ.* НА ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь;
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно-прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,—
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!..

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ... Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,—
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ...
Слышишь, новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ; съ братьевъ снявшимъ гнетъ;
Людямъ—миръ, благоволенье.
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ...
Дню вчерашнему—забвенье,
Дню грядущему—привѣтъ!

№ 147. *А. Майковъ.* СТАРОЕ И НОВОЕ.

Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ,
Порой для взора нѣтъ границъ...
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями стаи птицъ...

Я ѣду день, я ѣду два,—
И все поля кругомъ, поля.
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва,
А тамъ поля, опять поля.

Порой ручей, порой оврагъ,
А тамъ поля, опять поля.
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я.

Но гдѣ же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень...
Не вѣрится такой глуши.
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день.

Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ...
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ...

Вотъ наконецъ бредетъ старикъ...
Остановился, шляпу снялъ,
Бормочетъ что то:—„Стой, ямщикъ.
Эй, дядя, съ чѣмъ Господь послалъ?"

„Осмѣлюсь, баринъ, попросить—
Не подвезете-ль старика?"
— „Садись. Зачѣмъ не услужить,
Услуга-жъ такъ невелика.

Садись."—„Я здѣсь на облучокъ"...
— „Да мѣсто есть: садисъ рядкомъ".
Но споромъ взять никто не могъ бы;
Старикъ уперся на своемъ;

Твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ
И къ обращенію привыкъ,
И знаетъ свѣтъ: иначе-бъ былъ
Необразованный мужикъ.

У старика былъ хмурый видъ,
Цвѣтисто-вычурная рѣчь;
Одѣтъ былъ бѣдно, но обритъ,
И бакенбардъ висѣлъ до плечъ.

— „Я былъ дворовый человѣкъ,—
Онъ говорилъ,—у князя Б.
Да вотъ пришлось кончать свой вѣкъ
На волѣ; самъ ужъ по себѣ.

И слава Богу! Какъ кому,
И какъ кто разумѣетъ свѣтъ,
А по понятью моему,
Отъ всей ихъ воли толку нѣтъ.

Еще я нонѣшнихъ князей,
Выходитъ, дѣдушкѣ служилъ...
Князь различать умѣлъ людей:
Я въ домѣ, можетъ, первый былъ.

Да вотъ настали времена,
Теперь иди хоть волкомъ вой.
Стара собака, негодна,
Ѣстъ даромъ хлѣбъ,—такъ съ глазъ долой.

Еще скажу—добры князья.
— Съ тебя оброку не хотимъ;
А хочешь землю, молъ,—такъ я:
— Покорно васъ благодаримъ.

Жаль ихъ самихъ".—И тутъ старикъ
Повелъ разсказъ, какъ врозь идетъ
Весь княжій дворъ: шалитъ мужикъ
Заброшенъ сахарный заводъ.

Слѣда ужъ нѣтъ оранжерей,
Охота, птичникъ и пруды,
И всѣ забавы для гостей,
И карусели и сады,—

Все въ запущеньи, все гніетъ.
Усадьба—прежде городокъ
Была. Вездѣ присмотръ, народъ
Все пей и ѣшь, все было въ прокъ.

Да, вспомянешь про старину,—
Онъ заключилъ:—„Былъ складъ да ладъ.
Э, ну ихъ съ волей, право, ну!
Да что она,—одинъ развратъ!

Одинъ развратъ"!—онъ повторялъ...
Отжившій міръ въ его лицѣ,
Казалось, силы напрягалъ,
Какъ пламя вспыхнувъ при концѣ.

— „Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ,—
Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
На ямщика,—спросите ихъ,
Куда глядятъ, чего хотятъ".

Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
Но за отвѣтомъ сталъ въ тупикъ:
Никакъ желанное словцо
Не попадало на языкъ...

„Чего"!..—онъ началъ-было вслухъ.—
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свистнетъ во весь духъ,—
И тройка ринулась впередъ.

Впередъ въ пространство безъ конца.
Впередъ, не внемля ничему.
То былъ отвѣтъ ли молодца,
И кони-ль вторили ему,—

Но мы неслись какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
Какъ бы мучителей бѣсовъ
Погоню слыша за собой...

Неслись... а вкругъ по сторонамъ
Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ...

Неслись...—„Куда-жъ те дьяволъ мчитъ“—
Вдругъ сорвалось у старика.
А тотъ летитъ, лишь вдаль глядитъ,
А даль-то, даль—какъ широка!..

№ 148. *Минскій*. НА 25-ЛѢТІЕ ЖЕНСКИХЪ ГИМНАЗІЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(19 апрѣля 1883 года).

Была тяжелая пора
Для брата младшаго въ народѣ:
Чужой покою и свободѣ,
Онъ жилъ для барскаго добра.
Трудъ нескончаемый, упорный
Онъ несъ не для своей земли,
И шелъ, куда его вели,
Безъ правъ, безъ ропота, покорный.

Но вотъ зажглась надъ нимъ заря:
Среди унынія нѣмого
Раздалось добраго царя
Освободительное слово;
И пахарь взялъ соху свою,
Не понукаемъ господиномъ,
И въ соплеменную семью
Вошелъ свободнымъ гражданиномъ.

Была невзгодная пора
Для русскихъ женщинъ: слишкомъ мало
Счастливицъ избранныхъ вкушало
Плоды духовнаго добра;
Отъ всѣхъ разсадниковъ науки
Стояли массы въ сторонѣ,
И къ свѣту знанія онѣ
Вотще протягивали руки.

Но вотъ уста того-жъ царя,
Все въ тѣ же памятные годы,
И здѣсь, жизнь новую творя,
Провозгласили вѣсть свободы,—
Свободы въ области ума
Всѣхъ, безъ различья состояній;
И быстро побѣжала тьма
Передъ лучами чистыхъ знаній.

Блести все ярче, чудный свѣтъ!
Живи, рости, святое дѣло!
Въ тебѣ залогъ счастливыхъ лѣтъ,
Съ тобой впередъ глядимъ мы смѣло;
И сила прочная твоя
Намъ служитъ радостной порукой,
Что будетъ русская семья облагорожена наукой.

Храни же благодатный даръ.
О, молодое поколѣнье!
И свѣжій умъ, и сердца жаръ
Неси на честное служенье
Своей отчизнѣ: чтобъ она
Все лучше, чище становилась
И тѣмъ, чѣмъ нація сильна,
Хорошей женщиной гордилась!

№ 149. *Тютчевъ*. ЧЕРНОЕ МОРЕ

(По поводу циркуляра объ упраздненіи статей Парижскаго трактата о Черномъ морѣ).

Пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ минуло,
Прошелъ столѣтній цѣлый рядъ,—
Но сердце насъ не обмануло,
И Севастопольскаго гула
Послѣдній слышимъ мы раскатъ.

Ударъ послѣдній и громовый,
Онъ грянулъ вдругъ; животворя,
Послѣднее въ борьбѣ суровой
Теперь лишь высказано слово,—
То слово русскаго царя.

И вотъ: свободная стихія,
Сказалъ бы нашъ поэтъ родной,
Шумишь ты, какъ во дни былые,
И катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Пятнадцать лѣтъ тебя держало
Насилье въ западномъ плѣну,—
Ты не сдавалась и роптала,—
Но часъ пробилъ,—насилье пало,—
Оно пошло, какъ ключъ, ко дну.

Опять зоветъ и къ дѣлу нудитъ
Родную Русь твоя волна,
И къ распрѣ той, что Богъ разсудитъ,
Великій Севастополь будитъ
Отъ заколдованнаго сна.

И то, что ты во время оно
Отъ бранныхъ скрыла непогодъ
Въ свое сочувственное лоно,
Отдашь ты намъ—и безъ урона—
Безсмертный черноморскій флотъ.

Да, въ сердцѣ русскаго народа
Святиться будетъ этотъ день:
Онъ—наша внѣшняя свобода,
Онъ петропавловскаго свода
Освѣтитъ гробовую сѣнь.

№ 150. *Тютчевъ.* КНЯЗЮ ГОРЧАКОВУ.

Да, вы сдержали ваше слово:
Не двинувъ пушки, ни рубля,
Въ свои права вступить готова
Родная, русская земля.

И намъ завѣщанное море
Опять свободною волной,
О краткомъ позабывъ позорѣ,
Лобзаетъ берегъ свой родной.

Счастливъ въ нашъ вѣкъ, кому побѣда
Далась не кровью, а умомъ.
Счастливъ, кто точку Архимеда
Умѣлъ найти въ себѣ самомъ!

№ 151. *Тютчевъ.* СЛАВЯНАМЪ.

Привѣтъ вамъ задушевный, братья,
Со всѣхъ славянщины концовъ!
Привѣтъ нашъ всѣмъ вамъ—безъ изъятья!
Для всѣхъ семейный пиръ готовъ!
Не даромъ васъ звала Россія
На праздникъ мира и любви;
Но знайте, гости дорогіе,
Вы здѣсь—не гости: вы—свои!

Вы дома здѣсь, и больше дома,
Чѣмъ тамъ, на родинѣ своей,—
Здѣсь, гдѣ господство незнакомо
Иноязыческихъ властей!
Здѣсь, гдѣ у власти и подданства
Одинъ языкъ, одинъ для всѣхъ,
И не считается славянство
За тяжкій первородный грѣхъ!

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все-же мы—народъ единый,
Единой матери сыны!
Но все-же братья мы родные...
Вотъ, вотъ что ненавидятъ въ насъ:
Вамъ—не прощается Россія,
Россіи—не прощаютъ васъ!

Смущаетъ ихъ, и до испугу,
Что вся славянская семья
Въ лицо и недругу, и другу
Впервые скажетъ: „Это—я!..“
При неотступномъ вспоминаньи
О длинной цѣпи злыхъ обидъ
Славянское самосознанье,
Какъ Божья кара, ихъ страшитъ!

Давно на почвѣ европейской,
Гдѣ ложь такъ пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для нихъ—законъ и равноправность,
Для насъ—насилье и обманъ...
И закрѣпила стародавность
Ихъ какъ наслѣдіе славянъ.

И то, что дѣлалось вѣками,
Не оскудѣло и поднесь
И тяготѣетъ и надъ нами,—
Надъ нами, собранными здѣсь...
Еще болитъ отъ старыхъ болей
Вся современная пора:
Не тронуто Коссово поле,
Не срыта Бѣлая гора!

А между тѣмъ позоръ немалый
Въ славянской, всѣмъ родной средѣ,—
Лишь тотъ ушелъ отъ ихъ опалы
И не подвергся ихъ враждѣ,

Кто для своихъ всегда и всюду
Злодѣемъ былъ передовымъ:
Они лишь нашего Іуду
Честятъ лобзаніемъ своимъ.

Опальное міровое племя,
Когда же будешь ты—народъ,
Когда же упразднится время
Твоей и розни, и невзгодъ
И грянетъ кличъ къ объединенью,
И рухнетъ то, что дѣлитъ насъ?
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью:
Ему извѣстны день и часъ...

И эта вѣра въ правду Бога
Ужъ въ нашей не умретъ груди,
Хоть много жертвъ и горя много
Еще мы видимъ впереди...
Онъ живъ—Верховный Промыслитель,
И судъ Его не оскудѣлъ...
И слово—Царь Освободитель—
За русскій выступитъ предѣлъ!

№ 152. *Тютчевъ.* ЧЕХАМЪ, ВЪ ГОДОВЩИНУ ГУСА, ПРИ ПОСЫЛКѢ ЧАШИ ВЪ ПРАГУ.

На ваши, братья, празднества,
Навстрѣчу вашимъ ликованьямъ,
Навстрѣчу вамъ идетъ Москва
Съ благоговѣйнымъ упованьемъ...

Въ среду восторженныхъ тревогъ
Въ разгаръ великаго волненья
Она приноситъ вамъ залогъ,—
Залогъ любви и единенья.

Примите же изъ рукъ ея
То, что и вашимъ прежде было,
Что старочешская семья
Такой цѣной себѣ купила,

Примите чашу,—вамъ звѣздой
Въ ночи судебъ она свѣтила,
И вашу немощь возносила
Надъ человѣческой средой.

О, вспомните, какимъ Она
Была вамъ знаменьемъ любимымъ,
И что въ кострѣ неугасимомъ
Она для васъ обрѣтена.

И этой-то великой мзды,
Отцевъ великихъ достоянье
За всѣ ихъ тяжкіе труды,
За всѣ ихъ жертвы и страданья,

Себя лишать даете вы,
Иноплеменной дерзкой ложью
Даете ей срамить,—увы!—
И честь отцевъ, и правду Божью!

И долго-ль, долго-ль этотъ плѣнъ,—
Изъ всѣхъ тягчайшій плѣнъ: духовный,—
Еще сносить ты осужденъ,
О, чешскій людъ, единокровный?..

Нѣтъ, нѣтъ, недаромъ благодать
На васъ сзывали предки ваши—
И будетъ вамъ дано понять,
Что нѣтъ спасенья вамъ безъ чаши.

Она лишь разрѣшитъ въ конецъ
Призванье вашего народа,
Въ ней и духовная свобода,
И единенія вѣнецъ.

Придите-жъ къ дивной чашѣ сей,
Добытой лучшей вашей кровью,—
Придите, приступите къ ней
Съ надеждой, вѣрой и любовью!

№ 153. *Тютчевъ.* КЪ ГАНКѢ.

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ,
Не пора-ль очнуться намъ?
И подать другъ-другу руки
Нашимъ кровнымъ и друзьямъ?

Вѣки мы слѣпцами были
И, какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во всѣ концы.

А случалось ли порою
Намъ столкнуться какъ-нибудь,—
Кровь не разъ лилась рѣкою,
Мечъ терзалъ родную грудь.

И вражды безумной сѣмя
Плодъ сторичный принесло:
Не одно погибло племя,
Иль въ чужбину отошло.

Иновѣрецъ, иноземецъ
Насъ раздвинулъ, разломилъ:
Тѣхъ обезъязычилъ нѣмецъ,
Этихъ турокъ осрамилъ.

Вотъ среди сей ночи темной,
Здѣсь, на Пражскихъ высотахъ,
Доблій мужъ рукою скромной
Засвѣтилъ маякъ впотьмахъ.

О, какими вдругъ лучами
Озарились всѣ края,
Обличилась передъ нами
Вся славянская земля.

Горы, степи и поморья
День чудесный осіялъ,
Отъ Невы до Черногорья,
Отъ Карпатовъ за Уралъ.

Разсвѣтаетъ надъ Варшавой,
Кіевъ очи отворилъ,
И съ Москвою златоглавой
Вышеградъ заговорилъ.

И нарѣчій братскихъ звуки
Вновь понятны стали намъ.
На яву увидятъ внуки
То, что снилося отцамъ.

ПРИПИСКА, СДѢЛАННАЯ ВЪ 1867 г. ВО ВРЕМЯ ПЕРВАГО СЛАВЯНСКАГО СЪѢЗДА ВЪ РОССИИ.

Такъ взывалъ я, такъ гласилъ я,—
Тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ ушло.
Все упорнѣе усилья,
Все безвыходнѣе зло.

Ты, стоящій днесь предъ Богомъ,
Мужъ добра, святая тѣнь,
Будь вся жизнь твоя залогомъ,
Что придетъ желанный день.

За твое же постоянство
Въ нескончаемой борьбѣ
Первый праздникъ всеславянства
Приношеньемъ будь тебѣ.

№ 154. *Тютчевъ.* MAN MUSS DIE SLAVEN AN DIE WAND DRÜCKEN!

(Слова австрійскаго министра Бейста).

Они кричать, они грозятся:
— *Вотъ къ стѣнкѣ мы славянъ прижмемъ!*
Ну, какъ бы имъ не оборваться
Въ задорномъ натискѣ своемъ!

Да, стѣнка есть—стѣна большая,
И насъ нетрудно къ ней прижать,—
Да польза-то для нихъ какая?
Вотъ намъ что трудно угадать!..

Ужасно та стѣна упруга,
Хоть и гранитная скала,
Шестую часть земного круга
Она давно ужъ обошла...

Ее не разъ и штурмовали,—
Кой-гдѣ срывали камня три,
Но напослѣдокъ отступали
Съ разбитымъ лбомъ богатыри...

Стоитъ она, какъ и стояла,
Твердыней смотритъ боевой;
Она не то, чтобъ угрожала,
Но... каждый камень въ ней живой.

Такъ пусть же бѣшенымъ напоромъ
Тѣснятъ насъ нѣмцы и прижмутъ
Къ ея бойницамъ и затворамъ:
Посмотримъ, что они возьмутъ?

Какъ ни бѣсись, вражда слѣпая,
Какъ ни грози намъ буйство ихъ,—
Не выдастъ насъ стѣна родная,
Не оттолкнетъ она своихъ.

Она разступится предъ вами
И, какъ живой для насъ оплотъ,
Межъ нами станетъ и врагами
И къ нимъ поближе подойдетъ.

№ 155. *Вяземскій.* ПРАГА.

Поклонъ любви съ желаньемъ блага
Въ знакъ соучастья и родства
Со мною шлетъ тебѣ, о Прага,
Первопрестольная Москва.

Поклонъ особенный градчину
Отъ златоглаваго Кремля:
Не можетъ чуждой славянину
Быть чеховъ доблестныхъ земля.

Насъ историческія сплетни
Поссорили между собой
И разорвали долголѣтній
Союзъ священный и родной.

Но братья мы и предковъ кровью,
И первобытнымъ языкомъ:
Должны быть братья и любовью,
И просвѣщеньемъ, и добромъ.

Нѣтъ, не хочу съ судьбою грозно,
Безумецъ, затѣвать борьбы:
Будь каждый дома, каждый розно,
Когда таковъ законъ судьбы.

Но связь преданій не погибла,
Она разрозненныхъ миритъ;
Что географія отшибла,
Пусть сызнова любовь скрѣпитъ.

На берегу твоей Молдавы
Люблю я, Прага, вспоминать,
Вѣка твоей минувшей славы
И ихъ мечтой возсозидать:

Обмануть слухъ роднымъ нарѣчьемъ,
И съ башенъ, съ стѣнъ твоихъ, съ церквей—
Роднымъ Кремлемъ и Москворѣчьемъ,
Все ластится къ душѣ моей.

Святыхъ Меѳодія, Кирилла
Съ тобой намъ общи имена,
И благодарно сохранила
Святая Русь ихъ письмена.

Къ наукѣ рвенье не остыло
Въ сынахъ твоихъ и въ наши дни:
Шафарикъ твой—славянъ свѣтило,
И Ганка твой намъ всѣмъ сродни.

№ 156. *В. С. Соловьевъ.* EX ORIENTE. LUX.

Съ Востока свѣтъ, съ Востока силы!
И, къ вседержительству готовъ,
Ирана царь подъ Фермопилы
Нагналъ стада своихъ рабовъ.

Но непапрасно Прометея
Небесный даръ Елладѣ данъ:
Толпы рабовъ бѣгутъ, блѣднѣя,
Предъ горстью доблестныхъ гражданъ.

И кто-жъ, до Инда и до Ганга,
Стезею славною прошелъ?
То—македонская фаланга,
То—Рима царственный орелъ.

И силой разума и права,
Всечеловѣческихъ началъ
Воздвиглась Запада держава,
И міру Римъ единство далъ.

Чего-жъ еще не доставало?
Зачѣмъ весь міръ опять въ крови?
Душа Вселенной тосковала
О духѣ вѣры и любви!

И слово вѣщее неложно,
И свѣтъ съ Востока возсіялъ,
И то, что было невозможно,—
Онъ возвѣстилъ и обѣщалъ.

И, разливаяся широко,
Исполненъ знаменій и силъ,
Тотъ свѣтъ, исшедшій отъ Востока,
Съ Востокомъ Западъ примирилъ.

О, Русь! Въ предвидѣньи высокомъ
Ты мыслью гордой занята;
Какимъ же хочешь быть Востокомъ:
Востокомъ Ксеркса иль Христа?

№ 157. *А. Пушкинъ.* ОЛЕГОВЪ ЩИТЪ.

Когда ко граду Константина,
Съ тобой, воинственный варягъ,
Пришла славянская дружина
И развила побѣды стягъ,—
Тогда, во славу Руси ратной,
Строптиву греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатный
На цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли.
Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу грозно притекли,
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

№ 158. *Тютчевъ.* ПРОРОЧЕСТВО.

Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ,
Вѣсть родилась не въ нашемъ родѣ,—
То древній гласъ, то свыше гласъ:
„Четвертый вѣкъ ужъ на исходѣ,—
Свершится онъ, и грянетъ часъ!

И своды древніе Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь!
Пади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій царь!“

№ 159. *Тютчевъ.* * * *

Нѣтъ, карликъ мой, трусъ безпримѣрный,
Ты, какъ ни жмися, какъ ни трусь.
Своей душою маловѣрной
Не соблазнишь святую Русь.

Иль всѣ святыя упованья,
Всѣ убѣжденья истребя,
Она отъ своего призванья
Вдругъ отречется для тебя?

Иль такъ ты дорогъ Провидѣнью,
Такъ друженъ съ нимъ,—такъ за-одно,
Что, дорожа твоею лѣнью,
Вдругъ остановится оно?

Не вѣрь въ святую Русь, кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой,—
И Богъ побѣды не отсрочитъ
Въ угоду трусости людской.

То, что обѣщано судьбами,
Ужъ въ колыбели было ей,
Что ей завѣщано вѣками
И вѣрой всѣхъ ея царей,—

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечемъ,
То, что орелъ Екатерины
Ужъ прикрывалъ своимъ крыломъ,—

Вѣнца и скиптра Византіи
Вамъ не удастся насъ лишить!
Всемірную судьбу Россіи—
Нѣтъ—вамъ ея не запрудить.

№ 160. *Тютчевъ.* РУССКАЯ ГЕОГРАФІЯ.

Москва и градъ Петровъ и Константиновъ градъ—
Вотъ царства Русскаго завѣтныя столицы.
Но гдѣ предѣлъ ему и гдѣ его границы:
На Сѣверъ, на Востокъ, на Югъ, и на Закатъ.
Грядущимъ временамъ судьба—ихъ обличать.

Семь внутреннихъ морей и семь великихъ рѣкъ
Отъ Низа до Невы, отъ Эльбы до Китая,—
Отъ Волги по Ефратъ,—отъ Ганга до Дуная,—
Вотъ царство Русское, и не пройдетъ во вѣкъ,
Какъ то провидѣлъ Духъ и Даніилъ предрекъ.

№ 161. *Апухтинъ.* БРАТЬЯМЪ. Во время войны (1877 г.).

Свѣтаетъ... Не въ силахъ тоски превозмочь,
Заснуть я не могъ въ эту бурную ночь.
Чрезъ рѣки и горы, и степи просторъ
Васъ, братья далекіе, ищетъ мой взоръ.
Что съ вами? Дрожите ли вы подъ плащемъ?
Вы стонете-ль въ ранахъ, томитесь въ плѣну,
Иль пали въ бою за родную страну,
И жизнь отлетѣла отъ лицъ дорогихъ,
И голосъ вашъ милый навѣки затихъ,
О, Господи! Лютой пылая враждой,
Два стана давно ужъ стоятъ предъ Тобой.
О помощи молятъ Тебя ихъ уста:
Одинъ—за Аллаха, другой—за Христа...
Безъ устали, дружно, во имя твое,
Работаютъ пушка и штыкъ, и ружье...
Но, Боже, одинъ Ты, и вѣра одна,
Кровавая жертва тебѣ ненужна,—
Яви же борцамъ негодующій ликъ,
Скажи имъ, что міръ твой хорошъ и великъ,
И слово забытое братской любви
Въ сердцахъ, омраченныхъ враждой, оживи!

№ 162. *Лихаревъ.* НА ВОСТОКЪ. (1875—1876 гг.)

Густой разсѣялся туманъ,—
Оторопѣвшій міръ смутился:
Орды безбожной ураганъ
Надъ славяниномъ разразился.
Страстей людскихъ слѣпая рать
Мятежно волнами вздымалась...
Куда укрыться и бѣжать?
Увы, съ отставшими что сталось?
Геройствомъ жизни не спасти,
Ужъ не одинъ юнакъ уложенъ.
Прости, о родина, прости,—
Отпоръ напрасенъ—невозможенъ:
Мужъ потерялъ свою жену;
Сироты—бабка съ внукомъ бродитъ;
Женихъ обѣгалъ всю страну
И все невѣсты не находитъ.
Тамъ—вдругъ покинуто жилье;
Здѣсь—разбѣжавшееся стадо;
Дитя послѣднее свое
Мать на чужбину сбыть бы рада!
Глухая ночь. Погибнуть всѣмъ,
Иль разбѣжаться безъ возврата,
Иль дочерей отдать въ гаремъ,
Покинуть кровъ больного брата
И тихо скрыться самому
Съ запасомъ малымъ пропитанья!..
Зачѣмъ? Куда пристать? Кому
Изобразить свои страданья?
Нѣтъ, стыдно бросить свой народъ!.,
Нѣтъ, кто своихъ въ нуждѣ покинетъ,
Получитъ вражью участь тотъ,
Какъ пыль, какъ прахъ съ врагомъ онъ сгинетъ.
Измѣнникъ дружбѣ и любви,
Отвергнетъ міръ тебя, какъ гада,
И кровь твоя въ чужой крови
Достигнетъ темной бездны ада!..
Чу! Слышенъ дальній стукъ копытъ,
Еще! Тутъ горная дорога...
Не турокъ ли по ней валитъ?
Спасайтесь, братья, ради Бога!
Повсюду сборы на селѣ
И толкотня во тьмѣ кромѣшной,—
Вотъ свой достатокъ на мулѣ
Увозитъ старица поспѣшно;
Старикъ бѣжитъ, больной идетъ;
Не слышно плача, воплей страстныхъ...
Но поздно; турки у воротъ,
Вотъ грозный шумъ шаговъ ужасныхъ...
И гулъ убійства пролетѣлъ,
Безумныхъ грабежей начало,—
Въ горахъ, въ лѣсахъ народъ засѣлъ,—
Все населенье побѣжало...
Сынъ раненую мать несетъ;
Въ вертепахъ ищетъ дочь спасенья,
И день грядущій не пошлетъ
Ни помощи, ни утѣшенья...
Больные въ безднахъ залегли
Лишь подъ защитою природы;
Младенцевъ матери влекли
Чрезъ потаенные проходы...
Хотя бы пережить бѣду,
Хотя-бъ надежды лучъ кто пролилъ!
Нѣтъ! Къ испытаньямъ и труду
Господь васъ, братья, приготовилъ!..

№ 163. *Голенищевъ-Кутузовъ.* КЛАДЪ.

Намъ турокъ-измѣнникъ, осклабясь, шепталъ:
„Хватайтесь скорѣй за лопаты!
Я знаю, гдѣ пушки Османъ закопалъ.
Вотъ мѣсто—не холмъ, не редутъ и не валъ,
Здѣсь кладъ вы найдете богатый.“
И точно: при свѣтѣ холодной луны
Вблизи, наподобье кургана,
Недавняя насыпь среди бѣлизны
Лежащей кругомъ снѣговой пелены
Темнѣетъ, какъ черная рана.
И песъ одичалый по насыпи той
Въ полуночи бродитъ уныло...
„Эй, турокъ! Ты лжешь—не чугунъ боевой,

Не пушки тяжелыя,—кладъ здѣсь иной
Закопанъ подъ свѣжей могилой!“
Лопаты о мерзлую землю стучатъ,
Спорится ночная работа.
Вдругъ—стой! И попятился старый солдатъ
И въ страхѣ блѣднѣетъ, находкѣ не радъ,
Открылъ онъ ужасное что-то!
„Смотри-ка, ребята, смотри, да дивись!“
Глядятъ: голова человѣчья
Торчитъ изъ земли... Вновь копать принялись,
Толпою вокругъ мертвеца собрались:
На тѣлѣ ни ранъ, ни увѣчья!
Стоитъ русскій воинъ безмолвенъ и прямъ,
Глубокою дремой объятый,
И ранецъ примерзъ къ молодецкимъ плечамъ,
И сдвинуты ноги, и руки по швамъ;
Лишь пальцы страдальчески сжаты.
Намъ жутко всѣмъ стало... Невольный испугъ
Сжалъ сердце. Крестились солдаты,
Въ суровомъ уныньѣ поникли вокругъ.
Промчалось мгновенье... Очнулись и вдругъ
Схватилися вновь за лопаты.
Лопаты о мерзлую землю стучатъ;
Кипитъ и спорится работа,
Изъ глуби кургана встаетъ страшный кладъ!
Встаетъ при лунѣ мертвецовъ длинный рядъ,
Ихъ строится цѣлая рота.
И каждому свѣтитъ въ лицо мертвецу
Луна сквозь ночного тумана.
Какъ въ часъ торжества, на парадномъ плацу
Во фронтѣ стоятъ молодецъ къ молодцу,
Отборныя жертвы Османа!
Стоятъ неподвижно дружиной нѣмой,
Пріявшіе смерть безъ боязни.
Живыми зарытые, мести людской
Не просятъ они. Судія неземной
Да будетъ отмститель ихъ казни.
И въ горѣ, и въ страхѣ съ молитвой опять,
Не трогая, ихъ мы зарыли.
И псамъ на съѣденье чтобъ трупы не дать,
Курганъ стала вьюга къ ночи заметать,
И бури надъ ними завыли.
Намъ плакать по мертвымъ не время. Съ утра
Срядились въ походъ. Намъ бураны,
Мятели и бури нестрашны. Пора
Съ врагами кончать... Надоѣла игра!
Миръ павшимъ! А мы за Балканы.

№ 164. *Тютчевъ.* ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II. (4 апр. 1866 г.).

Такъ онъ спасенъ! Иначе быть не можетъ!
И чувство радости по Руси разлилось.
Но посреди молитвъ, средь благодарныхъ слезъ
Мысль неотступная невольно сердце гложетъ:
Все этимъ выстрѣломъ, все въ насъ оскорблено,
И оскорбленію какъ-будто нѣтъ исхода:
Легло,—увы!—легло позорное пятно
На всю исторію Россійскаго народа.

№ 165. *Тютчевъ.* ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

Ты взялъ свой день... Замѣченный отъ вѣка
Великою Господней благодатью,
Онъ рабскій образъ сдвинулъ съ человѣка
И возвратилъ семьѣ меньшую братью...

№ 166. *Мат—въ.* ВИДѢНІЕ.

Безотрадная ночь, какъ темница, мрачна,
Рѣзкій вѣтеръ доносится съ моря,
Крутитъ снѣгъ надъ рѣкою, и ропщетъ волна,
Непогодѣ бушующей вторя;
Разбиваясь у стѣнъ, она глухо шипитъ
И слезой орошаетъ холодный гранитъ.
Изъ рѣки, словно призракъ, грозящій волнамъ,
Поднимается грозно твердыня [1]);
За стѣнами твердыни возносится храмъ [2]);
Въ храмѣ этомъ отчизны святыня...
Гробъ стоитъ золоченый, порфирой покрытъ,
А въ гробу Императоръ усопшій лежитъ [3]).
Миръ блаженный разлитъ на челѣ у Царя,
Озаренномъ улыбкой застывшей...
Правосудья Небесъ, предъ лицомъ алтаря,
Словно ждетъ Миротворецъ почившій...
Ровно свѣчи горятъ, храмъ объятъ тишиной,
Слышно только, какъ плачетъ мятель за стѣной.
У подстѣнья собора и въ мрачныхъ углахъ
Блещетъ мраморный рядъ саркофаговъ,
Императоровъ-предковъ покоится прахъ
Въ нихъ подъ сѣнью воинственныхъ стяговъ.
Въ изголовьяхъ могилъ, словно очи, горятъ
Неподвижныя точки надгробныхъ лампадъ.
Полночь. Звонъ загудѣлъ... Дрогнулъ каменный сводъ,
Мракъ и холодъ ворвались въ обитель...
Исполинскою тѣнью изъ гроба встаетъ
Императоровъ всѣхъ прародитель [4]).
Онъ таинственнымъ взоромъ глубокихъ очей
Будитъ царственный сонмъ вѣнценосныхъ тѣней...
И встаютъ изъ могилы монархи-вожди
И вѣнчанныя лавромъ царицы.
Но не гордость царитъ въ ихъ усталой груди,
И опущены долу рѣсницы...
Подошелъ къ изголовью монарховъ глава
Гостю новому молвитъ такія слова:
„Миръ Тебѣ, Миротворецъ! Блаженъ Твой удѣлъ...
Предъ Тобой преклоняются дѣды...
Не исторгнувъ меча, превзойти ты съумѣлъ
Незабвенныя наши побѣды!
Не увлекъ Тебя брани кровавый кумиръ,
Въ мірѣ создалъ навѣкъ Ты незыблемый миръ!
Пусть за ратную славу хвалы намъ поютъ.
Наши лавры стяжали мы кровью...
Ты же первый безъ крови приходишь на судъ,
Защищенный всемірной любовью!...“
Замолчалъ онъ и долу главою поникъ,
И за нимъ преклонился сонмъ грозныхъ владыкъ...
День ненастный забрезжилъ надъ хладной рѣкой,
Храмъ унылый стоитъ за стѣнами,
Надъ твердыней разлитъ безотрадный покой,
И лампады мерцаютъ во храмѣ.
Рядъ гробницъ, какъ и прежде, печаленъ и тихъ,
Только новый виднѣется гробъ между нихъ.

---

1) Петропавловская крѣпость въ Петербургѣ.
2) Петропавловскій соборъ въ Петербургѣ.
3) Александръ III.
4) Петръ Великій.

№ 167. *Майковъ.* КЪ ПОРТРЕТУ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

Въ томъ Царская его заслуга предъ Россіей,
Что—Царь—онъ вѣрилъ самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская земля,
Ихъ громко высказалъ;—и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ колоколъ ударитъ, и въ мгновенье
Всѣ сорокъ-сороковъ въ Христово Воскресенье
О Свѣтломъ Праздникѣ по Руси возвѣстятъ,—
Такъ слово царское, летя изъ града въ градъ,
Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ,
И, какъ живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ,
Вдругъ, къ жизни призваны, очнулся долъ и лѣсъ,—
Воскресла духомъ Русь, сомнѣній мракъ исчезъ,—
И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованой броней, закрѣплено сознаньемъ.

№ 168. *Случевскій.* БОЙЦАМЪ.

Война кипитъ. Событій ходъ
Еще противникамъ не ясенъ,
Но присмирѣлъ японскій флотъ,
А бой „Варяга“ былъ прекрасенъ...
Въ Корею изъ далекихъ странъ
Вступаютъ ратныя дружины,
И броневые исполины
Врачуютъ язвы первыхъ ранъ.
Зажглась, горитъ зари кровавой
Надъ моремъ темнымъ полоса,
И смерти лютая коса
Ждетъ битвы радостной и правой!
Стремясь увѣренно впередъ,
Мы этотъ споръ съ привычной славой
Должны окончить. Онъ пройдетъ,
Годъ безпокойный, годъ военный,
И Русь побѣдно отдохнетъ
На зависть тайную вселенной.
Глухихъ, уклончивыхъ рѣчей
Минуло время. Прочь притворство!
Разсудитъ дѣло стукъ мечей
И ратной доблести упорство.
Но почему, скажи намъ, ты,
Страна прекраснаго свѣтила,
Въ порывѣ дерзостной мечты
На насъ клинокъ свой обнажила?
Твои ли чудные цвѣты,
Твоихъ ли водъ покой зеркальный
Желаютъ тризны погребальной
И жаждой крови политы?
Быть-можетъ, зависть тайно гложетъ
Дѣтей балованныхъ твоихъ,
И злость завистниковъ другихъ
Покой ночей твоихъ тревожитъ?
Быть-можетъ, ночь твоя черна,
И ты, своею жаждой новой,
На судъ военный и суровый
Рукою вышней отдана!
Намъ эта злоба неясна...
Но мы готовы. Разсужденій
Теперь окончился чередъ:
За дымомъ славы и сраженій
Свѣтило красное встаетъ...
Ждетъ море дальнее хозяевъ,
По нимъ соскучились давно.
Спѣшите, внуки самураевъ;
Погибнуть въ битвѣ негрѣшно!
Мы любимъ Бога, тверды въ вѣрѣ,
И всякій врагъ намъ по-плечу...
Пусть стоекъ онъ: по крайней мѣрѣ
Нестыдно русскому мечу.
А ты, о море, другъ свободы,
Другъ твердыхъ и прямыхъ душой,
Твои лазоревыя воды

Теряютъ цвѣтъ свой голубой!
Онѣ окрашены пурпурно,
Онѣ волнуются въ крови:
Прими-жъ безропотно, безбурно
Росу багряную любви!

Прими съ улыбкой жертвы боя
И, безпристрастное къ врагамъ,
Останки каждаго героя
Верни родимымъ берегамъ!

№ 169. *Случевскій (сынъ).* ПАМЯТИ РЮРИКА.

Плыли утромъ лебеди
Въ пѣнѣ водъ морскихъ.
Двое плыли спереди,
Третій—сзади нихъ.
Налетѣли соколы,
Завязался бой.
Воду рѣжетъ весело
Лебедь Громобой.
Помогаетъ младшему
Средній въ свой чередъ,—
Но одинъ, измученный,
Старшій отстаетъ.
Кровь течетъ багряная;
На водѣ легло
И лежитъ разбитое
Длинное крыло.
Бьется лебедь раненый,
Кличетъ онъ своихъ,—
Раздѣлились соколы,
Не пускаютъ ихъ.
Добиваютъ стараго,
Не сдается самъ.
Пѣсня лебединая
Вьется по волнамъ...
Гдѣ ты, лебедь радостный?
Гдѣ ты, отзовись!
Помнишь, какъ съ тобой мы
По морямъ неслись?
Оба были молоды,
Оба—ты да я—
Въ первый разъ отправились
Въ дальніе края.
Что-жъ на зовъ товарища
Ты не клонишь слухъ?
По волнамъ проносится
Только бѣлый пухъ.

№ 170. *Брюсовъ.* КЪ СОГРАЖДАНАМЪ.

Борьба не тихнетъ. Въ каждомъ домѣ
Стоитъ кровавая мечта,
И ждемъ мы въ тягостной истомѣ
Столбцовъ газетнаго листа.

Въ глухихъ степяхъ подъ небомъ хмурымъ
Тревожный духъ нашъ опочилъ,
Гдѣ надъ Мукденомъ, надъ Артуромъ
Паритъ безсмѣнно Азраилъ.

Теперь не время буйнымъ спорамъ,
Какъ и веселымъ звонамъ струнъ.
Вы, ликторы, закройте форумъ,
Молчи, неистовый трибунъ!

Когда падутъ крутыя Веи
И встанетъ Римъ, какъ властелинъ,—
Пускай опять идутъ плебеи
На свой священный Авентинъ.

Но въ часъ сраженій, въ ратномъ строѣ,
Всѣ съ грудью грудь, и тотъ не правъ,
Кто назначенье міровое
Продать способенъ, какъ Исавъ.

Пусть помнятъ всѣ, что рядъ столѣтій
Россіи вѣдать суждено,
Что мы предъ ними—только дѣти,
Что наше время—лишь звено.

№ 171. *Брюсовъ.* ЦУСИМА.

Великолѣпная могила.
Пушкинъ.

Гдѣ море, сжатое скалами,
Рѣкой торжественной течетъ,
Подъ знойно южными волнами,
Изнеможенъ, почилъ нашъ флотъ.

Какъ стая птицъ надъ океаномъ,
За нимъ тоскующей мечтой
По страннымъ водамъ, дивнымъ странамъ
Стремились мы къ мечтѣ одной.

И въ день, когда въ огнѣ и бурѣ
Онъ, неповинный, шелъ ко дну,
Мы въ бездну канули въ лазури,
Мы пили смертную волну...

И мы, какъ онъ, лежимъ безсильны,
Высь недоступна, далека,
И мчитъ надъ нами грузъ обильный,
Какъ прежде, южная рѣка.

И только слезы, только горе,
Толпой рыдающихъ наядъ,
На стрѣлахъ солнца сходятъ въ море,
Гдѣ наши остовы лежатъ.

Да вмѣстѣ призракъ величавый,
Россія горестная, твой,
Рыдаетъ надъ погибшей славой
Своей затѣи роковой!..

И снова все въ вѣкахъ, далеко,
Что было близкимъ, наконецъ,—
И скипетръ дальнаго Востока,
И Рима третьяго вѣнецъ.

№ 172. *Языковъ.* СТИХИ НА ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА ИСТОРІОГРАФУ НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КАРАМЗИНУ.

Онъ памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
Достойный праведныхъ похвалъ,
И краше, чѣмъ кумиръ иль столбъ каменосѣчный,
И тверже, чѣмъ литой металлъ!
Тотъ славный памятникъ, отчизну украшая,
О немъ потомству говоритъ
И будетъ говорить, покуда Русь святая
Самой себѣ не измѣнитъ!
Покуда внятны ей родимыя преданья
Давно скончавшихся вѣковъ
Про свѣтлыя дѣла, про лютыя страданья,
Про жизнь и вѣру праотцовъ;
Покуда нашъ языкъ, могучій и прекрасный,
Ихъ вѣщій, ихъ завѣтный гласъ,
Пѣвучій и живой, звучитъ намъ сладкогласно,
И есть отечество у насъ!
Любя отечество душою просвѣщенной,
И славу русскую любя,
Труду высокому обрекъ онъ неизмѣнно
Всѣ дни свои, всего себя;
И, полонъ имъ однимъ и съ нимъ позабывая
Призывъ блистательныхъ честей,
И множество суетъ, какими жизнь мірская
Манитъ къ себѣ, влечетъ людей
Въ свои объятія, и силу, и отвагу,
И жажду чистаго труда,
И пылкую любовь къ отечеству и благу,
Мертвитъ и душитъ навсегда,—
Въ тиши работалъ онъ, почтенный собесѣдникъ
Простосердечной старины,
И, ей сочувствуя, и правды проповѣдникъ,
И не наемникъ повизны!
Сказанья праотцевъ судилъ онъ нелукаво,

Онъ прямодушно понималъ
Родную нашу Русь,—и совершилъ со славой
Великій подвигъ: написалъ
Для насъ онъ книгу-книгъ,—и ясною картиной
Въ ней обновилась старина.
Вотъ первые князья съ варяжскою дружиной,
И вѣютъ наши знамена
У цареградскихъ стѣнъ. Вотъ Русь преображаетъ
Владиміръ-солнце русскихъ лѣтъ,
И съ кіевскихъ высотъ ей царственно сіяетъ
Креста животворящій свѣтъ!
Вотъ Ярославъ, вотъ вѣкъ усобицы кровавой,
Раздоръ и трата бодрыхъ силъ;
Вотъ благодушные и смѣлые Мстиславы,
И Мономахъ, и Даніилъ!
Вотъ страшный Божій гнѣвъ. Во всей землѣ тревога,
И шумны полчища татаръ;
Имъ степь широкая, какъ тѣсная дорога;
Вездѣ война, вездѣ пожаръ,
И русскіе князья съ поникшими главами
Идутъ въ безбожную орду!
Вотъ рыцарство меча съ желѣзными полками,
И ихъ побоище на льду;
Великій Новгородъ съ своею бурной волей,
И Псковъ, Новгороду братъ;
Москва, святитель Петръ, и Куликово поле;
Вотъ уничтоженный Ахматъ;
Великій Іоаннъ, всей Руси повелитель,—
И вотъ нашъ Грозный, внукъ его,
Трехъ мусульманскихъ царствъ счастливый покоритель—
И кровопійца своего.
Неслыханный тиранъ, мучитель непреклонный,
Природы ужасъ и позоръ!
Въ Москвѣ за казнью казнь; у плахи беззаконной
Весь день мясничаетъ топоръ.
По земскимъ городамъ толпа кромѣшныхъ бродитъ,
Нося грабежъ, губя людей,
И, бѣшено-свирѣпъ, самъ царь ее предводитъ,
Глава усердныхъ палачей!
И ты, въ страданіяхъ смертельныхъ цѣпенѣя,
Ты всѣ кровавыя дѣла,
Весь дикій произволъ державнаго злодѣя,—
Спокойно ты перенесла,
Святая Русь. Но судъ исторіи свободно
Свой приговоръ ему изрекъ:
Царя-мучителя онъ проклялъ всенародно
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ!
Вотъ сынъ тирана,—царь-смиренникъ молчаливый,
Молитва, постъ и тишина,—
И отдохнулъ народъ подъ властью незлобивой,
И царству слава отдана.
Правитель Годуновъ; вотъ самъ онъ на престолѣ;
Но тѣнь изъ гроба возстаетъ,
И гибнетъ царь Борисъ: его не любитъ болѣ,
Его не хочетъ свой народъ!
Бродяга царствуетъ, воспитанникъ латинства;
Онъ презираетъ нашъ законъ,
Въ Кремлѣ онъ поселилъ соблазны и безчинства,
Ночныхъ скаканій шумъ и звонъ,
И пѣсни буйныя, и странное гудѣнье...
Но,—чу!—набатъ и грозенъ крикъ,—
И бурно въ Кремль идетъ народное волненье...
Долой вѣнчанный еретикъ!
Вотъ Шуйскій, мятежи—и самозванецъ новый,
Клевретъ строптивыхъ поляковъ;
Вотъ Михаилъ Скопинъ и братья Ляпуновы!
Вотъ сотня доблихъ чернецовъ,

Противу тьмы враговъ громовая твердыня.
Въ Москвѣ знамена короля...
Въ плѣну священный Кремль, поругана святыня...
Мужайся, русская земля!
Великій подвигъ онъ свершилъ со славой,
О сколько думъ рождаетъ въ насъ,—
И задушевныхъ думъ,—текущій величаво
Его плѣнительный разсказъ,
И ясный, и живой, какъ волны голубыя
Рѣки, царицы русскихъ водъ,
Между холмовъ и горъ, откуда онъ впервые
Увидѣлъ солнечный восходъ!
Онъ будитъ въ насъ огонь прекрасный и высокій,
Огонь чистѣйшій и святой,
Уже недвижный въ насъ, заглохшій въ насъ глубоко
Отъ жизни блудной и пустой,
Любовь къ своей землѣ, насъ преданныхъ чужбинѣ,
Краснорѣчиво учитъ онъ
Не рабствовать ея презрительной гордынѣ,
Хранить въ душѣ родной законъ,
Надежно уважать свои родныя силы,
Спасенья чаять только въ нихъ,
Въ себѣ,—и не плевать на честныя могилы
Могучихъ прадѣдовъ своихъ!
Безсмертенъ Карамзинъ! Его бытописанья
Не позабудетъ русскій міръ,
И памяти о немъ не нужно струнъ бряцанья,
Не нуженъ камень иль кумиръ:
Она безъ нихъ крѣпка въ отчизнѣ просвѣщенной...
Но слава времени, когда
И мирный гражданинъ, подвижникъ незабвенный
На полѣ книжнаго труда,
Вѣнчанный славою и гордый воевода,
Герой счастливый на войнѣ,—
Стоятъ торжественно передъ лицомъ народа
На равной вышинѣ.

ОПЕЧАТКИ.

Строка.	Страница.	Столбецъ.	Напеч.	Надо.
св. 10	3	1	Отмститъ	отмстить
св. 4	17	2	рубитъ	рубить
сн. 5	37	2	Нѣто,—	Нѣтъ,—
св. 19	39	1	прилѣжно	прилежно
сн. 2	42	2	твой	твоей
св. 11	49	1	поддаются	подаются
сн. 4	49	2	тягоснымъ	тягостнымъ
св. 8	53	1	Невекіи	Невскій
сн. 13	60	2	да міръ	да миръ
св. 13	68	1	солце	солнце
сн. 16	68	1	прибѣщище	прибѣжище
сн. 5	71	1	пѣтъ	пѣть
сн. 5	77	2	слушаль	слушалъ
св. 3	164	1	Втою	Стою
св. 5	164	1	Съ муакѣ	Въ мракѣ

Для того, чтобы заставить учащихся запомнить фамилію автора мы ставили ее передъ произведеніемъ, не приводя инициаловъ. Въ концѣ книги мы даемъ полное имя автора.

(Первая цифра—№ стихотворенія, вторая—страница).

